

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ОЧЕРКИ
МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

П. Востокцова.

247164 e. 38

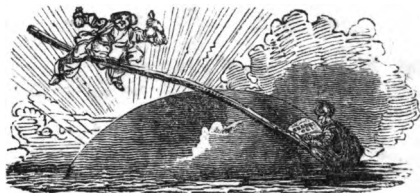
ОЧЕРКИ
МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

ОЧЕРКИ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

П. Востенгофа.

..... Онь голым до пятокъ,
На дѣтъ Московскихъ есмь особый ошпечашекъ:

ГРИГОРЬЕВЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 8
Октября, 1842 года. Ценсоръ *В. Флеровъ*.

ЕГО ВЫСОКОРОДНО

ГОСПОДИНУ МОСКОВСКОМУ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРУ, СТАТ-
СКОМУ СОВѢТНИКУ, ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА КАМЕРГЕРУ И РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ
КАВАЛЕРУ,

Петру Петровичу

НОВОСІЛЬЦОВУ.

СЪ ИСТИННЫМЪ УВАЖЕНІЕМЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

СОСННІЕ. 16.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

Стр. 1 Пространство города, его раздѣленіе, число жилищей. — 4 Улицы. — 8 Общая народная дѣятельность города на главныхъ его улицахъ. — 15 Церковныя торжества. — 17 Характеръ жилищей, Аристократы, средній кругъ. — 36 Купцы. — 51 Чиновники. — 63 Балы, Маскерады, Концершы. — 83 Лѣтнія гулянья. — 95 Оминъ Поведѣльникъ. — 98 Праздники, Игроки. — 109 Клубы. — 123 Театръ. — 130 Цеховые, Магазины. — 136 Кондишерскія, Гостиницы, Трапиры. — 141 Женщины: барышни, милосивыя государыни, ищущія мѣсть, ничего не дѣлающія, занимающія чѣмъ нибудь. — 153 Иногородные помѣщики, провинціалки, прѣзжающіе на время, въ Москву. — 160 Господствующій языкъ. — 164 Полиція, Пожарная команда. — 167 Цыганы. — 171 Извозчики. — 180 Разнощики. — 183 Мальчики. — 186 Наемные люди, нучера, ланек. — 196 Воровство, пьянство, пороки вообще. — 200 Климашъ, больши. — 202 Ленаря. — 209 Дополнительныя замѣтки о народонаселеніи Москвы.

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА, ЕГО РАЗДѢЛЕНІЕ, ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ.

Доха новы, во предразсудки стары.
Порадуйтись, не истребить
Ни годы ихъ, ни воды, ни пожары.

Григорьевъ.

Столичный городъ Москва имѣетъ 350,000 жителей, 12,000 домовъ, около 400 церквей включая въ это число и монастыри. Окружность города составляетъ 40 верстъ; онъ построенъ на нѣсколькихъ холмахъ и заключаетъ въ себя: 1-е Старинную крѣпость, называемую *Кремлемъ*; Кремль представляетъ видъ неправильнаго многоугольника, обнесеннаго со всѣхъ сторонъ каменною стѣною съ готическими башнями; онъ находится въ самомъ центрѣ города, въ немъ замѣчательнѣйшія зданія: Дворецъ Императора, Ордонасъ-гаузъ,

Очер. Мос. жиз.

Соборы, огромная колокольня Ивана Великаго, Правительствующій Сенатъ, Арсеналь, Оружейная Палата, Чудовъ монастырь и церковь Св. Спаса на бору, извѣстная по своей древности. Къ Кремлевской стѣнѣ прилегаётъ прекрасный Кремлевскій садъ, разведенный на мѣсть, гдѣ прежде было болото, этотъ садъ находясь въ центрѣ города, служитъ ежедневнымъ мѣстомъ прогулки для жителей. 2-е *Китай городъ*, также обнесенный каменною стѣною, въ немъ: Ряды, Гостиный дворъ, Биржа, Синодальная типографія и множество зданій, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. На Красной площади, отдѣляющей Китай городъ отъ Кремля, возвышается памятникъ знаменитому Князю Пожарскому и Гражданину Минину и расположенъ корпусъ Московскихъ Присутственныхъ мѣстъ. 3-е *Бѣлый городъ*, здѣсь построены: Университетъ, Дворянскій и Александринскій Институты, Гимназіи, разныя учебныя заведенія, домъ Военнаго Генераль-Губернатора, Экзерцицъ-гаузъ, Воспитательный домъ, Опекунскій Совѣтъ, Театры, Клубы, домъ Дворянскаго Собранія, различныя казенныя и частныя зданія. Бѣлый городъ обнесенъ бульварами. 4-е *Земляной городъ*, здѣсь кромѣ обывательскихъ домовъ, находятся: Больницы, Институты для дѣвицъ, запасныя магазины, ка-

зармы, подворья, различные фабрики и заводы. Земляной городъ опоясывается большою садовою улицею, и только въ немъ одному позволено строить деревянные дома.

Сверхъ сего Москва раздѣлена на 17 частей, которыя подраздѣлены на кварталы, полицейское же управленіе Москвы составлено изъ 3 отдѣленій; каждое изъ нихъ заключаетъ въ себя одинъ изъ поименованныхъ здѣсь городовъ; эти отдѣленія управляются Полицейстерами, которые состоятъ подъ начальствомъ Московскаго Оберъ-Полицейстера.

УЛИЦЫ.

По моему сужденію
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенію.

Григорьевъ.

. Съ каждымъ годомъ, наружный видъ Москвы украшается быстро постройкою огромныхъ, красивыхъ домовъ, принадлежащихъ казнѣ и частнымъ лицамъ; тротуары на многихъ улицахъ сдѣланы изъ асфальта или дикаго камня и не представляютъ тѣхъ затрудненій для пѣшеходовъ, какъ это было нѣсколко лѣтъ назадъ; площади вездѣ чисты и украшены фонтанами. Главнѣйшія улицы, на которыхъ сосредоточивается народная дѣятельность города, суть: *Ильинка*, гдѣ построены Гостиный дворъ и Биржа; *Кузнецкій мостъ*, на которомъ помѣщаются модные магазины, косметики, и превосходно устроенная галлерей Князя

Голицына, съ отдѣльными въ ней лавками. Здѣсь встрѣчаете вы экипажи и пѣшеходовъ съ утра до поздней ночи и преимущественно одинъ чисто-одѣтый народъ, потому что Московскій простолюдинъ, не имѣя никогда надобности ни въ чемъ, что продается на Кузнецкомъ мосту, проходить его развѣ по крайней необходимости. *Тверская*, — главная Московская улица, идущая отъ Петербургской заставы къ Иверскимъ воротамъ, здѣсь находятся лучшія гостиницы для прѣзжающихъ, магазины, кондитерскія лавки, множество красиво отстроенныхъ домовъ и домъ Московскаго Воеянаго Генераль-Губернатора. *Петровская площадь*, на которой построенъ огромный Петровский театръ. Вотъ мѣста, гдѣ наиболее проявляется народное движеніе.

Домы въ Москвѣ строятся въ одинъ, два и до четырехъ этажей, послѣднихъ очень немного, больше строятся въ два этажа. Хотя бы еще можно было поименовать нѣсколько большихъ улицъ, но всѣ онѣ не имѣютъ никакого, особеннаго отличія, и огромные дома перемѣшаны часто съ небольшими домиками. Если это противно принятому плану новѣйшихъ городовъ, неменѣе того въ Москвѣ, это разнообразіе имѣетъ свою хоро-

шую сторону. Вы видите палаты вельможи подлѣ мирной хижины ремесленника, которыя не мышатъ другъ другу, у каждаго своя архитектура, свой масштабъ жизни; ходя по Москвѣ вы не идете между двумя рядами каменныхъ стѣнъ, гдѣ затворены одни расчеты и страсти, но встрѣчаете жизнь въ каждомъ домикѣ отдѣльно. Холмы, на которыхъ расположена Москва, доставляютъ удовольствіе наблюдателю, раскидывая передъ нимъ чудесныя картины; часто идучи по какой нибудь кривой извилистой улицѣ, вы вдругъ видите себя на вершинѣ горы, подъ вами разстилается огромный городъ съ его безчисленными башнями, церквами и высокими колокольнями. Лучшіе виды Москвы—изъ Кремля на Замоскворѣчье и съ Воробьевыхъ горъ на всю Москву. Москвичи привыкли уже къ этимъ картинамъ; но для челоука, который видитъ ихъ въ первый разъ или рѣдко, онѣ доставляютъ невыразимое наслажденіе: взоръ вашъ теряется въ громадѣ огромныхъ зданій, перемѣшанныхъ съ маленькими домиками, надъ которыми попеременно возвышаются золотыя главы соборовъ и монастырей и высокіе шпицы древнихъ Московскихъ башенъ, этихъ безмолвныхъ свидѣтелей вѣковыхъ событій, пронесшихся надъ славнымъ городомъ, который, не разъ разрушенный

коварнымъ мечемъ враговъ, но охраняемый де-
ницею Провидѣнія, всегда съ новымъ блескомъ
возставалъ изъ своего пепла и наконецъ, опусто-
шенный страшнымъ пожаромъ славнаго 12 года,
преданный огню и истребленію собственною ру-
кою своихъ гражданъ, нехотѣвшихъ, чтобы лю-
бовался имъ гордый завоеватель, снова роскошно
цвѣтеть теперь довольный, прекрасный, обновлен-
ный щедротами Александра и украшенный Дер-
жавною волею благопромыслительнаго Николая.

ОБЩАЯ НАРОДНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДА НА ГЛАВНЫХЪ ЕГО УЛИЦАХЪ.

Съ наступленіемъ ранняго утра въ Москвѣ, когда она еще спитъ глубокимъ сномъ, медленно тянутся по улицамъ возы съ дровами; подмосковные мужики везутъ на рынки овощи и молоко и первая дѣятельность проявляется въ калашняхъ, откуда отправляютъ на большихъ, длинныхъ лоткахъ въ симметрическомъ порядкѣ уложенные калачи и булки; спустя немного времени, появляются на улицахъ кухарки, потомъ повара съ кудьками, понемногу выползаютъ калиберные извозчики, а зимой санные ваньки, которые нарочно выезжаютъ для поваровъ; дворники, льниво потягиваясь, выходятъ съ метлами и тачками мести мостовую, водовозы на клячахъ тянутся

къ фонтанамъ, нищіе пробираются къ заутреніи, кучера ведутъ лошадей въ кузни, обычный пьяница направляетъ путь въ кабакъ; дѣвушка въ салонъ возвращается съ почлега изъ гостей, овощный купецъ отворяетъ лавку и выставляетъ въ дверяхъ кадки съ морковью и рѣпой; выбѣгаютъ мастеровые мальчики съ посылками отъ хозяевъ, хожаый навѣщаетъ будки. Въ 8 часовъ отворяются магазины, выносятся дверныя огромныя вывѣски, юристы и стряпчіе ѣдутъ къ секретарямъ поговорить на дому, купецъ въ тельжкѣ спѣшитъ въ ряды, гувернёры везутъ дѣтей въ пансіоны, студенты тянутся въ Университетъ, мальчики съ сумками дурачась бѣгутъ въ училища, доктора ѣдутъ по больнымъ, приказные чиновники идутъ къ должности, почталіоны разносятъ писъма, капельдинеры отправляются навѣщать актёровъ о репетиціяхъ, тянутся театральныя кареты, мѣсячные извозчики въ экипажахъ спѣшатъ на мѣста и дрожки выѣзжаютъ къ биржамъ; помѣщики ѣдутъ въ Опекунскій Совѣтъ и другія присутственныя мѣста. На улицахъ Москвы, появляется множество хорошенькихъ женщинъ, которыя не имѣя гроша въ ридикюль, отправляются въ городъ, въ надеждѣ и на кредитъ купца и на случайную встрѣчу съ

обязательнымъ знакомымъ, который изъ въжливости иногда платить за покупку. Въ концѣ 12 часа, Московская мостовая, начинаетъ стонать отъ большихъ экидажей, несутся парные фаэтоны, пролетные дронжи, коляски, двумъстныя и четырехъ-мъстныя кареты; Сенаторы ѣдутъ въ Сенатъ, щеголь и щеголиха ѣдутъ съ цѣлью и безъ цѣли на Кузнецкій мостъ, праздный Московскій юноша, который почти живетъ въ фаэтонѣ, рыскаетъ по улицамъ безъ всякой надобности, высшій и средній круги дѣлаютъ визиты, промотавшійся дедъ спѣшитъ къ афферисту для сдѣлокъ, военные въ отпуску и женихи, рисуясь показываются и перегоняютъ кареты, гдѣ мелькаютъ шляпки. Наконецъ въ 4 часу, эта живая, пестрая толпа умолкаетъ по-немногу и дѣятельность города засыпаетъ во время обѣда; тогда изрѣдка встрѣтите вы на улицѣ пѣшехода, который идетъ развѣ по необходимости, или въ знойный лѣтній день, лѣнливо пробѣжитъ мимо васъ дворная собака свѣся на сторону свой языкъ, или порой какъ стрѣла промчится по пустой улицѣ, карета Московскаго фашенебля, который всегда и вездѣ опаздываетъ. Въ 7 часовъ вечера, дѣятельность города оживаетъ снова, и столица является уже болѣе праздная нежели утромъ: тол-

ны гуляющихъ наполняютъ Московскіе сады и бульвары, дворянство со всѣхъ концовъ города несется въ Петровскій паркъ и на дачи, пѣшеходы и экипажи всякаго рода спѣшатъ къ большому Петровскому театру; множество экипажей сосредоточивается на Дмитровкѣ, на которой линіей лежатъ клубы. Зимой, едва только начинается разъѣздъ у большого театра, какъ со всѣхъ концовъ Москвы, тянется въ нѣскольکو рядовъ безконечная цѣпь каретъ къ подъѣзду Дворянскаго Собранія, или на Поварскую, Арбатъ и Пречистенку, гдѣ Московскіе гранды даютъ балы на славу. Къ полуночи дѣятельность города утихаетъ, но спустя два часа, она какъ пламя угасающаго пожара, вспыхаетъ вновь на короткое время; тутъ продолжаются разъѣзды изъ Собранія и съ баловъ; въ это время избѣгая штрафа, возвращается нехотя домой всегдашній посѣтитель клуба, нѣсколько позже, тянется длинный рядъ бочекъ, которыя перегоняетъ усталый игрокъ, дремлющій въ своей покойной каретѣ; наконецъ и эта послѣдняя вспышка дѣятельности утихаетъ; слышны только протяжные звуки благовѣста къ заутрени и крики пѣтуховъ, приветствующихъ Московское утро, начинающееся тою же картиною, которую вы видѣли въ началѣ

главы. — Но въ самое то время, когда большой городъ, живетъ такою свѣтскою, разнообразною жизнью, другая его половина, отдаленная лишь небольшою рѣкою, представляетъ совершенную противоположность его шумной и разгульной жизни. Житель Замоскворѣчья (разумѣется исключая нѣкоторыхъ домовъ, гдѣ живутъ дворяне) уже встаетъ, когда на Арбатъ и Пречистенку только что ложатся спать, и ложится спать тогда, какъ по другую сторону рѣки, только что начинается вечеръ. Тамъ жизнь дѣятельная и общественная, здѣсь жизнь частная, спокойная, которая вся заключается въ одномъ маленькомъ домикѣ и его семейномъ бытѣ; въ длинныхъ пересѣкающихся между собою переулкахъ, вы не видите почти никакого движенія, и рѣдко прогремить тамъ щегольская карета, на которую почти всегда высовываются изъ оконъ.

Описавъ кратко наружную дѣятельность Москвы, я долженъ упомянуть, что многіе ошибочно говорятъ и пишутъ, будто Москва не представляетъ той дѣятельной жизни, какую встрѣчаемъ въ другихъ Европейскихъ городахъ; я утвердительно скажу что это несправедливо: невозможно, чтобы 350,000 человекъ дѣловаго, промышленнаго

и празднаго народа, гдѣ перемѣшаны богатые и бѣдные, лѣнныя и трудолюбивыя, умныя и глупыя, хитрыя и простачки, жили безъ необходимой для каждаго изъ нихъ дѣятельности, но эта дѣятельность, не представляется столь резко и въ такомъ объемѣ, въ какомъ она дѣйствительно существуетъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1. Непомѣрная сравнительно съ населеніемъ обширность города, который такъ сказать разбросанъ на холмахъ, множество кривыхъ улицъ и переулковъ, скрываютъ общую дѣятельность. 2. Въ Москвѣ, относительно къ народонаселенію, очень мало пѣшеходовъ въ сравненіи съ другими большими городами, слѣдовательно: ѣзда въ экипажахъ, бывъ сама по себѣ быстрое ходъбы, есть главный источникъ, что вы рѣдко встрѣчаете на Московскихъ улицахъ, сгустившіяся толпы народа. 3. Самыя мѣста, на которыхъ сосредоточивается въ Москвѣ общая дѣятельность, имѣютъ множество прилегающихъ къ себѣ улицъ и находятся не въ одномъ мѣстѣ. Напримѣръ: почему въ Петербургѣ такъ многолюденъ Невскій проспектъ? потому что онъ и мѣсто для гулянья за недостаткомъ почти другаго въ центрѣ города, онъ и необходимый путь чиновника въ свое Министерство и всякаго кому есть надобность въ какое бы то ни было

присутственное мѣсто; на немъ Гостинный дворъ, галантерейныя лавки, магазины и гостиницы, онъ почти неизбѣжный путь на набережную и къ пародамъ; тогда какъ въ Москвѣ, къ Гостиному двору прилегаютъ множество особенныхъ улицъ, къ Кузнецкому мосту и того болѣе, къ Губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ кромѣ улицъ, ведутъ Кремлевскій садъ и бульвары около стѣны Китая города. Слѣдовательно: вся толпа дѣятельнаго народонаселенія собирается на различныя точки своего дѣйствія, совершенно различными путями и потому, раздѣляясь на части, естественно не представляетъ взгляду того общаго, живаго движенія народной дѣятельности, какое существуетъ на самомъ дѣлѣ.

ЦЕРКОВНЫЯ ТОРЖЕСТВА.

Москва—сердце Россіи и нигдѣ какъ въ ней не проявляется такъ сильно характеръ Русскаго народа, его приверженность къ Вѣрѣ, Престолу и Отечеству. Нигдѣ торжественныя церковныя празднества не сопровождаются такою пышностію и великолѣпіемъ какъ въ Москвѣ, въ которой красуются въ такомъ множествѣ святыя храмы Божіи, гдѣ почіють нетлѣнныя мощи праведниковъ, гдѣ находится огромный соборъ духовенства и такое множество жителей — подданныхъ одного Самодержавнаго Государя, исповѣдающихъ одну православную Вѣру. Надобно быть очевидцемъ, чтобъ удостовѣриться какое чудное, неизъяснимо-высоекое впечатлѣніе на душу, дѣлають крестныя ходы въ Москвѣ, совершаемые въ установленныя праздники. Станьте на Красной площади на которую смотритъ Кремль съ своихъ гордыхъ башенъ; вы увидите какъ предшествуемое жандармами, усердное наше купечество, выносить изъ Спасскихъ воротъ большіе мѣстные

Образа и Чудотворныя иконы—эти Архистратиги Москвы, къ которымъ всегда съ Вѣрою прибѣгаютъ ея жители моля о защитѣ отъ тяжкаго глада, недуга и меча непріятельскаго. За ними видите вы полки духовенства, облеченные въ золотыя ризы, а въ концѣ шествія знаменитаго Архипастыря, осыненнаго хоругвями, сопровождаемаго стройными кликами огромнаго Синодальнаго хора; прибавьте къ этому: пеструю, разнообразную толпу народа, свято хранящаго Вѣру своихъ предковъ, который какъ море выступившее изъ береговъ, покрываетъ собою всю обширную площадь и въ благоговѣйномъ смиреніи съ обнаженными главами, провожаетъ святое шествіе, раздается радостный звонъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ, заглушаемый повременамъ торжественнымъ гуломъ большаго колокола на Иванъ Великомъ. Я видѣлъ иностранцевъ, которыхъ религія слишкомъ различествовала отъ нашей, но при видѣ одного изъ такихъ ходовъ, они молились и плакали отъ умиленія, а послѣ, долго отъ души благодарили меня за то, что я уговоривъ ихъ идти со мною въ ходъ, доставилъ имъ такое высокое наслажденіе. Такъ великое, святое, познается челоукомъ уже по одному природному побужденію души, если она только не развратна.

ХАРАКТЕРЪ ЖИТЕЛЕЙ, АРИСТОКРАТЫ, СРЕДНІЙ КРУГЪ.

ИПущинъ вы — и только?

ГРИГОРЬЕВЪ.

Московскіе жители гостепріимны, откровенны, услужливы, добры, легко знакомятся, щедры и вообще любятъ разсыянный и просторный образъ жизни. Дворянство раздѣляется на высшее и среднее. Съ того времени, какъ Петербургъ одѣлался постояннымъ мѣстопробываніемъ Двора, аристократы постепенно стали переселяться въ Петербургъ, куда ихъ призывали Государственная служба и свѣтскія удовольствія, но число ихъ за то пополнилось мнимыми аристократами, и потому аристократія въ Москвѣ раздѣляется: на *настоящую* и *лижную*. Настоящую аристократію состав-

ляютъ: высшіе Государственные сановники, съ ихъ семействами и неслужащіе дворяне, которые посредствомъ отличнаго образованія, древней знаменитости своего рода и огромнаго состоянія, такъ сказать, слились въ одно общество съ первыми. Настоящіе аристократы ведутъ образъ жизни тотъ же самый, какой ведутъ подобные имъ люди, въ другихъ просвѣщенныхъ городахъ Европы; если аристократъ на службѣ, то большая половина времени посвящена занятіямъ, сопряженнымъ съ его должностію; если же онъ не служитъ, то живя въ Москвѣ, весело проводить время въ своемъ пріятномъ и неприступномъ для другихъ людей кругѣ. Женщины высшаго общества отлично образованы, увлекательны своею любезностію и тонкимъ познаніемъ свѣтской жизни, многія изъ нихъ дипломатки, съ особеннымъ удовольствіемъ читаютъ о Парламентскихъ преніяхъ въ Лондонѣ и рѣчи Французскихъ Перовъ и Министровъ; получаютъ множество иностранныхъ газетъ, журналовъ, а преимущественно любятъ Французскую литературу; пожилыя и немного поотсталыя предпочитаютъ легкое Русское чтеніе и преферансы. Дѣвицы получаютъ блестящее воспитаніе и слушать украшеніемъ Московскихъ обществъ. Онѣ также читаютъ лучшія произведенія Русскихъ и

иностранных писателей и слѣдять современное просвѣщеніе какъ въ Россіи такъ и другихъ Государствахъ. Въ своемъ семейномъ кругу, онъ занимается рисованіемъ, музыкою и пѣніемъ; по благородному стремленію облегчать участь бѣдныхъ, онъ устраиваютъ въ пользу ихъ базары, гдѣ продаютъ свои рукодѣлья, или учредяютъ благородные концерты, которые украшаютъ своими часто блестящими талантами. Иногда въ порывъ челоуколюбія и самому почтенному аристократу приходитъ блажь притвориться меломаномъ; онъ улаживаетъ концертъ аматѣровъ, хватается за віолончель, контръ-басъ или какой либо другой инструментъ и садится на переднемъ плацѣ; но тутъ онъ часто украшаетъ оркестръ не талантомъ, а собственно своею важною, аристократическою фізіономіею и благороднымъ стремленіемъ помочь несчастнымъ. Московскій вельможа всегда большой хлѣбосоль, совсѣмъ не гордъ въ обществѣ, щедръ, ласковъ и чрезвычайно внимателенъ ко всѣмъ посѣщающимъ его домъ. Изъ любви къ просвѣщенію, онъ дѣлаетъ чертоги свои доступными для образованныхъ литераторовъ, ученыхъ и извѣстнѣйшихъ артистовъ. Часто доступъ въ общество аристократа, не представляетъ большаго затрудненія для молодого чело-

выка самого небогатаго состоянія; если онъ только превосходно образованъ, а во время зимнихъ билловъ, стоять только порядочному молодому чѣловѣку, быть представленнымъ въ одинъ изъ домовъ высшаго общества, и если онъ тамъ, какъ говорится, не ударилъ лицомъ въ грязь, въ особенности, не если не будетъ изъяслять никакихъ притязаній на руку дочери хозяина, то его будутъ приглашать воюду, не заботясь какъ иногда бываетъ о томъ: изъ какихъ онъ и что у него. Молодые люди—не многіе остаются въ Москвѣ, они большею частію спѣшатъ на службу въ Петербургъ, гдѣ имъ открывается блистательное поприще по военной и дипломатической части.

Сдѣлавъ маленькій очеркъ настоящаго высшаго общества, я перехожу къ мнимымъ аристократамъ: это ничто иное какъ отломокъ отъ средняго круга дворянъ, отставшій отъ сего послѣдняго и не приставшій къ высшему кругу; мнимую аристократію иногда составляютъ: нѣкоторыя семейства дворянъ не совсѣмъ значительныхъ, но удачно при разныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, достигшихъ на службѣ до порядочнаго чина и составившихъ себѣ препорядочное благопріобрѣтенное имѣніе; люди недостигшіе до большаго чина, но имѣющіе, какъ говорятъ, средній изрядный чинокъ и

занимающіе такія мѣста, что часто бываютъ необходимы самимъ аристократамъ; люди находящіеся въ отставку съ самымъ крошечнымъ чиномъ, имѣющіе при значительномъ количествѣ душъ, еще значительнѣйшее количество долговъ, и одаренные отъ природы счастливою способностію воображать, что все, что ни есть лучшаго и высокаго на свѣтъ, это все они. Мнимые аристократы несравненно болѣе горды чѣмъ настоящіе, тутъ честолюбіе играетъ главную роль и чтобъ удовлетворить ему, они что называется лѣзутъ вонъ изъ кожи. Они даютъ зимою блистательные балы, устрояютъ катанья и пикъ-ники, а лѣтомъ праздники на дачахъ; смотреть съ видомъ покровительства на всѣхъ, дане и на тѣхъ которые его не ищутъ, дѣлаютъ добро для того только, чтобъ о немъ говорили, живутъ только для того, чтобъ имъ удивлялись и завидовали. Въ обществѣ ихъ принужденность и натяжка, въ домъ вы видите, что какъ мебели, такъ хозяинъ и гости не на своихъ мѣстахъ. Дамы и дѣвушки—жеманны, горды, шныя притворно не произносятъ буквы р. (грасируютъ), дѣлаютъ какіе-то странныя, сладострастно-томные глазки, неискусно притворяются близорукими, восхищаются произведеніями Французской литературы, не понимая хорошедько не только Фран-

цузской литературы, но даже не зная правильно своего природнаго языка; толкуютъ о заграничной жизни, зная ее очень плохо по наслышкѣ, гонять все Русское, не хвалятъ Москву, гдѣ живутъ споконъ-вѣка, все что не онѣ то худо, тогда какъ худое, всего скорѣе можетъ быть тамъ гдѣ онѣ. Старухи обыкновенно играютъ въ карты и злословятъ. Бѣда милой, образованной дѣвушкѣ, которая имѣ чѣмъ нибудь не угодить или которой по уму и красотѣ общество оказываетъ болѣе вниманія чѣмъ ихъ племянницамъ и дочкамъ, часто несноснымъ своими пошлыми выходками и избитыми фразами Парижскихъ гостиныхъ; горе юношѣ который ихъ озлобитъ, горе жениху на котораго онѣ взъедятся, онѣ непременно разстроятъ его свадьбу; отъ нихъ всѣ новости и сплетни; онѣ желчны и сердиты отъ того что чувствуютъ свою ничтожность въ обществѣ, и со всѣми этими качествами часто удивительно какъ богомольны. Молодые люди этаго круга большею частію фаты, самые злыѣ, безолаберные Европейцы, необузданные, безсовѣстные львы, какихъ только видѣлъ свѣтъ Божій отъ Адама до нашего времени. Главная ихъ цѣль: блистать въ обществѣ своею не всегда занимательною наружностію, сомнительною любезностію, моднымъ фраккомъ, въ

которомъ всегда стараются перехитрить существующую моду для того, чтобъ быть больше замѣтными. Они-то имѣють странное поползновеніе къ отращенію незаконныхъ усовъ и бороды, а ипог-да какихъ-то песиковъ на-макеръ жидовскихъ. Говорять обо всемъ, судять обо всемъ, часто ни въ чемъ не имѣя никакого толку и понятія, добиваются чтобъ ничего не дѣлая попасть въ Камеръюнкеры или схватить крестикъ; всегда показываютъ видъ что имъ все надѣло и они все видѣли, между тѣмъ какъ они ничего не видали, а занимають ихъ сущіе пустяки, именно то, чтобъ ими занимались. Иные изъ нихъ—нестерпимые педанты, пишутъ даже стихи и пробираются въ литераторы; въ этомъ-то классѣ людей являются: никѣмъ непонятыя поэты, люди которыхъ не умѣли оцѣнить на поприщѣ гражданской службы, разстроившіеся спекуляторы, равно промотавшіеся моты, несчастно-влюбленные, глухие отъ рожденія. Нѣкоторые изъ нихъ, окруживъ себя громадами книгъ въ кабинетахъ, занимаются слѣдующими предметами: стариннымъ вопросомъ о началѣ всѣхъ началъ, опредѣленіемъ утратилась-ли какая нибудь часть вѣчности отъ существованія ея въ природѣ, что вѣроятнѣе: *immer wurende nichts* или *immer wurende alles*, есть ли возможность

превращенія всего въ ничто, добродѣтель и зло суть ли только одні условія или онѣ намъ предписаны закономъ естественнымъ, есть ли возможность чтобъ не существовало прошедшее, можетъ ли существовать мысль отдѣльно отъ тѣла, и т. п., отъ чего кружится голова, портится мозгъ, теряется разумокъ; или углубясь въ пружины политики иностранныхъ державъ они, не зная исторіи своего отечества, слѣдятъ безъ всякой нужды и цѣли за тѣмъ что сдѣлалъ добраго Кабрера и Китайцы съ Англичанами; занимаются розысканіемъ законовъ которыми управлялись допотопныя Государства, изслѣдованіемъ состоянія шелковыхъ фабрикъ во время царствованія Семирамиды или генеалогією всѣхъ Китайскихъ Мандариновъ, съ опредѣленіемъ числа лѣтъ каждому изъ нихъ и времени самаго основанія Небесной Имперіи. Всѣхъ этихъ людей вы можете иногда встрѣтить въ порядочныхъ гостиницахъ; бѣгите ихъ, если хотите, чтобъ они своими пошлыми разговорами, не помѣшали вамъ провести пріятно нѣсколько минутъ съ образованною дѣвушкою, добрымъ пріятелемъ, или не испортили аппетита за обѣдомъ, оставя страшную пустоту въ вашей головѣ и вашемъ желудкѣ.

Средній кругъ, — самый обширнѣйшій; онъ имѣетъ отъ себя множество отростковъ и самыхъ

мслѣчайшихъ подраздѣленій—едва замѣтныхъ безъ особеннаго, пристальнаго наблюденія; самое же замѣтельное подраздѣленіе, заключается въ ѣздѣ по городу *четверкою* или *парой*. Здѣсь нѣтъ той натяжки и принужденности какъ въ мнимыхъ аристократахъ; гостепріимство и радушіе хозяина часто неподдѣльны, нѣтъ напыщенности и гордости, дѣлающихъ общество несноснымъ; здѣсь главную роль играетъ маленькое простительное женское кокетство. Молодые люди—слушашіе или въ отставку, а изъ военныхъ тѣ, которые находятся въ армейскихъ полкахъ и живутъ въ Москвѣ по отпускамъ. Въ каждой гостиной средняго круга вы найдете рояль или фортепіано, разное женское рукодѣлье и книги. Дѣвушки играютъ и поютъ смотря потому, къ какому отростку принадлежатъ ихъ гостиная. Въ одной разшгрываютъ варіаціи Моцарта и Россини, въ другой повторяютъ мотивы изъ оперъ: Роберта, Цампы, Фенеллы, Капулетты и Монтеки и т. д., въ иныхъ гостиныхъ музыка ограничивается пангрываніемъ разнаго рода вальсовъ и качучи, или весьма невинно поется: *ахъ подруженьки какъ грустно, цѣлый вѣкъ жить въ ваперти*, кончаемое обыкновенно: *ужъ какъ спеть вътерокъ*; а въ иныхъ дошли еще только до романсовъ: талисмана, голо-

систаго соловья и удалой тройки. Дамы и дѣвушки средняго общества также занимаются чтеніемъ Французскихъ романовъ, но онѣ предпочитаютъ Русскія книги. Онѣ очень любятъ повѣсти, печатаемыя въ Библіотекѣ для чтенія, стихи Пушкина, сочиненія Марлинскаго и Лермантова, нѣкоторые Московскіе романы: Ледяной домъ, послѣдній Новикъ, Клятва при гробѣ, Юрій Милославскій, Никласъ медвѣжья лапа и другіе.

Молодые люди, не получающіе отъ родителей лишнихъ денегъ, живутъ смирно, а тѣ, у которыхъ водятся деньженки, нерѣдко желаютъ какъ нибудь сблизиться съ аристократическими юношами. Зимой они усердно ищутъ случая, чтобъ попасть къ какому нибудь вельможѣ на балъ, о которомъ въ Москвѣ начинаютъ поговаривать за недѣлю. Если юноша достигаетъ своего желанія, то немедленно сообщаетъ о томъ знакомымъ и старается чтобъ ему завидовали; наконецъ настаетъ вождельный день и онъ ѣдетъ на балъ. Не что же? онъ встрѣчаетъ тамъ общество ему незнакомое, хозяинъ хотя и протянулъ ему ласково руку, но это было такъ разсыянно, что вельможа не замѣтилъ ни его пестрыхъ чулокъ, ни натянутыхъ ловко на руки перчатокъ, ни даже щегольской булабочки, которою онъ такъ тща-

тельно закололъ манишку — желающую столько же походить на рубашку, сколько мнимый аристократъ на настоящаго. Молодой человекъ, часто развязный въ своемъ кругу, на-перерывъ дѣлающій комплименты дамамъ, ихъ можно сказать любимецъ, на этомъ балѣ чувствуетъ въ себѣ какую-то неловкость; женщины ему кажутся гордыми и неприступными; онъ наводитъ на нихъ жарнетъ свой, а онъ не смотрять; онъ имъ выставитъ то ногу въ клетчатомъ чулкѣ, то протянетъ руку въ чистой узкой перчаткѣ, но его все не примѣчаютъ. Наконецъ онъ идетъ въ гостиную, охорашивается тамъ и входитъ снова въ залу; — опять все тоже невниманіе. Между тѣмъ онъ видитъ, что подлѣ этихъ самыхъ неприступныхъ женщинъ, есть счастливцы, которые съ ними говорятъ, шутятъ и ухомъ не ведутъ что онъ такіа гордыя, да и женщины съ ними какъ-то свисходительныя; у этихъ молодыхъ людей, нѣтъ такихъ какъ у него красивыхъ пестрыхъ чулокъ, волоса ихъ причесаны часто чортъ знаетъ какъ, а узелъ галстука улетѣлъ совсѣмъ на бокъ, но вѣдь есть же такіе счастливые люди, что они вездѣ какъ у себя дома, куда хотите ихъ поесуньте, вездѣ они будутъ говорить и говорить хорошо. Положимъ они и ничего не скажутъ, да

смазнуть такъ красиво, что ихъ ничего—такое хорошенькое; что иная если бы можно было, расцеловала бы ихъ на самомъ балѣ. Отъ чего это? отъ того ли, что эти мужчины, действительно умные молодого человека въ пестрыхъ чулкахъ, или отъ того что они Камеръюнкеры и богачи?—наконецъ гость рѣшается танцовать, —и тутъ бѣда, у него нѣтъ визави, дамы отъвѣчаютъ съ лёгонькимъ наклоненіемъ головы: *je suis engagée monsieur*;—но вотъ идутъ ужинать на маленькихъ столикахъ; молодой человекъ попадаетъ между Гвардейцемъ, Камеръюнкеромъ и еще какимъ-то человекомъ съ усами и борою, который ни статскій, ни военный, Русскій, а какъ то спихивается на Француза, между ними садятся двѣ дамы; всѣ они какъ видно между собою давно знакомы; человекъ съ усами рассказываетъ, острить, всѣ смѣются, говорятъ то по-Французски, то по-Италіански, то по-Англійски, иногда что-то посматриваютъ на молодого человека, который въ это время не сдѣлавши ничего худого, краснѣетъ и молча упикиваетъ майонезъ. Изрѣдко осмѣливается онъ вмѣшаться въ разговоръ; ему отвѣтятъ учтиво, но опять начинаютъ говорить между собою, не потому чтобъ имъ пренебрегали, но потому что

опять о немъ забыли, какъ о чело­вѣкѣ не жкъ круга. Балъ кончился; — когда на другой день, молодой чело­вѣкъ прїѣдетъ съ утречнимъ визи­томъ, разумеется никого не застанеть дома, а маг­нать забывая адреса, часто не отдастъ подоб­ныхъ визитовъ и даже не посылаетъ картѣчки; знакомство кончается. — На слѣдующій годъ, этого же юношу, если у него еще не про­шла охота лѣзть въ знать, опять представляетъ на балъ тому же самому вельможѣ, кто ни­будь другой. Иногда его не узнають и принима­ють какъ новаго знако­мца, а иногда узнають и говорятъ: мнѣ что-то ваше лице знакомо, я васъ гдѣ-то видѣлъ? Прощедшей зимою, отвѣчаетъ мо­лодой чело­вѣкъ, я имѣлъ честь быть представ­ленъ... Вашему Превосходительству Г-мъ N.N.;— А! очень радъ, что вы мнѣ и теперь сдѣлали эту честь, говорить хлѣбосоль-вельможа и ласково жинуть ему руку. Сначала хорошій прїемъ, обод­рить его, а потомъ опять оставленный одинъ на волю судьбы, между веселыми, блистающими тол­пами убійственно-хладнокровныхъ къ нему людей, слоняется онъ изъ одного конца залы въ другой, или торчитъ гдѣ нибудь въ углу до самаго ужи­на, и развѣ иногда подсядутъ къ нему какая ни­будь глухая старуха—охотница говорить, да жи-

вущая въ домъ экономка — благородная дѣвушка
 лѣтъ тридцати пяти, и начнутъ мучить своимъ
 скучнымъ разговоромъ;—опять онъ уѣзжаетъ съ
 бала недовольный собою. Эта страсть пробираться
 въ высшее общество и поддѣлываться подъ
 жизнь богатыхъ и знатныхъ людей, имѣетъ влія-
 нія болѣе нежели сколько покажется сначала, на
 всю жизнь многихъ молодыхъ людей. Чело-
 вѣкъ невысокаго происхожденія, безъ большихъ
 средствъ, долженъ службою протаптывать себѣ
 дорогу въ общество, а онъ въ тѣ самые годы,
 когда характеръ его еще не составилъ, при-
 ставая къ богачамъ, будетъ видѣть себя непре-
 станно между людьми, пользующимися всеми
 удобствами образованной и роскошной свѣтской
 жизни. Часто изъ одной прихоти они то и дѣло
 что мѣняють свои фраки, иногда очень зани-
 мающіе 20 лѣтняго юношу; почти всегда мо-
 гутъ располагать своимъ временемъ, бросаютъ
 деньги гдѣ имъ вздумается, ѣдутъ на балъ въ
 каретѣ; все это часто невольно возбудить въ немъ
 зависть и негодованіе на судьбу, за чѣмъ она его
 зашла въ черную шкуру; и я думаю сколько
 есть на свѣтѣ людей, испытавшихъ не разъ са-
 мыя страдальческія терзанія самолюбія, когда
 подѣхавъ къ богато-освященному крыльцу вель-

можи на флегматическомъ ванькѣ, они съ до-
садою, торопливо вылезали изъ неуклюжихъ са-
ней, въ которыхъ какъ-то на зло, всегда за-
стрянуть калоши, а въ самое это время, възни-
ла на дворъ карета щеголя и фореиторъ-забѣ-
ка кричалъ во все горло неповоротливому из-
вощику: *отъѣзжай прокъ погонялка, рабадала*; или
когда прѣхавъ на балъ, они возились въ тѣсной,
заваленной шубами и лакеями передней, гдѣ швей-
царъ лѣниво снималъ съ нихъ теплые сапоги,
а они отряхали съ своей шляпы хлопки снѣга,
приводя въ порядокъ взбуровленную вьюгой при-
ческу; между тѣмъ какъ счастливый богачъ, гор-
до сбросивъ плащъ своему усастому гайдуку,
влеталъ спокойный и веселый въ залу. Мнѣ ка-
жется, если всмотрѣться внимательно, въ лица
людей на балъ, то можно тотчасъ угадать кто
изъ нихъ прѣхалъ туда въ каретъ, кто въ са-
няхъ съ завивною пристяжкой и кто на пого-
нялкѣ. — Молодой человекъ съ характеромъ сла-
бымъ, не въ силахъ будучи тянуться за богачами,
отставъ отъ посредственности, никогда не бу-
детъ доволенъ собою; то общество въ которомъ
онъ долженъ бы находиться, ему будетъ казаться
недостойнымъ, чтобы оно украшалось его при-
сутствіемъ, а высшее его не замѣчаетъ, и кон-

чается тѣмъ, что юноша сбивается съ толку, начать дурить, отдаётся праздности, а она-то его и погубить непременно:

Дѣвушки, по своему нѣжному полу, не имѣютъ той свободы какъ мужчины, и потому онѣ посѣщаютъ то общество, куда ихъ повезутъ родители; но ими за то преобладаетъ другое желаніе, впрочемъ позволительное желаніе: *выйти поскорѣе на мѣжъ* и выйти *по выгоднѣе*. Выгоды эти состоятъ: по разумнѣю дочекъ, чтобъ женихъ нравился и былъ богатъ, или хоть по крайней мѣрѣ: чтобъ нравился; по разумнѣю матушекъ: чтобъ только былъ непротивенъ да богатъ; по разумнѣю злыхъ тѣтокъ, бабокъ и опекуновъ: чтобъ былъ хоть и противенъ, но только богатъ, да не просилъ бы приданаго. Каждое изъ этихъ лицъ, прибѣгаетъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя оно по своему соображенію, найдетъ необходимыми, чтобъ пристроить свою дочку, племянницу или внуку—иногда ребенка едва вышедшаго изъ пансіона, которая еще ничего и не понимаетъ, а иногда такую взрослую, что ужъ, съ позволенія сказать, понимаетъ все.—Часто случаются прѣпечальныя свадьбы; причиною тому: *вашия ошибки*; женихи наѣзжаютъ въ Москву, со всѣхъ кон-

цовъ Россіи, здѣсь и статскіе и военные, сухопутные и морскіе, всякіе мѣнхы, какіе вамъ угодно. Вся оми думаютъ, что въ Москвѣ богатые не-вѣсты ниномъ, что оны здѣсь спѣютъ, какъ на грядкахъ ягоды и что 400 душъ чистаго имѣнія взять за Московскою невестою, сущая бездѣлица. Матушки также въ свою очередь думаютъ: моя дочь красавица, и ее отдамъ и безъ приданаго, мнѣ надобно еще Ванюшу содержать въ кирасирахъ; а у иной если нѣтъ Ванюши и рада бы что дать за дочерью, но все заложено и перезаложено, а батюшка изволитъ забавляться по вечерамъ въ клубъ, тутъ иногда не до приданаго. Что же тутъ дѣлаютъ? обыкновенно живутъ какъ можно роскошнѣе, сверхъ своего состоянія; даютъ вечера, обѣды и балы, иногда даже большіе балы. — Случается впрочемъ, что вечера не приносятъ большаго убытка хозяину, а напротивъ доставляютъ ему выгоды; на этихъ вечерахъ обыкновенно подчуютъ гостей теплою водою съ сахаромъ, имѣющею признаки чаю, домашнимъ лимонадомъ и аршадомъ; ужинать даютъ въ 6 часу, на который остаются самые терпѣливые изъ поручиковъ и студентовъ, а на деньги, вырученные во время этихъ вечеровъ за карты, шьютъ людямъ верхнее платье и сапоги. Бываютъ также какія-то лотереи въ

Очер. Мос. жнз.

пользу бѣдныхъ, и знакомымъ раздають билеты въ препорядочномъ количествѣ; но гдѣ эти лотереи разыгрываются, когда, а также кто выигрываетъ и получаетъ выигрыши, этого никто не знаетъ. Бываютъ и особеннаго рода концерты; на примѣръ: иногда какая нибудь гувернантка, воспитывающая въ домѣ дѣтей, даетъ въ этомъ же домѣ концертъ на флейтѣ, на которой она играетъ во сто разъ хуже чѣмъ аристократъ на контръ-басѣ, а часто и совсѣмъ не умѣетъ играть; между тѣмъ, знакомымъ навязываются билеты, а гувернантка этотъ концертъ, по взаимному условію, замѣняетъ обѣщанные подарки въ день ея именинъ, рожденія и тому подобное. А что же дѣлають женихи? они также часто щеголяютъ съ заложенными имѣніями, до поры до времени разыгрываютъ изъ себя богачей, наконецъ влюбляются и сватаются. Они разсуждаютъ: вотъ по-стой, возьму приданое и поѣду на жениной шеѣ; а тамъ въ свою очередь, общая что даемъ столько-то, и еще подмосковную послѣ свадьбы, съ лѣсами и различными угодами, думаютъ: ну женишься, самъ богатъ, на своихъ подождешь; — наконецъ уладили свадьбу: смотришь, мужъ за женою взялъ только однѣ тряпки, да нѣсколько серегъ; деревня ея въ залогъ и въ неурожай надо еще кормить

крестьянъ, да платить проценты; а у мужа, своего, — просто ни кола ни двора. Пройдетъ годъ, жена живетъ въ заложной деревнѣ, — мужъ бьетъ баклуши въ Москвѣ, или жена франтитъ, чортъ знаетъ на какія деньги въ Москвѣ, а мужъ убрался на Кавказъ, съ горя рзаться съ Черкесами. — Если бывають такъ сказать обстоятельные браки, это когда чело́вѣкъ, занимающій довольно значительное мѣсто, отдастъ свою дочку за степеннаго чело́вѣка, никогда не мѣтившаго въ аристократы, этотъ чело́вѣкъ, смотришь, и начнетъ по немногу возвышаться: вдругъ дадутъ должность, тамъ другую, а наконецъ и крестикъ; явятся хорошенькія лошадки, каретка, хорошо убранный домикъ и живутъ себя припѣваючи. Красавицы часто про степенныхъ жениховъ говорятъ, что будто они *драки* или *mauvais genre*, а они-то самые лучшие женихи на бѣломъ свѣтѣ.

КУПЦЫ.

Московское кунечество составляет особенный классъ людей въ городъ. Образованіе его въ последнее время, примѣтнымъ образомъ, подвижилось впередъ; но оно еще остается совершенно неподвижнымъ между раскольниками, которыхъ въ Москвѣ, со включеніемъ мѣщанъ, считается около 12,000 человекъ.

Три рода купцовъ въ Москвѣ: одинъ носить бороду, другой ее брѣть, а третій только подстригаетъ. Высшая степень образованія въ купца подразумевается тогда, когда онъ брѣть бороду; низшая, — когда онъ ее носить, да еще занимается ею и гордится, оказывая явное негодованіе обритымъ; подстригающіе составляютъ переходъ отъ послѣднихъ къ первымъ. Само

себою разумеется, что часто борода бывает так умна и знает так хорошо коммерческіе обороты, что провести десять обритых подбородаковъ. Купцы, носящіе бороду, ходятъ обыкновенно, въ такъ называемомъ, *русскомъ*; но некоторые изъ нихъ, рѣшившись одѣться по *модѣ*, все еще ни какъ не могутъ разстаться съ бородою. Эти люди представляютъ разительную безхарактерность въ своей одеждѣ; на примѣръ: они при густой, окладистой бородѣ, носятъ на курчавой головѣ, маленькую съ козырькомъ фуражку, короткій, двубортный сюртукъ и длинны сапоги сверхъ исподняго платья. На это одѣяніе, въ непогоду, надѣвается съ большимъ воротникомъ синяя шинель, иногда маленькая альмавива или самый коротенькій плащъ. Теперь, большая часть купцовъ разрываетъ своимъ дѣтямъ уничтоженіе бороды. Между купеческими дѣтьми есть и такіе, которые уничтоживъ ее, или не давъ разростись на себѣ Русской купеческой бородѣ, имѣютъ уже понозвеніе къ отращенію коротенькой бороды иностранной, называя ее *алажесъ-франзее*. Замѣчательно, что купцы имѣющіе Русскіе бороды, смѣются, болѣе другихъ, надъ иностранными бородками; иные даже ихъ ненавидятъ и сильно преслѣдуютъ на

дѣтяхъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ однажды купецъ, давая наставленіе сыну, говорилъ: „ты у меня не шали и не блажи, я тебѣ дамъ мотать; ты у меня или носи бороду, или обрѣй ее совсѣмъ, а эту стригулисную бородку я у тебя выпциплю да проклянущу, а денегъ не дамъ тебѣ ни гроша, хоть рѣпку пой.“ Ну прошу покорно, вы сами можете разсудить, состоитъ ли теперь иностранная бородка между купеческими дѣтками, при такихъ тяжелыхъ условіяхъ.

Московскіе купцы богомольны, держатъ строго посты и живутъ большею частію скромно въ своихъ семействахъ. Они очень любятъ хорошіе барыши отъ торговли, чай, пиво, меды, при оказіи шампанское, а преимущественно лошадей и дородныхъ своихъ женъ. Жены не щадятъ бѣлилъ и румянъ, для того чтобы приправить личико; онѣ любятъ, уважаютъ и боятся мужей своихъ, большею частію сидятъ дома, занимаются хозяйствомъ, а въ свободное отъ занятій время, забавляются грызеніемъ орѣховъ, кушаньемъ разнаго рода вареньевъ, мармалада, моченыхъ яблокъ съ брусникою, употребленіемъ разныхъ домашнихъ наливочекъ, пива и производятъ чрезвычайно обильное распиваніе чаевъ. Онѣ большею

частью бывают дамы полновѣсныя, съ лицами круглыми, блѣлыми; у нихъ руки толстыя, ноги жирныя, губы пухлыя, зубы черныя. Жена ходитъ по русскому въ платкъ, когда мужъ съ бородою, и въ чепецъ или шляпкѣ, когда мужъ бороду брѣетъ, или даже и тогда, когда онъ ее только подстригаетъ. Дочекъ учатъ Русской грамотѣ, иныхъ даже *Французскому наречію и приспѣвать* — что значитъ — танцованію. Есть купеческія дочки пріемиленькія собою и во многихъ семействахъ Французскій языкъ и танцы уже сдѣлались необходимостію.

Купеческіе сыновья, отличаются своимъ повиновеніемъ къ родителямъ, но замѣтно что брѣющіе бороду и говорящіе по Французски, имѣютъ больше другихъ наклонность къ мотовству, празднованію и разнымъ шалостямъ. Многіе изъ нихъ стремятся въ дворяне и для того вступаютъ въ военную службу, или поступаая въ Университетъ, идутъ потомъ по гражданской части. Купеческіе дѣти, очень скромныхъ, но зажиточныхъ родителей, иногда отличаются своимъ неистовствомъ на Московскихъ загородныхъ гуляньяхъ, гдѣ въ кругу гулякъ, съ бокалами шампанскаго, они прислушиваются къ дикимъ пѣснямъ Московскихъ

цыганъ; къ нимъ присоединяются дѣти мелкихъ торговцевъ, иногда сидѣльцы, и часто барышни приобъятенныя въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, уничтожаются при одной жестокой попойкѣ; тутъ обыкновенно бросаютъ и тратятъ деньги безъ всякаго расчета, единственно изъ одного самолюбія; а иногда неопытный купеческій сыночекъ бываетъ, въ это время, жертвою какого нибудь обмана, недремлющихъ, разнаго рода замысловатыхъ людей, или въ ссору попадаетъ въ какую нибудь исторію, и чтобъ дѣло не дошло до родителей, кончается миромъ, при помощи порядочной суммы денегъ.

Купецъ, торгующій въ рядахъ, рѣдко видитъ свое семейство. Онъ тамъ почти цѣлый день; объѣдаетъ обыкновенно на Ильинкѣ въ *троицкомъ*, *угольномъ* и т. п., является домой уже вечеромъ, ужинаетъ рано, и сотворивъ молитву ложится спать. Въ Воскресенье, или праздничный день, все семейство, въ четверомѣстной коляскѣ, запряженной парюю большихъ, дородныхъ лошадей, отправляется къ обѣдни, потомъ объѣдаетъ, а въ вечерняѣ идетъ куда нибудь въ рощу, опять въ той же коляскѣ, въ которой въ это время уложены: самоваръ, чайныя чашки, водка, разныя вина и поря-

дочинный запасъ сытнаго Русскаго ужина, конченная ветчина, разнаго рода колбасы, большая кулебика, добрая цога телятины и сладкій пирогъ.

Купецъ на гуляньи съ семьею тихъ, какъ рыба и кротокъ, какъ мокрая курица; иногда онъ, на время, отстаетъ отъ своей семьи и входитъ въ *растерляцію*, куда его утащитъ какой нибудь встрѣтившійся ему знакомый кутила. — Тутъ сей часъ давай шампанскаго и цыганокъ; слово за слово, смотришь и повздорить съ какимъ нибудь задорнымъ приказнымъ, который начнетъ его ругать аршинникомъ, козломъ, и еще того хуже, словомъ всѣмъ чѣмъ ни попало; а купецъ ему въ отвѣтъ: «послушай, ваше благородіе, мнѣ братъ дѣла нѣтъ, что ты офицеръ, не потерплю ругательства надъ своею персоною, купецъ также полезный членъ общества есть, и всякъ *илляжъ* объ евтемъ извѣстенъ есть.... да, извѣстенъ есть, что купецъ преплезный членъ общества есть и Князь.»... Какъ ты смѣлъ оскорбить меня? прерываетъ его приказный; ты меня ругалъ взяточникомъ, чернилами, скомо-рохомъ, земляникою и еще вотъ недавно, какъ ты меня назвалъ? я на тебя подамъ исковую и упрячу молодца; ужъ сдѣлаю что будешь меня помнить. Купцу этаго рода процессъ, хуже остра-

го ножа; при словѣ исковую, онъ дѣлается мягче и мягче; на грозныя слова приказнаго, отвѣчаетъ уже въ полголоса: «да не зlobствуйте почтенный, я ничего вамъ не говорилъ; я только говорю, что купецъ также полезный членъ общества есть.... да, полезный есть, и если хочешь ваше благородіе... ну миръ, такъ миръ....» Поставь шипучаго! говоритъ приказный, и обыкновенно кончается тѣмъ, что купецъ же спросить бутылочку и угостить приказнаго. Когда же дѣло, по важности своей, угрожаетъ появленіемъ квартальнаго надзирателя, который бывъ невидимъ, тутъ непременно, Богъ его знаетъ откуда, явится; тогда купецъ поставить двѣ и три, хоть дюжину бутылокъ, только бы успокоить приказнаго. Во время прогулки въ рощѣ, семейство купца, то прогуляетъ, то покушаетъ чего либо изъ привезенныхъ явствъ; сверхъ того, папенька покупаетъ дѣтямъ апельсины, грецкіе орѣхи и вяземскіе пряники, наконецъ покушаютъ еще въ послѣдній разъ и ѣдутъ домой. Если купецъ провелъ весело время и подгулялъ, то онъ приказываетъ кучеру къ коляскѣ приткнуть берѣзки и дорогою вмѣстѣ съ супругою попьваетъ пьсенки, а если за городомъ не было большой интермедіи, то возвращаются домой, хоть и съ берѣзками, но безъ пьсень.

Осенью и зимою, купецъ въ Воскресенье и бенефисы, везеть свое семейство въ театръ и беретъ, смотря по состоянію, бель-этажъ или другія ложи высшаго разряда. При выборѣ піесъ, онъ заботится, чтобъ это была какая нибудь ужасная, *политическая* трагедія, или другая какая нибудь *штучка*, только *помятливая* и *разговорная*, въ коей бы можно было видѣть руководство къ различнымъ *куреснымъ чувствіямъ*. Онъ не любитъ оперъ, потому что за музыкаю не разбираетъ словъ аріи; «и что тутъ глядѣть, говоритъ онъ, поютъ словно не по-русски, да при томъ и натуры тутъ не предвидится, поетъ умирая, въ любви отвѣта просить и писъмецо читаетъ, а все поетъ; *така дичь и сулбурищина*.» Онъ также не любитъ балетовъ, потому что: «въ нихъ *ахтеры* словно пьмые и до многого въ ихъ *сентенціяхъ* не доберешся, да при томъ-сь, вѣдь и скандалъ великъ; не годится, больно не годится для дочекъ глядѣть, какъ иной то выше головы ноги таращить, или какъ иная, словно оводомъ вертится и какъ бьсенокъ ногами виляетъ, такъ что того и гляди посрамить себя окаянная и великую конфузію всѣмъ причинить можетъ.»

Но не смотря на такіа размышленія, есть не много оперъ и балетовъ, посѣщаемыхъ купцами

охотно по ихъ великольной обстановкѣ. Вотъ, что рассказываетъ купецъ о балетъ своему шу-рину, который прѣхалъ въ Москву по дѣламъ изъ Симбирска и остановился у него погостить: «На прошедшей недѣль Степанъ Исакъ, поминтся мнѣ, были мы въ представленіи. Превосходно-съ было, пространнѣй балетъ давали; *Сингаевская-съ*, это *обстоятельная* художественная *актриса*. Вотъ изволите ли видѣть, она вишь у Турка въ палнѣ сидитъ и тотъ приказываетъ ей предъ собою плясать; вотъ она и начинается плясать, чтобъ его задобрить, и долго предъ нимъ отлично, своими ногами, артикуль мечеть; то вотъ такъ и согнется въ дугу, думаешь такъ совсѣмъ упадетъ и грянется о землю, анъ не тутъ-то было; вдругъ, какъ *вскочитъ*, да станетъ на одинъ мезинчикъ правой ноги, а лѣвую-то деликатно приподниметь, да и начнетъ ею *тресты* и потомъ *дрогать* съ удивительнымъ акуратесомъ; а послѣ возьметъ, да какъ завертится... все шибче, шибче, наконецъ, ну просто, словно кубарь, и вдругъ смотришь, — остановилась, сложила себѣ руки на груди и глядитъ на всѣхъ, да еще ухмалется и хохочетъ, какъ будто ни въ чемъ не бывала; а за то народъ-то народъ.... ужъ онъ ей и хлопасть и топасть и кричить фора, фора, то есть по нашему хорошо,

дискать много доволны. Право, что задиковинная вещь канальство!... Кажись такая маленькая, еще молоденькая, а какъ она до такой *саламатерейности* проникла. А на дѣлахъ еще видѣли омерзительныя, такъ чудо и сколько превратностей вы не поверите: ну просто чудо-юдо! Представляютъ, какъ мертвецы ожить да и начать плясать по ночамъ; но только что распясались, вдругъ глядь, ахъ черти-то ихъ цапъ-царапъ и они опять въ адъ.» Само собою разумеется, что при такихъ пошлостяхъ о театральномъ представленіи, рассказывающій имѣетъ бороду, которую онъ при семь случаяхъ и поглативаетъ.

Купецъ, въ день именинъ своихъ и жены, если только живетъ съ нею ладно, даетъ закуски, обѣды а иногда и роскошные балы; на балахъ музыка обыкновенно бываетъ съ литаврами; за ужиномъ играютъ Русскія пѣсни, а въ то время когда пьютъ здоровье, бьютъ тупи. Во все время бала, гости сохраняютъ, какую-то, чинную важность; молодые танцуютъ, пожилые играютъ въ мушкетъ, пикетъ и бостонъ. Пожилыя дамы и не танцующія сидятъ около десерта, разставленнаго на столахъ въ гостиныхъ и уничтожаютъ его съ прилежаніемъ, большею частію молча или при

разговорахъ отрывистыхъ, утвердительныхъ и отрицательныхъ знакахъ своихъ головокъ, сияющихъ въ это время жемчугами и брилліантами. За ужиномъ, гости обыкновенно, понуждаемые радущимъ хозяиномъ, пьютъ много, очень много за его здоровье; тутъ важность и принужденность исчезаетъ и уже разъезжаются домой, не какъ съ бала, а какъ съ простой попойки, а иные даже вынужденными остаются ночевать. Иногда бываетъ, въ особенности на свадебныхъ пирахъ, что при возгласеніи здоровья, гости за ужиномъ перебьютъ всю посуду, а сами пойдутъ въ присядку; но это нисколько не ставится имъ въ конфузю, напротивъ вмѣняется въ доброжелательство къ хозяину и означаетъ, что они довольны угощеніемъ. Свадьбы совершаются большею частію по выбору родителей, которые руководствуются въ этомъ случаѣ расчетами по торговлѣ, и молодая купеческая дочка въ Москвѣ, рѣдко осмѣливается мечтать о своемъ суженомъ, если онъ ей не назначенъ волею родителя.

Вы видѣли купца въ его семействѣ, въ театрѣ и на прогулкѣ, теперь ступайте за нимъ въ Ряды и Гостиный дворъ. Тамъ всѣ его чувства занимаетъ одна мысль: продать товаръ лицомъ и взять за

него столько прибыли, сколько это будетъ возможно. Я часто любилъ шататься по Рядамъ безъ цѣли, отъ скуки; купцы бывало такъ привыкли, что я ничего не покупалъ, а только рогатозъничалъ, что мнѣ никто и не кричалъ: *пожалуйте-съ постенный господамъ, что покупаете-съ?* но за то я любовался, какъ они досаждали своимъ крикомъ другимъ. Впрочемъ я не соглашусь, чтобы подобное обыкновеніе приглашать было совершенно не нужное, если бы оно не дѣлалось прямо въ ухо, иногда даже, какъ будто съ намъреніемъ надѣдать. Часто придешь въ городъ и во множествѣ покупокъ, забудешь необходимую вещь, но вдругъ слышишь номенклатуру предметовъ: булавки, шпильки, иголки, помада, духи, вакса, сахаръ, чай, обстоятельныя лакейскія шинели, фундаментальныя шляпы, солидныя браслеты, нарядныя сапоги, сентиментальныя колечки, помочи, перчатки, восхитительная кисея, презентабельныя ленты, субтильные хомуты, интересное пике, нѣмецкіе платки боръ-де-суа, бархатъ веницейской, разныя авантюжныя галантерейныя вещи, сыръ Голандской, мыло Казанское и въ заключеніе: *пожалуйте-съ постенный, у насъ покупали.* Смотришь, иногда въ поименованныхъ предметахъ, попадется вещь, о которой совсѣмъ забылъ, но

которая необходима. Эти приглашенія, которыя, были бы очень терпимы, если бы производились не такимъ, часто раздражающимъ душу, пронзительнымъ голосомъ. Я замѣчалъ, что ни гдѣ не кричатъ; съ такимъ дикимъ самоотверженіемъ, какъ въ шлянномъ ряду; тамъ прохожаго иногда тащатъ насильно въ лавку. Всѣхъ скромнѣе—въ ножевъ линіи; тутъ хотя и закликаютъ, но человѣчески; потому, что купцы часто засматриваются на хорошенькихъ женщинъ, безпрестанно роющихъ и отыскивающихъ чего нибудь въ маленькихъ шкапчикахъ. Купцы, продавая имъ товары, берутъ барыши, а между тѣмъ строятъ куры, иногда даже справляются о мѣстоимѣствѣ хорошенькихъ покунательницъ, говоря въ такомъ случаѣ, съ пріятною улыбкою и приподнятіемъ шляпы: *«сдѣлайте ваше одолженіе, осмѣлюсь сдѣлать вопросъ милостивая государыня, гдѣ изволить жить ваша особа?»* На что же вамъ? спрашиваетъ часто обрадованная милостивая государыня. *«Сдѣлайте ваше одолженіе-съ, за особенное удовольствіе себя считаю, съ мочтеніемъ товаръ на домъ доставить, сдѣлайте ваше одолженіе-съ!»* Иногда особы, къ которымъ обращены бывають эти рычи, знаютъ что купецъ пренюлезный членъ общества есть, и не скрываютъ своихъ квартиръ; часто покупка

тесёмочекъ доставляетъ самыя пріятныя и прочныя знакомства. Въ то время, когда въ Рядахъ происходятъ, описанныя мною объявленія, продающихся товаровъ, (эти объявленія, часто заглушаются крикомъ еще больше неистовымъ), вдругъ неожиданно пролетить мимо васъ, какъ угорьный верзило, съ большимъ лоткомъ на головѣ и отрывисто прокричить что-то во все горло. Я сколько ни бился, ни какъ не могъ разобрать, что эти люди кричатъ; а какъ товаръ покрыть сальною тряпкою, то отгадать не было никакой возможности. Наконецъ, я рѣшился остановить одного изъ верзилъ; что ты продаешь? спросилъ я его; онъ, что-то прокричалъ скорѣе обыкновеннаго и побѣжалъ своею дорогою; отъ купцовъ уже узналъ я, что это ноги бараньи, или *сѣвжа-баранина*, разносимая для ихъ завтрака. Но кромѣ крика купцовъ, если, что дѣлаетъ путешествіе по Рядамъ несноснымъ, это шалости мальчиговъ, находящихся при лавкахъ, которые безпрестанно возятся средь дороги, такъ что того и гляди, собьютъ васъ съ ногъ, и множество нищихъ, рѣшительно мшающихъ рассчитывать; сверхъ того удивительное неудобство для ходьбы, представляетъ худо вымощенный полъ въ самыхъ Рядахъ, гдѣ камни часто бываютъ раздѣлены большими

ямами, такъ что если не много зазывается, то легко можно свихнуть себя нору; тѣмнота, существующая во всѣхъ внутреннихъ Рядахъ, почти лишаетъ возможности различать цвѣта, въ особенности, когда купецъ умышленно старается вамъ заслонить свѣтъ для того, чтобъ, въ тѣни, товаръ его, какъ и многія вещи на свѣтъ, имѣлъ больше эффекта. Порядочный купецъ васъ не обочтетъ, не обмѣряетъ и не обманетъ цѣною; беспорядочный же—только развѣсьте уши, такъ обкарнаетъ и продастъ такой сентиментальный товаръ, что вы и дома не скажетесь. Проторговавшійся какимъ нибудь случаемъ купецъ, убѣжищемъ для своего разсыанія, отъ тяжелыхъ горестей здѣшной жизни, обыкновенно избираетъ Марьину рощу, гдѣ онъ уже съ неистовствомъ предается музыкѣ, пѣнію и поглощенію разнаго рода дешёвыхъ, горячительныхъ напитковъ.

ЧИНОВНИКИ.

Къ перу отъ картъ, а къ карцанъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ.

ГРИБОВОДЪ.

Подъ именемъ чиновниковъ, здѣсь мною описываемыхъ, я разумью людей служащихъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, начиная съ младшихъ писцовъ, до секретарей включительно. Всѣ они могутъ быть раздѣлены, въ нравственномъ отношеніи, на слѣдующіе главные роды: *онъ употребляетъ* и *онъ не употребляетъ*, — *онъ танцуетъ* и *онъ не танцуетъ*. Благословляйте судьбу, если вамъ придется имѣть дѣло съ чиновникомъ, который не употребляетъ и не танцуетъ, но вы проклянете свою жизнь, если свяжетесь съ такимъ, который употребляетъ да еще и танцуетъ. Благодаря, быстро подвигающемуся просвѣщенію въ

Россіи, теперь особенно въ Столицахъ, Университеты, Гимназіи и другія учебныя заведенія, доставляютъ присутственнымъ мѣстамъ ежегодно, большое число молодыхъ людей, воспитаніе которыхъ, вмѣстѣ съ образованіемъ нравственныхъ достоинствъ, дѣлаетъ ихъ способными и бойкими дѣльцами въ канцеляріяхъ; но эти образованные юноши, бывъ отличаемы внимательнымъ начальствомъ, не долго остаются въ низшихъ должностяхъ и, при благодѣтельномъ поощреніи Правительства, быстро достигаютъ высшихъ степеней въ Государственной службѣ; слѣдовательно: низшія должности, такъ называемыя приказныя, большею частію заняты людьми съ меньшимъ образованіемъ, — людьми почти неподвижными, или двигающимися впередъ съ удивительною медленностію. Вся цѣль, этихъ неподвижныхъ чиновниковъ, сосредоточивается въ полученіи должности столоначальника въ томъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ они служатъ писцами и рѣдкій изъ нихъ расширяетъ предѣлы честолюбивыхъ своихъ замысловъ до должности секретаря, которой достигаетъ иногда, если не танцуетъ; съ этими то людьми, прежде нежели доберетесь до присутствія, иногда приходится вамъ надобность имѣть дѣло въ присутственныхъ мѣстахъ, и съ ними хочу я васъ

познакомить: знаете ли, что приказный чиновникъ въ Москвѣ теперь, и что онъ былъ вскорѣ послѣ Франгузовъ — большая разница: старинный приказный, былъ конечно непріятный для васъ знакомый; онъ ходилъ тогда въ фризовомъ, засаленомъ сюртукъ, отъ него несло простымъ виномъ, борода его была плохо обрита; на немъ были грязные сапоги и изъ нихъ выглядывали неопрятные пальцы; онъ нюхалъ табакъ изъ пузырька а не изъ табакерки, сморкался въ кулакъ; работая въ канцеляріи, онъ имѣлъ привычку, класть себѣ перо за ухо и почесывать безпрестанно, свою непритлаженную голову; при встрѣчѣ, онъ часто протягивалъ вамъ свою потливую руку, полу-сжатую пригоршней, тогда, какъ обычай того времени, при поклонахъ, требовалъ поцѣлуевъ; можетъ быть даже, что тотъ приказный, встрѣчаясь съ вами, цѣловалъ васъ и вмѣстѣ протягивалъ свою гадкую руку, въ которую вы безъ церемоніи клали синицу и приказывали ему, что вамъ было угодно, написать ли просьбу, сдѣлать выправку и т. п. Можетъ онъ васъ обманывалъ, кормилъ завтраками, водилъ за носъ, какъ обыкновенно дѣлали приказные того времени; но что же такое? вы его прогоняли отъ себя, обращались къ другому; у васъ пропадало

только пять рублей, или вы шли жаловаться къ начальнику, а тотъ разругавъ его ругательски, приказывалъ сторожу стащить съ него сапоги, спрятать фуражку и держать въ канцеляріи до тѣхъ поръ, пока онъ окончитъ ваше дѣло. Но теперь, если придется вамъ надобность, имѣть серьезное дѣло съ приказнымъ чиновникомъ нынѣшняго времени, то вы спрячьте подальше свои пяти-рублевые ассигнаціи—съ ними вы никакого не сдѣлаете дѣла; не надѣйтесь также и на снятіе сапоговъ—ихъ нынче уже не снимаютъ. Не забудьте, что нынѣшній чиновникъ въ Москвѣ, получаетъ порядочное штатное жалованье, не назначаемое, какъ случалось иногда, по капризу секретаря; онъ имѣетъ тоже свою амбицію и гордость, порицаетъ взятки, ходитъ въ опрятномъ мундирномъ фракѣ съ пуговицами подъ клапонами; манишка у него съ запонками, онъ при часахъ, а часы у него съ золотою цѣпочкою; хохоль его завить и раздушень, сапоги какъ зеркало и на высокихъ каблучкахъ; у него на рукѣ, которую прежній подъячій вамъ протягивалъ, всю въ масле и чернилахъ, блеститъ брилліантовое колечко; онъ часто объѣдаетъ у Шевалье и Будье, курить предорогія похетоски, воображаетъ, что говорить по Французски, не употребляетъ ни-

чего, кромѣ го-сотернѣ и шампанскаго, приказывая послѣднее подавать, непременно на льду въ серебряной вазѣ; танцуетъ мазурки и галопады въ маскерадахъ Нѣмецкаго Клуба и Купеческаго Собранія, прогуливается въ Элизіумъ и не рѣдко бываетъ львомъ Кремлевскаго сада; строить курбеты барышнямъ, ищетъ себѣ богатую невесту, требуя, чтобъ она была непременно милашка и благородная; сидитъ въ театрѣ въ креслахъ, гордо посматриваетъ въ зрительную трубку на ложи, да еще произносить свои приговоры на артистовъ, хлопая съ самонадѣянностію въ ладоши или иногда, смотря по капризу, употребляя и змѣиное шипѣніе. Ну попробуйте къ такому чиновнику сунуться съ пятью рублями! да онъ васъ вызоветъ на дуэль! Нынешній порядочный чиновникъ, не беретъ такихъ крошечныхъ денегъ; все, что онъ можетъ для васъ сдѣлать—это итти съ вами, какъ знакомый, обѣдать въ гостиницу; ступайте же, пообѣдайте съ нимъ и потомъ сочтите, что это вамъ будетъ стоить; аппетитъ у него всегда прекрасный, а привычки его я вамъ разскажалъ, сообразуясь съ ними, вы должны угощать его, если хотите, чтобъ онъ васъ, въ свою очередь, не угощалъ одними обѣщаніями. Большая часть приказныхъ чиновниковъ въ Москвѣ, живетъ далеко отъ

присутственныхъ мѣстъ; причина тому—слишкомъ дорогая цѣна квартиръ въ самомъ центрѣ города, гдѣ расположены присутственныя мѣста. Всѣ они, большею частію, обитаютъ: подѣ Новинскимъ, въ Грузинахъ, за Москвой рѣкой, въ переулкахъ на Стрѣтенкѣ, въ Таганкѣ и подѣ Дѣвичьимъ.

Въ 9 часу утра, если вамъ случится быть у Иверскихъ воротъ, то вы увидите, какъ они стаями стекаются со всѣхъ сторонъ, съ озабоченными лицами, съ завязанными въ платкѣ кипами бумагъ, въ которыхъ весьма часто можетъ быть упоминается и о вашей особѣ, если вы имѣете дѣла. Они спѣшатъ, кланяются между собою, заходятъ въ часовню Иверской Божіей Матери и, сотворивъ молитву, бѣгутъ писать роковыя слова: *слушали, а посправки и приказали*, бывающія иногда для васъ источникомъ всѣхъ благъ земныхъ, или на оборотъ. Въ три часа, чиновники выходятъ изъ присутствія; тутъ опять вы можете ихъ встрѣтить, на лицахъ опять видна заботливость, но эта уже не забота службы, а забота тощаго желудка. — Противъ присутственныхъ мѣстъ, тянется длинный рядъ трактировъ; тамъ органы, машины съ музыкою, безпрестанно наигрываютъ и вьетъ вѣтерокъ, и аріи изъ Роберта, и вальсы Страуса; туда спѣшатъ приказные, чтобъ насы-

тять свой, прогладавшійся желудокъ; укаждаго изъ нихъ, есть своя любимая резиденція, своя комната, любимый номеръ въ машинъ, любимое блюдо и у каждаго почти, есть свой фаворитъ-половой, передъ которымъ должностной человекъ разыгрываетъ роль барина. Когда приказные объдаютъ нѣсколько человекъ вмѣстѣ, и если вы, хоть небольшой наблюдатель, то легко отгадаете на свой, или на чужой счетъ они объдаютъ; по физиономіи ихъ, по разговорамъ, вы можете навѣрное узнать, благополучноли окончилось для нихъ присутствіе, т. е. похвалили, или потогнали начальникъ и не приключилось ли приказному *комиз-са*, особеннаго удовольствія, котораго, если вы не приказный, то никогда испытать не можете. Когда вы увидите, что приказные за столомъ ѣдятъ обыкновенно, какъ и всѣ люди, выпили водки, только передъ обѣдомъ, а потомъ спросили кислыхъ щей, имѣя немного кислаго лица, говорите смѣло: они объдаютъ на свой счетъ! Но если приказные пришли всѣ съ улыбающимися лицами, или между ними невеселъ только одинъ; если они спрашиваютъ водки и передъ обѣдомъ и послѣ каждаго блюда; если кричатъ подай того, подай другаго, и то не то, и то не такъ; если тутъ являются и малиновка и вишневка и мадера и со-

тернъ; если хлопають въ потолокъ пробки *вертеле*; — все это несомнѣнные признаки, что они кого нибудь съ собою *прихватили* и его *наказываютъ*.

Когда во время присутствія, начальникъ приказнаго погонялъ и ему не приключилось никакого особеннаго удовольствія, то онъ пасмуренъ какъ Сентябрь, говорить мало, вина почти совсѣмъ не пьетъ. Съ мрачнымъ видомъ, спрашиваетъ онъ трубку и съ горя велитъ играть на машинѣ: *въ старину жилили дяди, веселѣй своихъ энугать*; если же похвалилъ начальникъ, да еще приключилось и удовольствіе, то у приказнаго рѣчи льются, какъ пламя изъ печи. Онъ за обѣдомъ разговариваетъ съ товарищами и привѣтливо кланяется знакомымъ; одна сторона его лица куски жуетъ, а другая сладко рѣчь ведетъ; онъ кричитъ половому: *ну дьяволъ, толкай волсахъ*, а самъ, въ это время, выхваляетъ своего начальника и густую бороду прислужника; онъ съ нимъ остритъ и пьетъ винцо съ улыбкой, а вставая изъ за стола, спрашиваетъ театральную аффишу и гордо кидаетъ слугѣ на водку гривенникъ.

Немногіе изъ приказныхъ, объдаютъ въ своемъ семействѣ; они обыкновенно возвращаются домой довольно поздно вечеромъ, потому что послѣ обѣда привыкли, для моціона, играть на би-

ліардъ; иные, съ трубочкою въ зубахъ, притворяются, что читають *пчелку*, а когда пчелка занята, то не имѣя ни одного знакомаго изъ военныхъ, повышеніе котораго чиномъ, могло бы ихъ интересовать, они пробѣгаютъ Приказы въ Инвалидъ, или не имѣя никакого понятія въ естественныхъ наукахъ, читають въ Библіотекѣ для чтенія, изслѣдованія и наблюденія надъ пластами земли, а иногда прихльбывая наливочку; даже разсужденія объ инфузоріяхъ и о наливочныхъ животныхъ, или Географію Луны; время же летитъ себѣ, да летитъ; не увидишь, какъ наступитъ вечеръ; тутъ приказный является домой. Если онъ женатъ и ладно живетъ съ женою, то уже большею частію остается дома, копается въ дѣлахъ, опять читаетъ всякаго рода книги, даже оперы и программы балетовъ; если же холостякъ, да еще и танцуетъ, то кто велитъ ему сидѣть? да вы дома его и собаками не сыщете.

Сдѣлавъ краткій очеркъ приказныхъ, служащихъ въ Москвѣ, я перехожу къ отставнымъ приказнымъ. Ихъ можно раздѣлить, на *безердныхъ* и *зловредныхъ* коллежскихъ регистраторовъ; первые, находясь въ отставкѣ, живутъ обыкновенно, какъ и весь порядочные граждане города, каждый по своимъ средствамъ; а послѣдніе, оставя служ-

бу въ своей ранней молодости, по разнымъ больше или меньше неблагопріятнымъ для нихъ обстоятельствамъ, обыкновенно толпятся по утрамъ у Иверскихъ воротъ, Казанскаго Собора и около самыхъ присудственныхъ мѣстъ; это стряпчіе, ходатаи по дѣламъ, сводчики разныхъ покупокъ, всегдашніе свидѣтели купчихъ крѣпостей, отпускныхъ, закладныхъ, заемныхъ писемъ и всякаго рода условныхъ записей; свидѣтели всего того, что они видѣли и чего не видали, того, что дѣйствительно совершилось и того, чего никогда не было, люди готовые всегда засвидѣтельствовать все, по приглашенію. Они дѣлають большой вредъ неграмотнымъ простолюдинамъ, не рѣдко втягивая ихъ въ различные процессы. Часто, какойнибудь крестьянинъ или деревенская баба идутъ къ присутственнымъ мѣстамъ справиться по своему дѣлу, иногда имъ встрѣчается надобность подать просьбу; отставной регистраторъ, немедленно является тутъ и предлагаетъ услугу: пописывая просьбу, онъ ни сколько не заботится о вѣрномъ изложеніи дѣла, а думаетъ только, чтобъ какънибудь ее по скорѣе настрочить, да заработать себѣ четвертакъ, и часто просьбы, написанныя совершенно безъ всякаго смысла этими людьми, обременяють Московскіе присудственные мѣста. Хо-

дѣла по дѣламъ, обыкновенно увѣряетъ легковѣрнаго мужичка, что ужъ такъ мастерски напишетъ, что ему и хлопотать по дѣлу, будетъ не нужно; все получишь, любезный, говорить онъ, меня только смотри не забудь; и разсуждая такимъ образомъ, между прочимъ добивается нѣтъ ли у мужика какойнибудь тѣтки, снохи, или свата, деверя, которые бы повздорили съ своимъ сосѣдомъ о клочекъ земли, или о какомънибудь рубль; нѣтъ ли какагонибудь крѣпостнаго человека, отыскивающего себя свободы изъ владѣнія разночинца; присылай ихъ сюда ко мнѣ, говоритъ всемірный стряпчій; ужъ выиграю дѣло, будешь въкъ благодаренъ. Мужикъ часто вѣритъ регистратору, а ему того только и надо; онъ валяетъ себя свои дешевыя просьбы, городить въ нихъ турусу на колесахъ, получаетъ четвертаки и жуируетъ по своему. Иногда осторожный мужичекъ, просить ходатая своего, прочесть ему написанную просьбу, чтобъ знать, что такое въ ней писано и дискать, естьли складъ; — такъ какъ дѣйствіе обыкновенно происходитъ на лѣстницѣ присутственнаго мѣста или на улицѣ, то приказный отводить крестьянина куданибудь за уголъ или соглашаетъ его посятить харчевню и тамъ за парами чая, онъ ему читаетъ: «такому-то

и прочее и прочее, жалоба крестьянина Экономической Паршиванской волости, села Кузнецовъ, Анофрія Иванова о слѣдующемъ: Я крестьянинъ Анофрій Ивановъ, по прозванію Башлыкъ, я, принадлежавъ сперва экономической волости Сапелкиной, я съ 1810 года переписанъ за вышеръченною волостію, я имѣю дочь, я имѣю одну законную дочь Феоктисту, я ее воспитавъ а теперь утративъ, я сперва крѣпостной, но отпушенъ бывъ на волю, а дочь помѣщикомъ Тетѣхинымъ, бывъ продана одному купцу, а купецъ продалъ попу, а попъ продалъ козакашъ, а казаки продали жида, жидамъ крѣпостныхъ держать воспрещено и потому все сіе есть *несправедливо* и Феоктисть слѣдствуетъ *свобода!* » На словахъ несправедливо и свобода, ходатай дѣлаетъ сильныя ударенія и посматриваетъ на мужичка, а тотъ обыкновенно въ это время думаетъ, что эти же самыя слова будутъ непременно словами рѣшенія судебного мѣста и отвѣчаетъ: хорошо родимый, хорошо, такъ; ну вотъ тебѣ-ка за труды! Четвертакъ погибъ, гербовая бумага также погибла, по этой безтолковой просьбѣ; Анофрій о своей Феоктисть не добьется толку цѣлые годы; остается въ выгоду одинъ только приказный, который весело пропиваетъ, полученный даромъ, четвертакъ.

БАЛЫ, МАСКЕРАДЫ, КОНЦЕРТЫ.

Что новаго покажетъ ннѣ Москва ?

Вчера была балъ, а завтра будетъ две

ГРИГОРЬЕВЪ.

Съ Ноября мѣсяца , до самаго великаго поста, въ высшемъ и среднемъ кругѣ Московскаго дворянства, даются вечера и балы. Балы у аристократовъ бываютъ иногда такъ роскошны и великопны, что могутъ, безъ всякаго пристрастія, назваться Европейскими; въ это время, радушный хозяинъ изобрѣтаетъ всь возможные средства, чтобъ доставить удовольствіе гостямъ: блестящія залы, горящія тысячами огней, стройный оркестръ, очаровательные наряды женщинъ, такъ привлекательно и прозрачно одѣвающие прелести нашихъ красавицъ; ихъ большіе черные глаза, миленькія, маленькія ножки, наконецъ конфекты и прочее

приличное угощеніе, а въ заключеніе вкусный уминъ. Ну право чудо! кажется, что можетъ быть лучше, пріятнѣе бала?... Но какъ жаль, что лѣта, въ которые онъ намъ такъ нравится, слишкомъ непродолжительны, и въ нынѣшнее время, молодой человекъ не успѣетъ оглянуться, какъ уже все ему надоело; ему едва минуло 25 лѣтъ, а онъ не только не танцуетъ, но зываетъ на балъ. Нынче молодые, люди почти не говорятъ съ женщинами безъ особенныхъ цѣлей; наши красавицы — щеголихи, принуждены вертѣться и любезничать съ мальчиками, между тѣмъ какъ пережившіе за 25 лѣтъ, стоятъ важно и наводятъ на нихъ свои наблюдательные лорнеты. Мнѣ кажется не женщины, но мужчины причиною, что въ большихъ обществахъ, существуетъ до сего времени, такъ сказать, какая-то натяжка и въ гостяхъ нѣтъ общаго желанія повеселиться и быть любезнымъ, что необходимо для того, чтобъ было оживлено общество. У насъ на балъ, пока не заиграла музыка и не начались танцы, не многіе изъ мужчинъ позволяютъ себѣ подходить къ дамамъ и разговаривать съ ними, и я не понимаю, неужели мужчины ждутъ времени, когда женщины сами начнутъ заискивать ихъ разговора? помыслите, тогда намъ останется одно только: присѣдать передъ

ними. Я однажды разговаривалъ съ однимъ Московскимъ Европейцемъ изъ аристократическаго круга. Растолкуйте мнѣ, сдѣлайте милость, сказалъ я, отъ чего многіе мужчины хорошаго общества застычивы на балъ, неразговорчивы, невнимательны къ дамамъ, такъ что два пола почти составляютъ два различныхъ общества въ одной и той же залѣ? Онъ былъ человекъ не глупый, но часто говоря слишкомъ рѣзкія истины, гордился иногда и совершенный вздоръ; онъ отвѣчалъ мнѣ: «Извольте я вамъ объясню это, если хотите съ совершенною подробностію. «Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я, меня мое недоумѣніе мучить. «Какъ можно требовать, продолжалъ онъ, чтобъ у насъ мужчины вели пріятный разговоръ съ дамами? это въ настоящемъ положеніи общества невозможно; позвольте васъ спросить, на какомъ языкѣ вамъ угодно будетъ объясняться на балъ съ порядочною дѣвушкою или женщиною? конечно на Французскомъ, скажете вы мнѣ; но чтобъ говорить пріятно, не однѣ пошлыя, заученныя фразы, надобно основательно знать языкъ; а много ли у насъ молодыхъ людей, даже въ лучшемъ обществѣ, знающихъ его основательно? Большая часть изъ насъ, говоря по Французски, не говоритъ по Французски, а переводить съ

Русскаго; следовательно: живости и легкости разговора уже быть не может, и разговаривающий часто бывает не въ силахъ поддержать его, по недостатку словъ для выраженія своей мысли.

«Но помилюте, прервалъ я, сколько же есть людей, хоть въ этой залѣ, говорящихъ бойко, чистыми Французскимъ языкомъ; отъ чего они такъ молчаливы съ красавицами? посмотрите какіе молодцы! Неужели они боятся имъ надоесть?»

«Нѣтъ, совсѣмъ не то, отвѣчалъ Европейецъ; мушкетеры нынѣ больше самолюбивы, чѣмъ они были когда либо и вину ихъ молчанія ищите въ женщинахъ.» Объясните это мнѣ! — «Извольте, на примѣръ: не правда ли что Графиня NN красавица и премилая, образованная женщина?» Да, отвѣчалъ я. — «Но я не стану разсыпаться передъ нею на балѣ, потому что не хочу быть смѣшнымъ; здѣсь князь MM! онъ станетъ послѣ надо мною подшучивать, думая что я влюбился и палъ къ ногамъ той женщины, которою онъ повелѣваетъ, и которая его боготворитъ до безумія. Вотъ Княжна LL! я съ нею не могу входить въ большіе разговоры потому, что мои тѣтки, непременно начнутъ ее мнѣ сватать, думая будто возможно увѣрить, что она не такого огромнаго роста и не имѣетъ такого длиннаго носа,

какой вы у нее теперь видите. Наконецъ, съ другими красавицами я не хочу любезничать потому, что весьма основательно могу предположить: если у Графини NN есть Князь MM, съ которымъ она можетъ смѣяться надъ моими *galantries*, то у другихъ могутъ отыскаться также свои домашніе друзья и *cousins*, ихъ вы сами знаете, у каждой порядочной женщины всегда такое множество и.... Въ это время, вальсировавшія пары оттолкнули отъ меня далеко моего Европейца; онъ наскочилъ нечаянно на одну прекрасную даму, ловко извинился, подалъ ей стулъ, и пустился съ нею въ разговоры, какъ будто желая мнѣ угодить. Правду ли говорить Европеецъ, думалъ я; нѣтъ—неправду; нельзя же судить обо всѣхъ женщинахъ по графинѣ NN, однако.... Вальсирующие меня самого такъ толкнули, что я чуть не пришелся носомъ о при толку и невольно усялся на стулъ, между одною старушкою и премиленькою дамою въ темномъ бархатномъ беретъ. «*Et pourquoi ne dansez vous pas Monsieur?*» спросила меня красавица. *Je valse très mal madame*, отвѣчалъ я. «*Ainsi vous faites très bien*, сказала она; *si je ne valse pas, la cause est la même.*» Она была очень занимательна и мнѣ хотѣлось съ нею полюбезничать, но въ моей головѣ все еще раздавались слова Европейца; старушка

спросила наконецъ , нѣтъ-ли у меня понюхать табачку; я ей открылъ мою табакерку и мы проговорили до конца бала, а дама въ беретъ танцовала кадрили.

Сказавши нѣсколько словъ о частныхъ балахъ въ Москвѣ, я перейду къ общественнымъ и маскарадамъ. Общественные балы бываютъ зимою въ Благородномъ, Купеческомъ Собраніи и Нѣмецкомъ Клубѣ; въ нихъ также продолжаются до самаго великаго поста маскарады. Сверхъ того, даются танцевальныя вечера нѣкоторыми танцмейстерами, на этихъ вечерахъ обыкновенно танцуютъ однѣ дѣти, и нѣсколько баловъ даетъ почтенный и любимый всеми наставникъ Иогель, который, уча теперь танцевать дѣтей высшаго общества, когда-то училъ тому-же ихъ бабушекъ и дѣдовъ.

Благородное Собраніе обыкновенно открывается 20 Ноября, или блестящимъ баломъ 6 Декабря въ день тезоименитства Императора и закрывается деннымъ баломъ въ Субботу на масляной недѣль; тутъ вы можете видѣть всѣхъ Московскихъ красавицъ и невестъ въ полномъ блескѣ ихъ настоящей красоты, при дневномъ свѣтѣ и лучахъ уже весенняго солнца. Конечно, случается, что на денномъ балѣ, вы многихъ не узнаете,

если встрѣчали ихъ только вечеромъ. Часто девушка, которой цвѣтъ лица казался такъ пріятельнымъ при благопріятномъ свѣтѣ люстръ и бальныхъ огней, покажется вамъ блѣдна и желта чрезмерно; что же дѣлать? Зато сколько встрѣтите вы тутъ красавицъ такихъ, которыя не побоятся явиться на балъ днемъ и тогда, когда бы свѣтило не одно, а три солнца, и сколько лицъ, найдете въ Субботу, столько же увлекательныхъ, прекрасныхъ, какими вы привыкли встрѣчать ихъ, въ продолженіи цѣлой зимы.

Маскерады Благороднаго Собранія разнообразны и даже очаровательны. Съездъ на нихъ бываетъ въ 11-ть часовъ вечера, иногда и позже. Огромная зала горитъ яркими огнями, которые отражаясь играютъ на ея свѣтлыхъ мраморныхъ колоннахъ; на хорахъ стройный оркестръ, гремитъ польской, тотъ долгій, восхитительный польскій, когда мимо васъ таинственные маски мелькаютъ какъ легкія, воздушныя тѣни, мистифируя всеми возможными способами; подойдетъ черное домино, миленькая ручка, маленькая ножка, сверкающіе глаза какъ два чистые алмаза, блестятъ изъ подъ маски; она скажетъ вамъ нѣсколько словъ и исчезнетъ въ толпѣ, заставя васъ задуматься, вспом-

пить былое, иногда пріятное, иногда слишком горестное; вы спьните за ней, но толпа звакъ, наблюдателей въ черныхъ фракахъ, съ двойными и одинокими лорнетами, уже отдѣлила васъ отъ нее и быть можетъ навсегда.

Но между тѣмъ, если въ толпѣ шумной и разнообразной, вы ходите безъ всякой мысли, безъ всякой цѣли; если вы уже ничего не ищете въ жизни, потому что или все потеряли, или не надѣетесь въ ней ничего найти, то вы скоро соскучитесь тамъ, гдѣ кажется живетъ одно веселье; звуки стройнаго оркестра покажутся вамъ погребальными напѣвами, красавицы — однообразными фигурами, выходящими изъ могилы, щеголи и красавицы — выдвинутыми куклами на механическомъ театръ превращеній. Если вы уже разочарованы жизнью говорю, то прѣхавши въ маскарадъ, будьте хоть маленькимъ наблюдателемъ; это вамъ доставить по крайней мѣрѣ удовольствіе, горько улыбнуться на людей, взглянувъ на ихъ пошлыя лица, жалкія страсти и глупые расчеты, отражающіеся болѣе, нежели гдѣ нибудь, въ маскарадъ. Вотъ спускается, со ступенекъ въ залу, широкое атласное домино, совершенно закутывающее собою станъ высокой женщины; но и сквозь это домино, проглядываютъ прекрасныя, роскошныя

Формы, стройная, величественная талія; маска остановилась на ступенькахъ и гордо обвела своимъ лорнетомъ всю залу. Это молодая аристократка, она съ другою — своею пріятельницею, при ней никогда незамѣчаемою вами.... Вотъ посмотрите, молодой человекъ благородной наружности! голова его причесана просто и съ перваго взгляда видно, что онъ на это занятіе не употребляетъ цѣлыхъ часовъ и не думаетъ что подбораніе волоска къ волоску, красить мушину. Онъ скученъ; онъ любитъ истинно прекрасно-образованную, молодую дѣвушку, но она бѣдна и не знатнаго происхожденія, а молодой человекъ богатъ и стариннаго княжескаго рода; его загрызетъ вся родня, если онъ вздумаетъ не только жениться на этой дѣвушкѣ, но даже много говорить и танцовать съ нею въ обществѣ; онъ любитъ ея издали, а она въ это время стоитъ въ задумчивости у колонны, равнодушно смотритъ на пеструю, веселую толпу и только легкимъ наклоненіемъ головы, отвѣчаетъ на пошлыя фразы отъявленнаго франта, который, говоря вздоръ, по глупости не замѣчаетъ, что похищаетъ у бѣдной дѣвушки драгоценныя минуты, когда она можетъ свободно глядѣть на того, кого любитъ, и мечтать безъ боязни, что ей замѣтятъ ея разсыаніе. Отвѣчая машинально

франту, она все смотритъ въ сторону. Наконецъ къ ней подходитъ князь; тутъ она совсѣмъ другая: легкая улыбка является на розовыхъ ея губкахъ, щеки ея покрываются тихимъ румянцемъ, свѣтлые голубые глаза, становятся еще страстнѣе, живѣе, и говорятъ лучше всякаго языка: я люблю; я бы умѣла тебя любить и сдѣлать счастливымъ! Она говоритъ съ княземъ ушно, непринужденно, слова ея очень обыкновенны, но видно, что она довольна собою и счастлива. Франтъ поправляетъ свою прическу и скрывается въ толпѣ. . . . Заиграли кадрили, подойдемте къ нимъ! Какъ бы умственною чертою, бываетъ иногда раздѣлена зала Собранія, въ отношеніи ея народонаселенія во время маскарада. Въ лѣвомъ углу залы, обыкновенно собирается высшее общество; тутъ вы всегда встрѣтите благородныя, бѣдныя, гордыя и привлекательныя лица нашихъ аристократокъ, съ ихъ важною осанкою, гибкою талією, съ ихъ убійственно-равнодушными взглядами для тѣхъ, кого онѣ не хотятъ замѣтить; около нихъ толпятся, увиваются наши Московскіе львы, Европейцы, Адъютанты и Гвардейцы, молодые денди, недавно надѣвшіе галстуки, а между тѣмъ, имѣющіе уже сильное покушеніе на отращеніе бороды и усовъ, люди явившіеся въ свою очередь, смѣнить

на балъ тридцати-лѣтнихъ юношей, прошаркавшихъ уже болѣе десяти лѣтъ на паркеты, уже истратившихъ множество пустыхъ и страдальческихъ вздоховъ и великое количество лайковыхъ перчатокъ, оставившихъ часто для жизни, только одну жалкую пустоту въ карманъ и сердце. Но не печальтесь вы тридцатилѣтніе муніи! На свѣтъ все суета и всяческая суета! Этихъ юношей въ свою очередь также замѣнитъ новое поколѣніе, они также останутся съ одними прошедшими вздохами, карманною и сердечною пустотою, если балы и маскарады будутъ считать не средствомъ для разсыянія, а цѣлю жизни. Перейдемте теперь на правую сторону залы, ближе къ оркестру: здѣсь поражаетъ васъ пестрота дамскихъ и мужскихъ нарядовъ; здѣсь вы видите веселыя, довольныя собою лица и фраки темномалиноваго цвѣта, украшенныя металлическими пуговицами, цвѣтные жилеты и панталоны, разнородныя галстуки съ отчаянными узлами, удивительныя бакенбарды; желтыя, голубыя, зеленыя, пунцовыя, полосатыя, клетчатые платья, громадныя чепцы и токи, свѣжія здоровыя, круглыя, румяныя лица, плоскіе вздернутые къ верху носики, маленькія ножки и толстыя, пухлыя ноги, отъ которыхъ лопаются атласныя башмаки, большія, непропорціональныя, даже не-

позволятельныя груди. На этой стороне дамы и кавалеры—большую частью, особеннаго устройства; здѣсь собрано почти все то, что набываетъ зимою на Москву изъ губерній; оно пережыло съ женами докторовъ и чиновниковъ, занимающихъ положительныя, выгодныя и не то, чтобы значительныя, но состоящія въ 8-мъ и 7-мъ классъ, мѣста. Тутъ большую частью суетятся студенты, армейскіе офицеры и танцующіе чиновники изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ; всѣ они также съ лорнетами, которые впрочемъ прячутъ при появленіи своихъ начальниковъ. Посмотрите, какъ неловко дѣлаетъ соло засѣдатель какого-то суда, въ большихъ башмакахъ на толстой подошвѣ: онъ боится что, того и гляди, къ кадрили подойдетъ начальникъ и увидитъ его преспокойно танцующаго, тогда какъ сегодня же утромъ, онъ его исправно погонялъ за какое-то дѣло. Его визави, составляетъ также чиновникъ — одѣтый порядочно, въ чистыхъ хотя и широкихъ перчаткахъ; тотъ сконфузился и вдругъ пересталъ даже строить комплименты своей дамѣ, отъ-того что недалеко отъ себя увидалъ какого-то почтеннаго старичка, которому онъ сегодня оказалъ довольно важную услугу въ своемъ присутственномъ мѣстѣ. Кажется чего бы ему стыдиться; неужели совѣстно

оказывать услуги; услуга кажется доброе дѣло? Но какъ можно, чтобъ человѣкъ, существо слабое, разгадывалъ всѣ изгибы человеческого сердца, всѣ сокровенныя тайны его души, и неужели вы хотите, чтобъ я въ коротенькомъ моемъ съ вами разговорѣ, могъ высказать все то, что думаютъ и дѣлаютъ люди?... Взгляните на эту барыню, подле которой сидитъ толстая, блѣлая ея дочка прохладная себя вѣромъ; какъ злобно смотрятъ онѣ на хорошенькую дочь одного профессора, подающую руку, какому-то пѣхотному майору съ крестиками. Майоръ этотъ низенькаго роста, еще довольно молодъ, не дурень собой, хоть лице у него какого-то красновато-бронзоваго цвѣта; онъ, злодѣй, пригласилъ на кадрили блѣлую барышню и спустя нѣсколько минутъ, подошелъ извиниться, что не можетъ танцевать, говоря: *J'ai regardé mon vis-à-vis*, а теперь вонъ скачетъ себѣ съ этою миленькою брюнеткою, преванно потряхиваетъ своими густыми эполетами и ухомъ не ведетъ, что блѣлая на него такъ сильно злобится. Недалеко отъ этаго майора, танцуетъ молоденькій, здоровенькій, красненькій студентъ съ молодою полною дамою, такою же красною какъ онъ самъ. Они безпрестанно, что-то между собою говорятъ; разговоръ ихъ оживленъ, и здо-

ровенькій студентъ, почти не выпускаетъ изъ руки, ручку своей дамы. Кто знаетъ, быть можетъ онъ въ это время и жметъ ей ручку? а между тѣмъ, вдали отъ кадрили, стоитъ тощая, высокая фигура въ черномъ домино; это мужъ-ревнивецъ; онъ не спускаетъ глазъ съ своей хорошенькой, здоровенькой жены и въ мучительномъ припадкѣ ревности, теряется въ размышленіяхъ, что за удовольствіе женѣ, всегда танцовать съ этимъ, какъ онъ выражается мальчишкою, и отъ чего это, когда бы онъ не узнавалъ и не возвращался домой, вѣчно встрѣчаетъ онъ въ своемъ глухомъ переулкѣ, это несносное для него здоровое и веселое лицо студента? Потомъ взгляните, сколько радостныхъ, беззаботныхъ лицъ, которыя болтаютъ, двигаются, улыбаются, шумятъ и веселятся отъ души, довольныя собою, думая, что на нихъ однихъ обращено все вниманіе маскарада!—Повторяю, если вы здѣсь безъ всякой цѣли и хотите одного разсыянія, оставайтесь на правой сторонѣ залы! вы тутъ болѣе увидите веселыхъ и счастливыхъ людей; до нихъ еще не дошли, изъ лѣваго угла залы, мысли и взгляды на вещи; у нихъ страсти не исполнскія, желанія маленькія — не колоссальныя, следовательно, имѣющія на счастье ихъ жизни, одно только маленькое, крошечное вліяніе.

Общество, составляющее балы и маскарады Купеческаго Собранія, почти одно и то же которое описано мною вкратцѣ, на правой сторонѣ залы Благороднаго Собранія; но тутъ оно перемѣшано между купеческими семействами, встречающимися съ среднимъ кругомъ дворянства, единственно только въ своемъ Собраніи. Если бы это соединеніе было чаще, то образованіе купеческихъ дѣтокъ, въ особенности дочерей, пошло бы гораздо быстрѣе. Купеческія дочери, на балѣ и въ маскарадѣ, обыкновенно очень молчаливы; замужнія—почти неприступны для разговора, позволяя однакожъ приглашать себя въ молчаніи двигаться подъ музыку. Здѣсь вы увидите богатые наряды, во всемъ блескѣ ихъ безвкусія. Часто головки, молоденькихъ купеческихъ дочекъ, горятъ брилліантами и привлекаютъ лакомые взоры военныхъ и статскихъ жениховъ, — нерѣдко нарочно посѣщающихъ Купеческое Собраніе для того, чтобъ повысмотреть себя суженую при убѣжденіи, что красота душевная и тѣлесная, хоть вещи и весьма хорошія, но все что-то не совсѣмъ хороши въ нынѣшнемъ вѣкѣ, безъ порядочнаго прилагательнаго. Въ купеческихъ семействахъ, вы встрѣтите очень миленькія лица, но не удивляйтесь, если иногда на приглашеніе танцовать, вамъ отвѣтятъ: нѣтъ-съ

не хочу, дайте *престить*. Здѣсь когда жарко, то прохладяютъ себя не вѣромъ а платочкомъ; мушкетеры лишены шляпъ, военные даже оружія. Пожилыя купчихи на балъ, добровольно лишаютъ себя языка и движенія, довольствуясь однимъ пріятнымъ наблюденіемъ взорами за своими дѣточками, подбѣгающими къ нимъ послѣ каждой кадрили. Маменьки обыкновенно балуютъ ихъ конфетами, привозимыми съ собою въ большихъ носовыхъ платкахъ; я даже видѣлъ, какъ одна кормила свою дочку постилою, привезенною въ платокъ изъ дома. Гдѣ вы здѣсь достали постилы? спросилъ я ее, какъ давній знакомый. «Съ собою привезла батюшка; нельзя же, надобно вѣдь горло промочить, здѣсь ничего не добьешься; мой Сидоръ Семенычъ уйдетъ да сядетъ себѣ играть въ свой пикетъ, а до насъ ему и дѣла нѣтъ.» Помилюйте, да на что же мы? «И, мой батюшка, это по вашему, а у насъ этаго не водится; какъ можно, чтобы затруднять встрѣшнаго и поперешнаго покупкою дѣвушкамъ лакомства.» Да за чѣмъ же вы даете постилу Еленѣ Сидоровнѣ? теперь такъ жарко, ее замучитъ жажда; ей бы надобно было чего нибудь прохладительнаго. «Нѣтъ, я сильно какъ *разогрѣла*, отвѣтила мнѣ дочка, и начала махать на себя платкомъ. «Алѣнушка сядь!» сказала ей

матушка. «И, маменька! я нисколько еще не *умо-
рилась*, не люблю сидеть,» — и схвати въ ротъ
огромный кусокъ постилы, завертѣлась въ вальсъ,
съ подлетѣвшимъ къ ней какимъ-то мущиною съ
большими бакенбардами, въ мундиръ съ петлица-
ми, со шпорами, но безъ эполетъ.

Маскерады Нѣмецкаго Клуба, посѣщаются пре-
имущественно семействами Нѣмцевъ, иностранца-
ми другихъ націй, принадлежащихъ къ ремеслен-
ному классу, семействами мелкихъ учителей, ак-
терами и актрисами. Въ этихъ маскерадахъ, су-
ществуешь разгульная, непринужденная веселость;
здѣсь на туалетъ нѣтъ большой взыскательности,
и молоденькія Нѣмочки, а иногда и старушки,
преспокойно попрыгиваютъ контръ-дансы въ про-
стыхъ бѣленькихъ платьицахъ, часто безъ вся-
кихъ украшеній. Между ними попадаются и Рус-
скія дамы въ амазонкахъ, бержеркахъ и наряжен-
ныя кормилицами; эти дамы снимаютъ свои мас-
ки уже тогда, когда старшины Клуба порядочно
наунижаются и ко входу ихъ сдѣлаются нѣсколь-
ко благосклоннѣе, а до того времени имъ угро-
жаетъ злобное Нѣмецкое *Seitens*. Мущины среднего
круга также, посѣщаютъ маскерады Клуба, чтобъ
поволочиться за Нѣмочками и за этими Русскими

дамами, которыя такъ боятся непоужинавшихъ Нѣмцевъ; они нерѣдко также подвергаются грозному *Berges* за свои шалости; смотря по роду преступленія, ихъ иногда выводятъ съ музыкою. — Нѣмцы величайшимъ для себя оскорбленіемъ считаютъ, когда Русскіе шалуны, вышавшись въ ихъ танцы, начинаютъ дѣлать различные фарсы и антръ-ша. Русскіе обыкновенно выбираютъ для такихъ продѣлокъ, замѣчательно-безобразныхъ дамъ и составляютъ между собою, особую кадрили изъ кривыхъ, горбатыхъ, слишкомъ долговязыхъ или слишкомъ коротенькихъ Нѣмокъ; толпа тотчасъ окружаетъ эти карикатурныя кадрили и Нѣмецкіе старшины ждутъ, какъ вороны крови, случая, чтобъ уничтожить дерзкихъ возмутителей ихъ спокойныхъ пирушекъ. Они обыкновенно, завидѣвъ кадрили такого рода, называютъ ихъ *ein Standal*, и горе дерзновенному, распространившему свои антръ-ша за границы приличія и Нѣмецкаго терпѣнія; если онъ не знаетъ ни одного полновѣснаго Нѣмца, который бы за него вступился, то изгнаніе его неизбѣжно.

Маскерады Нѣмецкаго Клуба, подъ Новый годъ и въ Субботу на масляной, который начинается почти тотчасъ послѣ деннаго бала Благороднаго

Собрания, бывают такъ многочисленны, что въ нихъ съѣзжается посѣтителей до 9,000 человекъ. Я однажды рассказывалъ объ этомъ въ провинціи,—мнѣ не повѣрили. Я не ожидалъ отъ васъ, сказалъ мнѣ тихо, одинъ изъ собесѣдниковъ, чтобъ вы были такой насмѣшникъ; за чѣмъ вы такъ дурачите нашего брата? 9,000 людей—это цѣлый городъ; насъ не всегда можно морочить, вѣдь и мы уже прочли Ревизора!... Я могъ увѣрить, сколько мнѣ было угодно, что не имѣлъ никакого намѣренія ихъ дурачить, но мнѣ не повѣрили,—и одна дама умнее и образованнее другихъ сказала: «Ну признайтесь, вы прибавили красное словцо, говоря о своемъ любимомъ городѣ?»

Для этихъ огромныхъ маскарадовъ, равно для маскарадовъ, даваемыхъ въ пользу бѣдныхъ Французовъ и Нѣмцевъ, продолжалъ я, Благородное Собраніе, уступаетъ свои красивыя залы; онѣ соединяются, посредствомъ лѣстницы, съ залами Нѣмецкаго Клуба, находящимися въ одномъ и томъ же домѣ, и наполняются посѣтителями. Въ это время, играетъ нѣсколько оркестровъ вокальной и инструментальной музыки и поютъ пѣсельники. Въ малой залѣ Благороднаго Собранія, собирается три раза ужинный столъ и въ это время, однихъ

ужинающихъ въ Клубъ, бываетъ до 4,000 чело-
вѣкъ! «Ужъ подлинно дистанція огромнаго раз-
мѣра; въ ней и балы-то какіе-то чудовищныя,»
сказалъ уѣздный судья, оскаливши свои зубы, и
потирая свое толстое брюхо.

Съ наступленіемъ 2 недѣли великаго поста, въ
Москвѣ начинаются концерты; они даются въ залъ
Благороднаго Собранія, въ залахъ Нѣмецкаго и
Купеческаго Клуба а также и въ театрѣ, артиста-
ми, состоящими при Императорскомъ Московскомъ
театрѣ и многими другими, пріѣзжающими въ Моск-
ву на время. Но какъ здѣсь очень мало истин-
ныхъ любителей музыки, то концерты довольно
лѣниво посѣщаются тѣми же людьми, которыхъ
вы видѣли въ маскарадахъ и которые пріѣзжаютъ
для того только, чтобъ какъ говорится: людей
посмотрѣть и себя показать.

ЛѢТНІЯ ГУЛЯНЬЯ.

Въ Москвѣ, съ наступленіемъ весны, въ Вербную Субботу, начинается первое гулянье. Оно бываетъ въ экипажахъ, по главнымъ Московскимъ улицамъ, прилегающимъ къ Кремлю и вокругъ самаго Кремля. Тутъ, въ первый разъ появляются весеннія моды нашихъ щеголей и щеголихъ; при благопріятной погодѣ, бываетъ большое стеченіе народа, и въ то время, когда тянутся безконечныя цѣпи новыхъ, прекрасныхъ экипажей, тротуары и середины улицъ, наполнены толпами народа; простолюдины перемѣшаны съ дворянствомъ и купцами, проходятъ въ Кремль и на Красную площадь, гдѣ обыкновенно бываетъ центръ гулянья. Тутъ цѣли каретъ, тянутся иногда въ 6 рядовъ; между ними рисуются, верхами,

Московскіе молодые денди. На этомъ гуляньи, въ первый разъ встрѣчаются новыя лица юношей, одѣтыхъ уже щеголями, тогда, какъ прошедшимъ лѣтомъ, они считались еще дѣтьми. Гулянье продолжается до сумерокъ и спустя четверть часа, послѣ развѣзда, шумныя, веселыя площади и улицы, представляютъ одну смирную пустыню. Съ самаго этаго вечера, начинается Страстная недѣля; въ городѣ водворяется благоговѣйная тишина, вы слышите только одни унылые звоны колоколовъ, съ ихъ таинственно-печальными откликами, призывающими православныхъ жителей къ молитвѣ. — Но наступаетъ Великая Суббота, и снова мелочныя, необходимыя и прихотливыя заботы людей, проявляются во всей своей силѣ. Кареты несутся линіею къ магазинамъ на Тверскую и Кузнечій мостъ, другія спѣшатъ въ Ряды и Гостиный дворъ; на многихъ улицахъ давка, почти нѣтъ возможности ходить отъ тѣсноты. Въ Охотномъ ряду разставлены куличи, пасхи и красныя яица; туда стекаются хозяйки, дворецкіе, повара и кухарки. Кто бѣжитъ и несетъ ногу копченой ветчины; кто тащится, едва передвигаясь подъ тяжестію нагруженныхъ кульковъ, изъ которыхъ торчитъ и носъ испуганнаго пѣтуха и печальное рыло поросенка, — производящаго по

улицамъ пронзительный визгъ, какъ бы отъ предчувствiя, что ему не миновать бѣды. Простолюдины несутъ, обвернутыя въ бумагъ, новыя шляпы; молодыя дѣвушки съ картончиками, бѣгутъ за своими дешевыми покупками, — занимающими ихъ болѣе, чѣмъ богатаго драгоцѣнности; кто несетъ корыто, кто глиняный горшокъ и мѣдный шандаль; словомъ, всякій занятъ однимъ собой. И для чего вся эта суета? Для того, что каждому хочется, встрѣтивъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенiя, повеселиться и показаться между людьми своего общества. Но вотъ наступаетъ этотъ Великiй праздникъ! Въ то время, когда знатные и богатые, гранятъ Московскую мостовую, дѣлаютъ между собою свои странные визиты, не заставляя другъ—друга дома, простой народъ веселыми толпами, въ праздничныхъ одеждахъ, при неумолкаемомъ звонѣ колоколовъ, валитъ подъ качели, устроенныя на Новинскомъ валу. Это гулянье, живо выражаетъ собою вышнее торжество Великой недѣли, въ продолженiи которой, всѣ возрасты, всѣ сословія, безъ различiя чиновъ, всѣ разряды кроткаго, добродушнаго народа, веселятся вмѣстѣ съ богачами и вельможами, не мышая одинъ другому. — Утромъ, кругомъ гулянья, возятъ въ каретахъ, маленькихъ дѣтей; между каре-

тами, пролетаютъ стрѣлою, молодые Московскіе щеголи въ дрожкахъ, такъ сказать, показываясь въ это время передъ публикою, а около двухъ часовъ утра, съѣзжается лучшее общество и ходитъ пѣшкомъ по прекрасной широкой тропинкѣ, огороженной перилами, отдѣляющими ее съ одной стороны отъ экипажей, а съ другой отъ балагановъ, на которыхъ шумятъ, смѣшавъ народъ замысловатые паясы и фокусники; около нихъ толпятся тысячи людей, смѣются надъ ихъ шутками, удивляются ихъ хитрости, зѣваютъ, глазюютъ и скалятъ зубы по праздничному. Тутъ вы видите и непромокаемыхъ и несгораемыхъ; тамъ одинъ принимаетъ яды, а въ другаго стрѣляютъ изъ 10 ружей и онъ невредимъ; въ одномъ балаганѣ, шутикаръ показываетъ дьявольское навожденіе на веревкѣ, а въ другомъ, даютъ театральное представленіе собаки и зайцы. Посреди всего этого чуднаго, дивнаго, стоитъ маленькая будочка, на складномъ стулѣ; къ верхушкѣ ея прикреплена березовая палочка, на палочкѣ вмѣсто флага, развѣвается замасленный, красный носовой платокъ; въ будочкѣ есть два стѣклышка; позади ее, стоитъ отставной солдатъ и показываетъ, разные оптическіе виды, мальчикамъ и деревенскому мужику, которые съ любопыт-

ствомъ толпятся, около его райка, и защищая рукою одинъ глазъ отъ солнца, прищуря другой, смотреть серіозно, въ маленькія стеклушки. Солдаты дѣлаютъ этой публикѣ нѣкоторыя поясненія; онъ всегда говоритъ, какъ-то носомъ, протяжно и однообразно. «Вотъ, смотри и гляди, городъ *Аршавъ*: Русскіе Поляковъ убиваютъ, себя городъ покоряютъ. Вотъ смотри и гляди городъ *Ариванъ*; вотъ Князь Иванъ Федоровичъ въѣзжаетъ и войска созываетъ; посмотри, вонъ Турки валяются, какъ чурки, Русскіе стоятъ невредимо! Вотъ, смотри и гляди, городъ С. Петербургъ и Петровпавловская крѣпость; изъ крѣпости пушки палятъ, а въ казматахъ преступники сидятъ, и сидятъ и пищать, а корабли къ Питеру летятъ! А вотъ городъ Москва бьетъ съ поска; Король Прусской въ нее въѣзжаетъ, а Русской народъ ему шапки снимаетъ.... Ахъ, хороша штука, да послѣдняя!»

Между тѣмъ паступаетъ 4 часъ; лучшее общество уѣзжаетъ обѣдать, а въ самое это время начинается вечернее гулянье. Цѣпи экипажей несутся подъ Новинское; сперва купцы, немного позже дворянство и уже экипажное гулянье, продолжается до заката солнца. Молодые люди какъ птички на жердочкахъ, сидятъ на перилахъ, бурлятъ, кри-

тикуютъ, лорнируютъ хорошеиькихъ Москвитянокъ, подходятъ къ экипажамъ, и если красавица занимаетъ щеголя, то облокотясь важно на ручку каретной дверцы, живописно закинувъ на плечо полу своего моднаго плаща, онъ провожаетъ карету и расточаетъ, въ это время, свои Французскіе комплименты, иногда съ величайшими грамматическими и сердечными ошибками.

Наконецъ наступаетъ 1 Мая и открывается первое загородное гулянье въ Сокольникахъ, потомъ Семикъ, — въ этотъ день бываетъ многолюдное гулянье въ Марьиной рощѣ. — Имъ оканчиваются большія, годовыя гульбища и лучшее общество, начинаетъ рѣдѣть, потому что многіе уѣзжаютъ въ деревни и на дачи; но за то, въ это время, частных гулянья оживаютъ всѣ вмѣстѣ, во всемъ ихъ разгуль и разнообразіи, по всемъ концамъ огромнаго города. Знаменитый Бардинъ, начинаетъ обыкновенно травить, за Рогожскою заставою, своего лютаго медвѣдя *ахана*, котораго онъ не можетъ затравить, въ теченіи 20 лѣтъ; открываются, на близъ лежащихъ дачахъ и въ городскихъ садахъ: *Парижскіе Тиволи*, *Вѣнскіе* и *Берлинскіе Пратеры* и различныя *Элизіумы*, гдѣ бываютъ разныя удивительныя *метаморфозы*, великолѣпныя *катастрофы*,

*Олимпійскіе цирки, Гишпанскія пактолины, Геркулесовыя упражненія, Китайскія пляски, Индійскія игры, путешествіе доктора Фауста и его помощника Плутона въ адъ, прогулки Бахуса на богѣхъ и разныя, не слыханныя, живописныя *таблo*, освѣщенные *бенгалъскими* огнями.* На этихъ гуляньяхъ портнихи, швеи, цвѣточницы, купцы и приказные, составляютъ большую часть публики; въ нѣсколькихъ мѣстахъ прекраснаго сада, играетъ полковая и инструментальная музыка, поютъ Русскіе пѣсельники и цыгане, на водѣ катаются въ лодкахъ и пускаютъ фейерверки. Кавалеры бываютъ очень любезны съ дамами, которыхъ они угощаютъ въ палаткахъ до поздней ночи, — освѣщенной всегда, какимъ нибудь *бриліантовыми транспарантами*, и веселятся иногда до того, что какъ сами говорятъ: *ужъ ничего въ волнахъ невидно.* — Одни аффиши, печатаемыя для объявленія о такихъ гуляньяхъ, непременно возбуждаютъ любопытство, и я знаю людей въ Петербургѣ, нетерпѣливо ожидающихъ Московскихъ вѣдомостей, чтобы только, хоть полюбоваться на эти аффиши.

Между тѣмъ по Воскресеніямъ, на дачѣ Нѣмецкаго Клуба, бываютъ балы, поютъ цыгане и даютъ представленія разныя, пріѣзжающіе фокусники

и артисты; лучшее же общество, остающееся на лето въ городъ, соединяется по Пятницамъ въ Сокольницкой роцъ и по праздникамъ, въ огромномъ Воксаль Петровскаго парка, гдѣ бывають маскарады, танцевальныя вечера, лотереи, а въ Царскіе дни, великольная иллюминація. Тутъ вы увидите Московскихъ невѣстъ и красавицъ, съ ихъ привлекательными нарядами и изысканною небрежностію загородныхъ прогулокъ; Московскихъ львовъ и Московскихъ денди, съ ихъ перехитренными, модными фраками и сюртуками, съ воткнутыми въ глаза черепаховыми лорнетками; людей съ печальными, важными, довольными или вѣчно-улыбающимися лицами, дородныхъ и тощихъ, дѣйствительныхъ молодцовъ и безобразныхъ, воображающихъ себя красавцами, и множество такихъ людей мужскаго и женскаго рода, которыхъ вы, встрѣчая ежедневно, никогда не узнаете, потому что ни лица ихъ, ни одежда, не заключаютъ въ себѣ ничего необыкновеннаго и такого, на чемъ бы могло остановиться ваше вниманіе. Эти люди, такъ схожи между собою, какъ листья на берѣзѣ; вы ихъ увидите и позабудете, какъ тѣ неясныя грезы во снѣ, которыя случалось, каждому изъ насъ, видѣть въ жизни, между тѣмъ, какъ эти люди имѣють свои, даже для нихъ самихъ непримѣтныя, страсти, же-

лають болѣе или менѣе быть замѣтными, любезными и счастливыми въ своихъ маленькихъ, иногда возможныхъ, иногда не возможныхъ, даже глупыхъ предпріятіяхъ.

Кромѣ исчисленныхъ мною мѣстъ для прогулки, вы встрѣтите, ежедневно гуляющихъ—на бульварахъ, въ особенности на Тверскомъ, Пръсенскихъ прудахъ и въ Кремлевскомъ саду, гдѣ въ положенные дни играетъ музыка, а въ день коронаванія Императора, въ Кремлевскомъ саду бываетъ блестящая иллюминація. Лѣтомъ, бываютъ также конскія скачки, на устроенномъ для сего бѣгѣ, куда собирается множество жителей всякаго званія. Если хотите уединенныхъ, загородныхъ прогулокъ съ своимъ семействомъ, повѣжайте по окрестностямъ Москвы; онѣ очаровательны. Я назову вамъ лучшія изъ нихъ: Царицыно, Кунцово, Кусково, Воробьевы горы, Кузьминки, Астанкино, Коломенское, Петровское-Разумовское, Архангельское и множество другихъ. Зимнія же гулянья заключаются въ утренней прогулкѣ, ясными днями, по Кремлевскому саду и на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ собирается лучшее общество, а также бываютъ катанья по набережной Москвы-рѣки и на Новинскомъ валу.

Говоря о гуляньяхъ, я не могу не упомянуть объ оригиналахъ, которыхъ вы можете встрѣтить въ Москвѣ. Если бы одно изъ этихъ лицъ, поселилось жить въ губернскомъ городѣ, то тамъ бы просто признали его за сумашедшаго и бѣжали бы на него смотреть, а здѣсь оно теряется во множествѣ, и только одинъ глазъ наблюдателя можетъ удивляться странному препровожденію времени этихъ оригинальныхъ людей. Они обыкновенно бываютъ среднихъ лѣтъ, средняго роста; фizioномія ихъ, почти вѣчно улыбающаяся безъ всякой причины; они не служатъ и не занимаются хозяйствомъ; чтожь они дѣлають? спросите вы; это вѣрно литераторы? Вы ошиблись! они никогда ничего не читали и не читають. Это игроки? Они въ руки не брали картъ. Но въ чемъ же они проводятъ время? Они *провожжаютъ*! Вотъ достаточное опредѣленіе ихъ занятій, въ теченіи цѣлой жизни. Вы можете, всегда навѣрное, встрѣтить ихъ на Тверскомъ бульварѣ и въ Кремлевскомъ саду, зимою ли, въ суровую ли осень, въ полдень или глубокую полночь, все равно, вы ихъ тамъ найдете, смиренно поживающихъ на лавочкахъ или, слоняющихся изъ одного конца аллеи въ другой. Въ то время, когда одинъ изъ этихъ господъ, сидитъ на лавочкѣ,

пройдетъ мимо пригоженькая дама, а иногда, просто какая нибудь горничная дѣвушка, въ нанковомъ капотѣ и съ большимъ узломъ, волокита встаетъ съ мѣста и въ почтительномъ отдаленіи, слѣдитъ незнакомку; она съ бульвара,—онъ за ней, она на Тверскую, на Покровку,—онъ за ней и такимъ образомъ, иногда очутится гдѣ нибудь въ Лафертовѣ. Тутъ дѣвушка входитъ въ калитку маленькаго домика,—барыня иногда подходитъ къ порядочному дому; волокита наблюдаетъ съ восхищеніемъ, какъ звезда, путеводительница его, скрывается въ свои чертоги. Онъ смотритъ, какъ дама, въ хорошенькомъ башмачкѣ, ловко припрыгнула на крылечко и ускользнула отъ него, подобно бабочкѣ, или какъ горничная дѣвушка, безпечно захлопнула за собою калитку; волокита улыбается въ самодовольствіи. Какъ хороша! говоритъ онъ, самъ себѣ въ полголоса и возвращается на прежнее мѣсто, какъ будто, сдѣлавъ дѣло. Если же какая нибудь шалунья, во время его преслѣдованія, раза два оглянулась, сдѣлала глазки, улыбнулась, волокита счастливъ въ душѣ! Вы люди темные, не поймете этаго счастья, не постигнете того восторга, съ какимъ онъ будетъ рассказывать свое путешествіе пріятелю,—въ свою очередь-ожидающему кого нибудь проводить изъ

Кремлевскаго сада на Козиху, или подъ Донскую. Ему все равно; даль не ужасаетъ крѣпкихъ ногъ его, давно привыкшихъ машинально слѣдить за ножками, въ хорошенькихъ ботинкахъ и за страшными ногами, въ грязныхъ шерстяныхъ чулкахъ. Никакія бури и непогоды не могутъ помѣшать этимъ, улыбающимся людямъ, быть на обыкновенномъ мѣстѣ ихъ прогулки, отъ котораго ихъ могутъ отвлечь, разве только *провожапіе и смерть*.

ОМНИНЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Это ярмарка-гулянье, забавное изобрѣтеніе Русскихъ купцовъ, которымъ заблагоразсудилось условиться въ день Св. Оомы, немножечко понадуť Московскихъ жителей, сбывъ за порядочную цѣну гнилые и вышедшіе изъ моды товары. Не смотря на то, что всякій понимаетъ эту, совсемъ не глупую выдумку промышленности, слова: *дешевые товары*, заставляютъ толпу народа, всякаго званія, отправляться, съ ранняго утра, въ Ряды. Вы удивитесь, съ какимъ восхищеніемъ спѣшить, на покупку дешевыхъ товаровъ, Московская модная красавица, въ своей блестящей каретѣ и попадаѣ въ огромномъ чепцѣ, чопорная купчиха, скромная портниха и горничная дѣвушка, жена приказнаго и кухарка, пожилой помѣщикъ, съ своею семьею и молодой франтъ, безъ семейства. Взглянувъ на эту толпу, вы подумаете, что прекрасные товары отдаются даромъ, и какъ же обманетесь, когда увидите, что въ это время, про-

даются дюжинами гнилыя перчатки, вышедшія изъ употребленія матеріи и ситцы, разрозненныя бра-слеты и остатки или кусочки лентъ. Правда, что съ васъ берутъ не дорого; но берутъ деньги за то, что безъ Омина понедельника, пришлось бы бросить въ подвалы и предать на съеденіе крысамъ. Почти всякій говорю, постигаетъ эту хитрую продѣлку, но какъ добрые Москвичи лю-бять веселиться не на шутку, то они рады случаю соединиться вмѣстѣ, потолкаться и посмѣяться. Тутъ вы увидите барынь, почти дерущихся между собою за полтора аршина лентъ; какъ забавна купчиха, уцѣпившаяся за вышедшій изъ моды красный платокъ, платя за него въ три дорога съ щедростію, свойственною однимъ мотамъ; но всѣхъ забавнѣе — безденежный Франтъ, алчущій цѣнностію красоты своей, сторговаться съ хоро-шенькой швеей, на живой товаръ — сердце. Для людей нечистыхъ на руку, эта давка въ Гости-номъ ряду — настоящій съюнокъ: бываетъ, что иной, торгуя лоскутъ канифаса, нещадно тащить порядочный кусокъ матеріи подъ шинель, и раз-вѣшиваетъ его тамъ, на нарочно пришитыхъ, ост-рыхъ крючкахъ; чиновница-афферистка, будто въ разсѣяніи, вмѣстѣ съ носовымъ платкомъ, суеть въ свой огромный ридикюль круглую, деревяшку

съ моткомъ лентъ, а между тѣмъ, какой нибудь шалунъ, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, спешаетъ, на живую нитку, ветхій капотъ старой кухарки, съ богатымъ бурнусомъ Московской красавицы, а другой, шатаясь безъ всякой цѣли, не торгуя и не покупая ничего, ограничивается однимъ пріятнымъ удовольствіемъ, только щупать дешевые товары. Тутъ вы услышите крики, визги, споры, объясненія въ любви, проклятіе ада и даже отчаянное—*караулъ*. Но все это живо, пестро, разнообразно; это веселый муравейникъ людей, въ которомъ—если бы не было страшной суматохи, не было бы никакого очарованія. Въ Оминъ Понедѣльникъ, усталые купцы уже не кричатъ и не зовутъ къ себѣ покупателей, стоятъ, выпуча глаза и мѣряютъ аршинами, почти машинально; часто даютъ сдачу тому, кто не платилъ денегъ и отказываютъ въ сдачѣ тѣмъ, кому она глѣдуется; крики усиливаются, но странная торговля кипитъ, и вотъ наступаетъ вечеръ, толпа расходится по домамъ, остаются одни изнеможенные купцы, которые, торопливо, запираютъ свои лавки, дѣлаютъ привѣтливые, другъ-другу, поклоны, какъ бы, мѣняясь поздравленіями съ выручками, потомъ, помолясь на Спасскія ворота, расходятся во свояси.

ПРАЗДНЫЕ, ИГРОКИ.

Какая сѣсь одежда въ лицѣ,
Плечень, нартѣй, состояній!

ПУШКИНЪ

Москва—городъ, гдѣ живутъ доблестные сановники, трудящіеся для общаго блага Россіи, литераторы и ученые,—разливающіе свѣтъ просвѣщенія, во всѣ концы огромнаго Государства, фабриканты и капиталисты,—имѣющіе вліяніе на ходъ торговли и промышленности, даже въ Россіи; этотъ городъ, служить также убѣжищемъ множества людей праздныхъ и лѣнивыхъ, сдѣлавшихъ продолжительный кейфъ изъ своей жизни, измѣряющейся одними обѣдами и ужинами. Они наполняютъ собою Московскія гулянья, театры и балы, слоняются, часто безъ всякой цѣли, изъ конца въ конецъ

огромнаго города, франтить и волочатся; это ть самые люди, которыхъ вы, только что выйдете изъ дома, непременно встрѣтите на улицъ; каждый день ихъ жизни, столько же однообразенъ своею праздностію, сколько однообразенъ стукъ маятника на стѣнныхъ часахъ или почеркъ приказнаго, переписывающаго дѣловыя бумаги. Между ними, есть бѣдные и богатые, умные и простаки, образованные и невѣжды; они равно преданы лъни — ихъ главной цѣли въ жизни, и смотря по средствамъ, каждый изъ нихъ, распределяетъ свои наслажденія. Они обыкновенно пробуждаются, отъ своего пріятнаго сна, въ полдень, а иногда покоятся даже и до двухъ часовъ, на мягкой постель; потомъ встають, препорядочное время занимаются очищеніемъ ноготковъ, завиваніемъ волосъ, фабрятъ усы, подстригаютъ бороду, свистутъ и вообще, заботятся прилежно о наружномъ устройствѣ и приведеніи въ порядокъ своей головки; наконецъ, одѣвшись, садятся въ экипажи и ѣдутъ. Куда? этого часто они сами не знаютъ; такіе люди, обыкновенно садятся въ фаятонъ, и подумавши нѣсколько минутъ, говорятъ кучеру: пошолъ изъ воротъ на право, потомъ на лѣво, пошолъ прямо, перегони вонъ эту карету, стой, стой! . . . Тутъ господинъ выскаки-

васть изъ фаятона, чтобъ поговорить нѣсколько минутъ съ своею знакомою, идущею по тротуару, въ хорошенькой шляпкѣ, надътой на затылкѣ и въ кисейномъ платьѣ, подъ которымъ, жестоко-накрахмаленная юбка, производитъ шумъ по улицѣ; сказавши съ этою знакомою нѣсколько словъ, господинъ опять прыгаетъ въ фаятонъ и приказываетъ ѣхать въ ножёвую линію, гдѣ шатается безъ цѣли, или несётся на Кузнецкій мостъ; при деньгахъ, покупаетъ тамъ разныя ненужныя бездѣлки, а при безденежьи, толчется около магазиновъ и смотритъ, на выставленные въ окнахъ, картинки. Но вотъ скоро 4 часа; онъ опять садится въ экипажъ и приказываетъ везти себя объѣдать къ Будье, Шевалье или въ одинъ изъ Клубовъ, гдѣ послѣ объѣда, если играетъ, забавляется въ картишки, а если не играетъ, то опять ѣдетъ кататься по городу: попадаетъ на Тверской бульваръ, въ Кремлевскій садъ, заѣзжаетъ въ кондитерскія лавки, отправляется къ знакомой пѣвицѣ или танцовщицѣ, которая часто бываетъ ему кума и которую онъ иногда называетъ своею кумою, тогда какъ она ему совсѣмъ и не кума; то мчится онъ стрѣлою въ своемъ фаятонѣ по Басманной, то вдругъ очутится у Крымскаго брода, а въ 8-мъ часу, является въ театръ. Онъ не смотритъ на пи-

есу, а обыкновенно или надоедает своимъ разговоромъ сосѣду, или осматриваетъ въ большую зрительную трубку, съ вниманіемъ астронома, наблюдающаго теченіе планетъ небесныхъ, всѣ ярусы ложъ, выказывая въ это время публикѣ, свои чистыя перчатки. Желая иногда показать, что имѣетъ во всемъ счастливые успѣхи, онъ притворяется, что покровительствуетъ какой нибудь актрисѣ, которая даже иногда его и не знаетъ, и обходя рядъ креселъ, спрашиваетъ своихъ знакомыхъ ей похлопать, говоря: пожалуйста-же, поддержите мою-то кумушку! Ужъ полно кума ли она вамъ, отвѣчаютъ ему часто съ двусмысленною улыбкою, а мнимый кумъ, охорашивается съ довольнымъ видомъ, улыбается и увѣряетъ, желая поселить сомнѣніе: право кума, ей Богу кума! Во время дивертиссемена, и вообще передъ окончаніемъ спектакля, праздный прежде всѣхъ, встаетъ съ своего мѣста и выходитъ изъ театра, показывая будто куда-то спѣшить, а оставляя театръ, ѣдетъ на балъ, на который всегда старается опоздать, или отправляется опять въ Клубъ, гдѣ обильно ужиная съ знакомыми, обыкновенно что нибудь имъ лжетъ и хвастается. Возвратясь домой, уже послѣ полуночи, онъ ложится въ постель, беретъ сигару, какую нибудь Французскую книгу,

и прочтя нѣсколько строкъ, засыпаетъ. Такая жизнь, ведется ежедневно празднымъ — при деньгахъ; при неимѣнномъ же безденежьи и въ особенности, при вопіющихъ долгахъ, (*dettes criantes*), онъ обыкновенно цѣлый день сидитъ дома и произносить: *гелакъ, трубку!* Но какъ почти всегда, бѣдный старается жить на счетъ богатаго, то и составилъ особенный родъ спекуляторовъ: *игроки*.

Въ Москвѣ, отдѣленіе праздныхъ людей, играющихъ въ карты, двухъ родовъ: играющіе для *удовольствія*, и играющіе для *продовольствія*. Людямъ, играющимъ для удовольствія, игра служить часто ближайшимъ средствомъ, расточить и потерять деньги; людямъ, играющимъ для продовольствія, игра составляетъ благотворную цѣль: сдѣлать себѣ деньги. Вотъ дипломатическое правило, на которомъ основаны всѣ расчеты, игрока-спекулятора.

Игрокъ-спекуляторъ, всегда отлично одѣтъ по послѣдней модѣ, рука его украшена дорогими кольцами, онъ держитъ помѣсячно ямской экипажъ, квартира его прекрасно меблирована, онъ хлѣбосоль у себя дома, въ особенности, если ему надобно передъ кѣмъ нибудь блеснуть; его вы увидите щеголемъ на гуляньи, благороднымъ на-

блюдателемъ въ театрѣ и на балѣ, онъ услужливъ, ласковъ и привѣтливъ со всеми; съ нимъ также въ глаза всѣ ласковы, а что говорить о немъ заочно, ему до того нѣтъ никакого дѣла; онъ помнитъ пословицу, что брань на вѣху не виситъ, и если, иногда при немъ, говорятъ не совсѣмъ для него пріятно, игрокъ-спекуляторъ, никогда на это не сердится; онъ ничего не принимаетъ на свой счетъ и рѣдко за дерзость, требуетъ удовлетворенія. Сердиться на людей, онъ считаетъ глупостью, а страсть къ мести, — откидываетъ, какъ самую невыгодную, предпочитая ей страсть къ приобретению — страсть милую и пріятную, доставляющую ему всѣ удобства частной и общественной жизни, и такъ благотельно потѣшающую льнѣ, главную виновницу того блистательнаго поприща, на которомъ онъ находится.

Не думайте однакожь, чтобы игрокъ-спекуляторъ, готовый разорить отца семейства, отнять хладнокровно послѣднее состояніе, даже выиграть шиллингъ у своего знакомаго, иногда пріятеля, былъ человѣкъ совершенно безсовѣстный; вы ошибетесь: это сынъ случая! когда вы противъ него играете, онъ готовъ взять у васъ все на свѣтъ, но игра кончилась, и часто игрокъ-спекуляторъ — самый

пріятный, самый безкорыстный человекъ въ мірѣ. Онъ исправно платитъ своему извозчику и за квартиру; его также въ свою очередь, обманываютъ портной и сапожникъ, которые, работая на него, не рѣдко въ долгъ, берутъ страшныя деньги; рестораторъ представляетъ ему свои огромныя, часто сомнительныя счеты, при деньгахъ, всегда честно расплачиваемыя игрокомъ; онъ скорѣе другаго поможетъ бѣдному, часто его самого разоряетъ актриса. Игрокъ-спекуляторъ, смотритъ на игру, какъ на отрасль торговли; чѣмъ больше процентовъ приносить торговля, чѣмъ сильнѣе рискъ въ игрѣ, тѣмъ онъ, по его мнѣнію, достоинъ болѣе уваженія. Неудачи въ игрѣ, онъ относитъ къ случаю, точно такне, какъ эта неудача, можетъ случиться, въ самомъ обдуманномъ предпріятіи; онъ утѣшаетъ васъ слѣдующимъ поученіемъ: вы нагрузите товаромъ корабли, отправите ихъ въ Индію и будете ожидать значительныхъ выгодъ отъ своей торговли; но буря разобьетъ корабли ваши, вашъ товаръ погибнетъ и вы разорены; — вы ставите большой кушъ на фигуру, когда играете въ палки, если фигура придетъ къ вамъ, ваше предпріятіе было счастливое, если же она выиграетъ противнику, то представьте, что корабли съ вашимъ товаромъ, не дошли до Индіи

и погибли отъ бури. Считаю добросовѣстнымъ дѣломъ, посредствомъ игры, которая должна бы служить только забавою, жить на счетъ ближняго, — отдающаго иногда послѣднее, игрокъ оправдывается чудною своею философіею, разсуждая: что содержатель гостиницы, не знаетъ и не хочетъ знать на какія деньги, роскошно объѣдаетъ у него мотъ, платя быть можетъ, послѣднюю коньку; что никакой торговецъ, не обязанъ справляться, не разорительны ли для его покупателя, дѣлаемые у него покупки; что человекъ, которому суждено здѣсь разориться, если не проиграетъ, то пропьетъ или промотаетъ, какимъ нибудь другимъ образомъ; сверхъ того, играющій имѣетъ одно съ нимъ намѣреніе — выиграть, слѣдовательно: игрокъ нисколько не виноватъ, что иногда случай, болѣе благоприятствуетъ ему, чѣмъ его противнику.

Иногда игрокъ, въ самое короткое время, пріобрѣтаетъ значительный капиталъ; тогда онъ рѣзко перемѣняется, и тотъ, кто зналъ его въ черномъ тѣлѣ, не узнаетъ въ богатствѣ. Ему приходитъ мысль быть аристократомъ и эффектировать въ обществѣ; онъ ѣздитъ въ щегольской каретѣ, дѣлается меценатомъ Московскихъ теат-

ральныхъ артистовъ и артистокъ, сорить деньгами, давать балы и обѣды, говорить о своей поездкѣ за границу, толкуеть о музыкѣ, немня о ней никакого понятія; онъ дѣлается извѣстнымъ лицомъ въ городѣ, даже всѣ знаютъ его любовницу, которая показывается и въ абонированной ложѣ въ театрѣ, и щеголяетъ экипажемъ на гуляньи. Въ нынѣшній вѣкъ, на поклонъ никто не отворачивается, но выжливость платится выжливостію; при дерзости, необходимой игроку-спекулятору, онъ скоро знакомится или, такъ сказать, пріобрѣтаетъ возможность, раскланиваться въ обществѣ съ извѣстными вельможами; онъ даже иногда вмешивается въ ихъ разговоры; разумѣется, ему отвѣчаютъ изъ учтивости, а онъ-то думаетъ, что уже включенъ въ общество людей высшаго круга; тоже самое, думаютъ о немъ, въ это время, игроки-промышленники нисшаго разряда, которымъ еще не улыбнулся случай, и на которыхъ счастливецъ, смотреть съ важнымъ видомъ покровителя, выжидая отъ нихъ поклоновъ.—Когда счастье благопріятствуетъ игроку-спекулятору, и когда всѣ знаютъ, что у него *тепла нога*, то въ кругу играющихъ никто не справляется, какого онъ племени и рода; но не всегда игрокъ-спекуляторъ, удачно кончаетъ свое поприще! Часто какая нибудь

исторія, весьма возможная въ его быть, уничто-
 жая остатки репутаціи, разоблачаетъ его совер-
 шенно передъ обществомъ, а иногда, онъ уни-
 чтожается быстро, рукою неумолимаго случая,
 и при ударъ судьбы, въ нѣсколько несчастныхъ
 минутъ, всѣ плоды трудовъ своихъ, отдаетъ про-
 тивнику. Тутъ постигаетъ онъ всю ничтожность
 своего положенія: банкротство игрока, дѣлается
 извѣстнымъ, съ быстротою молніи, въ городъ; аф-
 феристъ не вѣрить ему болѣе денегъ ни за какіе
 проценты, отвергая его *дубликаты*; ему, въ одно
 время, измѣняетъ любовница и отказывается во-
 зить извозчикъ; портной не шьетъ въ долгъ платья,
 рестораторъ не даетъ обѣда, хозяинъ гонитъ съ
 квартиры; его друзья и пріятели, отварачиваются
 отъ него, боясь, что станетъ просить въ займы
 денегъ; отъ долговъ, ему нельзя показаться въ
 Клубъ, — его единственномъ и любимомъ убѣ-
 жищѣ, гдѣ онъ въ былое, счастливое время, такъ
 вкусно ѣлъ, такъ сладко пилъ и порой подѣ
 штрафъ, такъ счастливо игралъ противъ пріятеля,
 отпуская различныя штуки изъ *Лодоиски*. * Однимъ
 словомъ: онъ покатылся!...

Не имѣя никакихъ познаній для службы, онъ

* На языкѣ многихъ играющихъ, это значитъ: остришь, а
 иногда — зажимить и солгать.

не можетъ уже прибѣгнуть къ ней, какъ ближайшему, благородному средству для своего существованія; привычка тратить деньги, достававшіяся такъ легко, нечувствительно приучила его къ роскоши, а теперь—когда онъ принужденъ въ трескучіе морозы, сидѣть въ нетопленной комнатѣ, отказывая себѣ даже въ жуковскомъ табакѣ, жизнь, дѣлается для него, источникомъ всѣхъ мученій; кредиторы, не даютъ ему покоя ни днемъ ни ночью, а нужды его, возрастаютъ непрерывно; еще нѣсколько мѣсяцовъ перебивается онъ какъ рыба объ ледѣ, наконецъ исчезаетъ безъ вѣсти изъ города или постепенно превращается, въ скитающагося по улицамъ и трактирамъ бродягу; иногда же, преслѣдуемый рукою неумолимыхъ кредиторовъ, во временной тюрьмѣ, кончаетъ онъ временное пребываніе въ этомъ мірѣ.

КЛУБЫ.

Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердца —
пушечка.

Вникая въ различныя отрасли гражданскаго быта Москвы, нельзя не согласиться, что устройство Клубовъ, доставляетъ въ ней, кромѣ пріятнаго препровожденія времени, удивительныя удобства жизни. Если вы одинокій человѣкъ, то круглую недѣлю, за самую дешевую плату, вы имѣете отличный обѣдъ въ одномъ изъ Клубовъ, а вечеромъ, всегда найдете убѣжище, гдѣ можете начитать сколько вамъ угодно, 'потолковать' съ пріятелемъ и дѣловымъ человѣкомъ, послушаться новостей и наконецъ, если хотите, испытать свою судьбу въ преферансъ или палкахъ. Здѣсь вы—у себя дома, никому не кланяетесь, ни кѣмъ не тяготитесь ;

сюда вы можете убъжать отъ безнадежной любви и капризной жены, здѣсь вы можете отдохнуть отъ заботы Государственной службы и докучливыхъ гостей, которыхъ вамъ надобно забавлять и угощать, притомъ еще часто, скрывая свою зѣвоту. Эти Клубы, право, истинно—человѣколюбивыя заведенія! Тутъ вы можете не только зѣвать, но даже спать, если это вамъ угодно, ни кто вамъ слова не скажетъ; вы можете даже спать и тогда, когда играете въ карты.

Въ Москвѣ, въ настоящее время, устроено четыре Клуба: Англійскій, Дворянскій, Купеческій и Нѣмецкій. Въ каждомъ изъ нихъ, два раза въ недѣлю, бываютъ обѣды; за обѣдъ въ Англійскомъ Клубѣ платятъ 5 р., въ Дворянскомъ и Купеческомъ 3 р. 50 к., въ Нѣмецкомъ 1 р. 75 к. ассигнаціями. Въ Нѣмецкомъ, въ лѣтнее время, обѣды бываютъ на дачѣ, только по Воскресеньямъ. Въ Дворянскомъ и Купеческомъ Клубѣ, обѣды часто сопровождаются музыкою, и въ саду, устроенномъ при послѣднемъ,—бываютъ, въ обѣденные дни, гулянья съ иллюминаціею, а въ залахъ, танцевальныя вечера, посѣщаемыя дамами средняго состоянія. Каждый изъ Клубовъ, имѣетъ своихъ членовъ, съ правомъ вводить гостей; но есть люди,

записанные членами во всѣхъ Клубахъ; ихъ обыкновенно называютъ *членами разныхъ веселыхъ обществъ*. Англійскій Клубъ, — соединеніе людей, высшаго Московскаго круга; Дворянскій и Купеческій, гдѣ допускаются разночинцы, составляютъ соединеніе лицъ круга средняго, а также, главное мѣстопробываніе людей, очень любящихъ по играть въ карточки и, такъ сказать, знающихъ въ нихъ вкусъ. Въ Нѣмецкомъ Клубѣ, собираются большею частію Нѣмцы и вообще иностранцы всѣхъ націй и званій, а преимущественно ремесленники. Господствующая игра—въ карты, во всѣхъ Клубахъ: преферансъ и палки, бываютъ иногда *преферансики* и *палочки*. Если вы не будете играть ни въ преферансики, ни въ палочки, то будете счастливые и спокойные; васъ не станетъ подѣ-часъ, упрекать со слезами супруга, васъ также не будетъ тревожить ваша собственная совесть, вы рѣже будете страдать бессонницею, думая о уплатѣ въ семидневный срокъ, неумолимаго клубнаго долга и отвозить туда свои денюжки, отказывая часто въ необходимомъ семейству. Въ Клубахъ, кромѣ игры въ карты, искатель счастья на землѣ, желающій непременно за деньги, провести пріятно время, можетъ еще заняться, въ весьма *умную* игру, лото. Она теперь учреждена во всѣхъ

Клубахъ, но нигдѣ не имѣетъ такой особенности, какъ въ Нѣмецкомъ, считающемся ея колыбелью. Я давно слышалъ о ней, отъ многихъ наблюдателей нравовъ, и рѣшился посѣтить Нѣмецкій Клубъ, въ одинъ изъ обѣденныхъ дней, когда игра въ лото, бываетъ тамъ въ полномъ разгарѣ. Не смотря на то, что при прозношеніи номеровъ, играющіе обязаны употреблять Русскій языкъ, если вы непринарываетесь къ обычаю Нѣмецкаго Клуба, то увѣрю васъ, не только не будете въ состояніи прокричать громкимъ голосомъ: *довольно!* но не заставите ни одного числа на своей картѣ. Я вошелъ въ комнату, гдѣ играли въ лото; она была такъ накурена табакомъ, что въ облакахъ его, при слабомъ освѣщеніи сальныхъ свѣчей, я съ трудомъ разсмотрѣлъ, поникшія носами къ столу, человѣческіе фигуры—сидѣвшія за лото и внимательно устремившія свои взоры, на лежавшія передъ ними карты; тутъ были Нѣмцы, Французы и Русскіе, Татары въ ермолкахъ, Турки и Армяне, въ ихъ національныхъ костюмахъ. Игра была по двутривенному ставка;—толстый Нѣмецъ съ краснымъ носомъ, вынималъ номера изъ замаслянаго мышечка; когда онъ т. е. Нѣмецъ, кричалъ во все горло: *утки!* то имѣвшіе на картахъ 22, отмѣчали это число; *туда и сюда* означало 69, *бобыль*—

единицу, *барабанныя палочки*—11, *крючки* 77, *шесть къверху ногали*—9, *недпал*—7, и такъ далье. Наконецъ тотъ же самый красноносый Немецъ, посмотрѣлъ съ довольнымъ видомъ, на вынутый номеръ, немного пріостановился и вдругъ закричалъ во всю мочь: *дюжина и аусъ!* Съ этими словами, онъ, съ самонадьянностію, бросилъ карты соседу для повѣрки, и началъ утирать потъ съ вышеупомянутаго своего носа, тогда какъ прочіе товарищи, завидуя его необъятному счастью, роптали на разныхъ Восточныхъ и Западныхъ языкахъ.

Каждый Клубъ въ Москвѣ, управляется своими старшинами, избираемыми изъ среды членовъ, посредствомъ балатированія. Они наблюдаютъ за хозяйственною частію Клубовъ и за сохраненіемъ членами, постановленныхъ въ обществѣ, законовъ; ни одно нарушеніе закона, такъ строго не преслѣдуется, какъ нарушеніе постановленій о карточныхъ долгахъ. Иногда долгъ, сдѣланный въ Клубъ, заставляетъ задолжавшаго, прибѣгать къ самымъ крайнимъ мѣрамъ; въ это-то время, спекуляторы и афферисты за ссуду деньгами, нерѣдко получаютъ рубль на рубль, себя прибыли и порядочно грѣютъ руки на чужой бѣдѣ.

Человѣкъ, играющій въ большую игру, котораго порядочно *разыграли*, а говоря ясное игрецкимъ языкомъ: который *сильно простудился*, часто предполагаетъ въ себѣ несостоятельность къ платенію, или какъ выражаются игроки: желаніе *запалить чернилка*; онъ тотчасъ дѣлается извѣстенъ, между играющими и удивительно какъ бываетъ смѣшонъ, когда, пріѣхавъ въ Клубъ и, не находя въ немъ никакого другаго развлечения кромѣ игры, часто бываетъ въ затрудненіи, составить себѣ партію. Если онъ дѣлаетъ кому нибудь приглашеніе, того тотчасъ отводятъ въ сторону и говорятъ въ короткихъ словахъ: *не играйте, чернилъ!* Послѣ такого дружескаго предувѣдомленія, разумѣется слѣдуетъ отвѣтъ: извините, далъ слово другому. Кандидатъ въ банкроты не теряется, прохаживается важно, поглаживаетъ усы или крутитъ виски, давая между тѣмъ высмотрѣть другимъ, свое сѣмнительно-бриліантовое колечко; попиваетъ себѣ аріи изъ Роберта, Велизарія, желая показать, что онъ въ самомъ пріятномъ и спокойномъ расположеніи духа; смотритъ часто на часы, совсѣмъ не для того, чтобъ знать время, но чтобъ другіе видѣли, что у него золотыя часы, подумали, что онъ куда нибудь спѣшитъ и предложили игру. Когда эти мѣры недостаточны,

тогда нужно бывает прибѣгать къ усиленной хитрости: вынимается огромный бумажникъ, начиненный газетною бумагою и улаченными засыпными письмами, завернутыми въ нѣсколькихъ двадцати-пяти рублевыхъ ассигнаціяхъ; иногда тутъ-же торчатъ ломбардные билеты на самыя маленькія суммы, но билеты очень хороши для эффекта и онъ ихъ перебираетъ, дѣлая видъ будто чего-то ищетъ. Продѣлка часто удается, и къ человеку, въ которомъ сомнѣвались, подходятъ и говорятъ: *пожалуй, пойдите по маленькой!*—Дальше разговоръ не продолжается, подають карты и тогда вы только слышите: дама иль съ пресомъ иль 1000 марокъ, всѣ короли безъ преса по 2000, валець трефъ экстра 10,000 марокъ, моя послѣдняя, чья была экстра? Моя.... Нѣтъ моя. Увѣрю же васъ моя! помните ли, какъ она ко мнѣ пришла, я въ то время ее поцѣловалъ да еще крикнулъ сказавше: *ахъ хороша, годится ребятишкамъ на молокосику!* Ничего я не примню, вы не крикайте, а отмѣчайте марками. — Очень хорошо-съ; что у васъ низъ? За столъ, экстра нейдетъ.... Когда такъ, то *считаетесь*, что часто значить я *кончилъ*,—слово которое иногда, игравшаго иудачно, какъ морозъ подираетъ по кожѣ. Оно бываетъ особенно унасино, когда у играющаго, денегъ гораздо ме-

нзе, сколько потребно для расплаты. Тутъ *под-
ласка*, иногда бываетъ такъ велика, что проигры-
вающий, идетъ на все возможные предложенія, дѣ-
лается необыкновенно выжливъ, уступчивъ и, уже
не видя никакого отыгрыша, все играетъ для того
только, чтобъ хоть на нѣсколько минутъ отда-
лить это истинно проклятое: *а кончили*, нередко
ставящее его въ самое затруднительное положеніе.

Нынче люди, стали слишкомъ смыслены, и
потому челоѣку, о которомъ я вамъ теперь
разсказываю, иногда не удастся привлечь себя
партенѣра на свой бумажникъ. Въ такомъ случаѣ,
онъ сидитъ себѣ да курить трубочку, пьетъ со-
довой воду, а между тѣмъ высматриваетъ, нѣтъ-
ли какаго новаго лица, которому бы *дикія* обстоя-
тельства его были не такъ извѣстны; но наконецъ
онъ устаетъ, оставляетъ свое мѣсто и идетъ
приглашать игрока, по одной съ нимъ причинѣ,
не составившаго себѣ партіи; предложеніе при-
нято съ охотою, и часто оба садятся играть въ
тысячную игру, не имѣя въ карманѣ ни-гроша.
Клубный срокъ, сколько строго преслѣдуетъ каж-
даго по своемъ истеченіи, столько же безопасно
защищаетъ отъ всякихъ выговоровъ при сло-
въ *за мной-съ*, — употребляемомъ иногда вмѣсто

расплаты, иными съ такою жалкою, убитою милою, а иными съ удивительною барскою самонадеянностію, такъ что, хорошо сказанное *милонъ*, бываетъ почти похоже на наличныя деньги. Тутъ-то эти люди, даютъ полную волю своему воображенію и ставятъ спокойно такіе удивительныя пресы и экстры, что вы подумаете: они шутятъ. Въ это время, кандый изъ нихъ разсуждаетъ про себя: а чортъ возми, еще семь дней впереди! а люди-то-люди, по врожденной наклонности ко злу, завидя такую игорку, спѣшатъ сообщить знакомымъ и часто цѣлыми кучами, подходятъ къ исписанному мѣломъ столу, будто полюбопытствовать, а въ самомъ дѣлѣ — позабавиться на счетъ играющихъ, которые еслибы вдругъ оглянулись назадъ, то увидавъ за собою ироническія лица, конечно потеряли бы всякое соображеніе, при назначеніи своихъ пресовыхъ и экстренныхъ фигуръ. Эта игра прозывается: *celui qui gagne perd*, потому что по условію, часто выигрышь платить за карты.

Перейдемте теперь къ преферансамъ. Въ этой игрѣ я не имѣю никакого понятія, и потому наблюденія мои не могли быть вѣрны, да притомъ преферансъ — игра на суммы незначитель-

ныя, не можетъ быть слишкомъ занимательна. Вотъ все что я объ ней скажу; всякій разъ, когда вы подойдете къ столу, услышите одно и тоже: въ червахъ, въ пикахъ, пасъ, вистъ, я игралъ безъ талопа. По временамъ слѣдуетъ маленькій шумъ: за чѣмъ вы побили мою даму? отъ васъ я всегда недодѣлаю! Неправда-съ, у него былъ самъ-шостъ въ пикахъ! Словомъ, не понимая игры, какъ тутъ понять кто правъ, кто виноватъ, въ особенности, если подойдешь къ столу на пять минутъ? но есть такіе любители преферансиковъ, которые сидятъ, подлѣ играющихъ, по цѣлымъ вечерамъ, несходя съ мѣста, сидятъ себѣ да покуриваютъ трубочки, изъ любопытства за-сматриваютъ въ карты играющихъ и иногда, сколько у сосѣда на рукахъ козырей, столько и пускаютъ колечекъ табачнаго дыма! Они никогда не бываютъ въ Клубахъ, гдѣ отъ нихъ отворачиваются, но какъ люди свѣдущіе и находящіе удовольствіе смотреть, какъ другіе играютъ въ карты, вѣроятно знаютъ, кто изъ нихъ дѣлаетъ и ошибки.

Есть люди, ожидающіе поступленія въ члены Англійскаго Клуба, съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ другой ордена или чина. Бываютъ такіе, которые, поступя уже въ члены одного изъ

Клубовъ, считаютъ это дѣломъ такой важности, что при всякой встрѣчѣ, ищутъ удобнаго случая, вамъ о томъ напомнить; это *пустые люди*! Въ каждомъ Клубѣ, есть члены, составляющіе какъ бы необходимую его принадлежность; отсутствіе ихъ почти невозможно и несообразно даже съ понятіями другихъ членовъ, привыкшихъ видѣть ихъ, всегда на любимомъ мѣстѣ; мнѣ кажется что даже иногда они и не бываютъ тамъ, но уне дѣйствіе привычки, заставляетъ каждого предполагать, что они присутствуютъ. Есть также члены, отличающіеся отъ прочихъ, нѣкоторою оригинальностію своихъ привычекъ. Напримѣръ: иные, пріѣзжая въ Клубъ, рѣшительно ничего тамъ не дѣлаютъ, а только спать, и если ихъ разбудить пріятель, при наступленіи штрафа, то удаляются домой опять спать, и просыпаются тогда только, когда наступаетъ время ѣхать въ Клубъ; ихъ часто называютъ: *притыклими людьми*! Иные отличаются постояннымъ требованіемъ одного и того же кушанья, напримѣръ: простокваши, или всегдашнимъ употребленіемъ одного и того же питья. Говорятъ, когда-то давно, еще до Французовъ, была компанія, уничтожавшая въ одномъ изъ Клубовъ, съ удивительнымъ прилежаніемъ, *хересъ*. Кто-то имѣлъ любопытство, заглянуть въ счетную книгу,

одного изъ господъ компаніи; вотъ что тамъ было написано: 22 числа Іюля: *1 рюлика хереса, обѣдъ, 2 рюлки хереса, порція арбуза, 3 рюлки хереса, порція чаю, 4 рюлки хереса, 3 трубки, 1 рюмочка хереса, судакъ съ картофелемъ, 2 рюлки хереса, 3 рюлки хереса, 1 рюмка очищеннаго, 4 рюмочки хереса!...* Ты врешь, сказано было служителю, который записывалъ требованія членовъ; въ одинъ день выпить столько хересу невозможно, ты приписываешь! Помилуйте сударь, отвѣчалъ служитель, чтожъ мнѣ дѣлать, когда спрашиваютъ, иногда еще изволятъ выкушать и больше!...

Въ Клубахъ, бываютъ члены особеннаго рода; они обыкновенно не слишкомъ чиновные и не совсѣмъ маленькаго чина, лице у нихъ почти всегда сморщенное, но они не стары; они то читаютъ много, то не читаютъ ничего; играютъ въ карты и не играютъ иногда по нѣскольку мѣсяцовъ. Они почти всегда во фракъ, сшитомъ не по модѣ, но и не такъ, какъ носили прежде; ни съ кѣмъ не дружны и не имѣютъ враговъ, знакомы совсѣми и всѣ ихъ удивительно, какъ любить. Они не старшины, а что-то побольше членовъ; иногда говорятъ совершенный вздоръ, а всѣ ихъ слушаютъ, какъ будто рассказывается

ими, что нибудь дальное; даже старшины, при изданіи какого нибудь новаго закона, совѣтуются съ ними. Эти люди, обыкновенно при всякомъ недоразумѣніи, собираютъ около себя въ залахъ Клуба кучки, вертятся въ нихъ и проповѣдуютъ, точно маленькіе Цицероны; видя, что иногда, люди упрямые, не соглашаются съ ними, они тотчасъ закидываютъ ихъ словами: *индивидуальность, относительность, субъективность и объективность*; потомъ вставляютъ, незнающимъ Французскаго языка, нѣсколько Французскихъ словъ да Латинскую пословицу;—посмотришь, упрямые люди, составлявшіе непокорную кучку — покорились;—а почему? потому что сказаннаго не поняли, а признаться въ этомъ постыдились, боясь, чтобъ другіе не подумали, что они дураки.—Въ случаѣ какаго либо неудовольствія или ссоры между членами, маленькіе Цицероны тотчасъ являются миротворцами и всѣ такъ привыкли думать, что все ими сказанное справедливо, что часто старшины не въ силахъ уладить того, что уладятъ въ нѣсколько минутъ, эти удивительные люди; ихъ обыкновенно называютъ: *прекрасными*, а иногда *чудесными людьми*! Еще въ Клубахъ, бываютъ такіе члены, о которыхъ никто не знаетъ откуда они родомъ и чѣмъ занимаются; никто не

знаетъ ихъ фамиліи, но за то всякій величаетъ поимени, хотя фамилія у нихъ самая легкая, а имя иногда претрудное. Когда они входятъ въ Клубъ, то всѣ говорятъ имъ обыкновенно первые: а, здравствуйте такой-то; ихъ также всѣ любить, это *добрые люди*; они не играютъ въ карты и ни въ какія игры, ничего не читаютъ и мало говорятъ; они обыкновенно ѣздятъ въ Клубъ лакомиться. При какомъ нибудь важномъ спорѣ, имъ хоть трава не расти, ни до чего нѣтъ дѣла, и въ то время, когда задорные, безпокойные, собираютъ кучки и спорять, добрые люди кушаютъ арбузы или яблоки. Умны эти люди, дай Богъ ихъ больше не только въ Клубахъ, но и на быломъ свѣтъ!

ТЕАТРЪ.

Блнстаньехъ зорьальнмъ очей
И этой пошкою нескромной;
Ты рождена для нѣги тонкой,
Для упоенія страстей.

пушкинъ.

Въ Москвѣ три Императорскихъ Театра: большой и малый, находящіеся на Петровской площади и лѣтній, построенный въ Петровскомъ паркѣ. На большомъ — даютъ оперы, балеты и трагедіи; на маломъ — комедіи, водевили и небольшія оперы, на немъ также играютъ Французскіе актеры. На Театръ въ Петровскомъ паркѣ — въ лѣтнее время, представляютъ одни комедіи, водевили и иногда маленькія оперы. Вообще Театры въ Москвѣ, имѣютъ очень мало посѣтителей; причины непосѣщенія ихъ публикою, конечно не могутъ быть ни отъ кого сокрытыми; онѣ заклю-

чаются: во 1-хъ, иногда въ слишкомъ недостаточной игрѣ артистовъ, во 2-хъ, въ скудномъ выборѣ и плохой обстановкѣ пьесъ, давнымъ-давно уже наскучившихъ публикѣ; въ 3-хъ, въ неусвоившейся еще въ публикѣ потребности частаго посещенія Театра. Высшее общество, почти никогда его не посѣщаетъ, развѣ изрѣдка является оно во Французскомъ; среднее бываетъ неохотно, потому что всѣмъ хочется быть въ бель-этажъ, а тамъ довольно дорого, да и всѣмъ помѣститься въ бель-этажъ невозможно; купцы являютъ въ Театръ обыкновенно по праздникамъ, смотреть трагедіи: коварство и любовь, разбойники и Скопина Шуйскаго; приказные говорятъ, давайте намъ Щепкина, Живокини, Никифорова, которые такъ часто выводятъ на сцену ихъ собственные особы. Абонементъ и партеръ требуютъ новыхъ оперъ и балетовъ; они не хотятъ знать, откуда взять для нихъ и денегъ и талантовъ. Московскіе актеры всѣ вообще предобрые люди; многіе изъ нихъ большіе гастрономы, нѣкоторые превосходно играютъ на биліардѣ и въ преферансы. Всѣ они болѣе или менѣе убѣждены, что въ игрѣ ихъ на сценѣ, есть *теплота!*

Въ настоящее время, Московскій балетъ украшается несравненною Санковскою которая въ столь

короткое время, приобрѣла громкую, единодушно-отданную ей славу въ публикѣ. Одного ея имени на афишѣ достаточно, чтобъ Театръ былъ полонъ отъ партера до райка; но она родилась въ Москвѣ, воспитанница Русской театральной школы и очень мала ростомъ, вотъ причины, достаточныя для людей капризныхъ, чтобъ утверждать, что Санковская не отличный талантъ и что публика часто увлекается ею напрасно, тогда какъ публика самый безпристрастный судья; она не другъ по сватовству, кумовству или хлѣбосольству, и если увлекается артистомъ единодушно, этого довольно для его славы. Иные принимаютъ улыбку и милую непринужденность Санковской, столь правящейся публикѣ, за излишнюю увѣренность въ самой себѣ. Даже, еслибъ это и такъ было, то что же тутъ худого? я думаю, всякій талантъ, знающій себѣ цѣну, долженъ сохранять эту увѣренность, необходимую для точнаго выполненія своего искусства, и неужели лучше видѣть танцовщицу, которая дѣлая неуклюжимъ образомъ пируетъ, нисколько не πληняетъ вашего воображенія, а представляетъ изъ себѣ одну несчастную, вертящуюся куклу, примитивно боясь, растянуться передъ вами на спинь, и кончая свои *па*, вмѣсто улыбки, строить какія-то непри-

ятыми гримасы? Множество людей, видѣвшихъ Таліюна въ Парижъ и Петербургъ, отдавая ей, по моему преимуществу говорить, что послѣ нее, можно всегда, съ удовольствіемъ, смотреть на Санковскую и восхищаться ея талантомъ. Словомъ, если вы пріязнѣй челоѣкъ и охотникъ до Театра, ходите всегда смотреть Московскій балетъ, я увѣренъ вы останетесь довольны; совѣтую также бывать въ Театрѣ, когда играютъ немногія оперы, напр. Оскольдова могила, Велизарій, Цампа; тутъ вы увидите и Театръ наполненный посѣтителями, и игру нѣкоторыхъ артистовъ, которая доставить вамъ удовольствіе, Эти строки, почти заставляютъ меня отказаться отъ мысли, что одна изъ причинъ рѣдкаго посѣщенія Театра Москвичами,—еще неусвоившаяся потребность его для публики. Отъ чего же, когда идутъ балеты: Дѣва Дуная, Сильфида, Разбойникъ или оперы, о которыхъ я упоминалъ, Театръ всегда, снизу до райка, бываетъ наполненъ посѣтителями? Піесы играютъ уже давно, и вѣрно всякій Москвичъ, видѣлъ ихъ нѣсколько разъ. — Это отъ того, что онѣ поставлены отчетливо, а игра артистовъ доставляетъ удовольствіе публикѣ; многіе просвѣщенные люди уже замѣчали, что если бы репертуаръ Театра, состоялъ изъ піесъ гораздо

меньше числомъ, но поставленныхъ съ большимъ тщаніемъ, еслибы не давались на Московскомъ Театрѣ безпрестанно: Дезертеръ, Филатка и Миروشка, то Скопинъ Шуйскій, то Иголкинъ купецъ Новгородскій, котораго даже не смотрять пріѣзжіе Новгородскіе купцы, тогда бы публика постепенно привыкла къ Театру и онъ бы сталъ ея любимымъ удовольствіемъ, какъ это сдѣлалось въ другихъ просвѣщенныхъ городахъ. *

Но несмотря на скудный выборъ мѣсѣ, часто дурную ихъ обстановку, несмотря на недостаточную игру артистовъ, въ Москвѣ есть люди которыхъ вы навѣрное можете канждодневно найти въ Театрѣ; ихъ обыкновенно видите въ первыхъ рядахъ кресель. Между ними есть старые и молодые, съ ленточками въ петлицѣ и безъ ленточекъ, въ чистыхъ перчаткахъ и замасляныхъ, иногда со всѣмъ безъ перчатокъ. Это театральные *клакёры* или театральные *горлы*, нынѣшніе меломаны, любители мимики, всегдашніе женихи, праздные, волокиты за актрисами, почти никогда

* Московскій Театръ оживаетъ, когда пріѣзжаютъ на время въ Москву извѣстнѣйшіе артисты Императорскаго С. Петербургскаго Театра; въ это время весь огромный театръ бываетъ наполненъ посѣпителеми и тупъ открывается ясно, что Москвичи идутъ въ него охотно, если артистич., стоятъ вниманія публики.

недостигающіе своихъ цѣлей, франты, ищущіе случая гдѣ нибудь показать свое новое платье. Быть каждый вечеръ въ Театръ, хоть на нѣсколько минутъ, сдѣлалось для нихъ необходимою потребностію души и тѣла; они командуютъ не только райкомъ, но и задними рядами креселъ; по ихъ мановенію дѣлаются рукоплесканія и вызовы артистамъ, по ихъ также мановенію плохая игра, часто сопровождается змѣинымъ шипѣніемъ; это *ареопаги* Московскаго Театра. Они произносятъ рѣшительные приговоры на таланты и оркестровку большихъ оперъ; ихъ уважаютъ, даже боятся многія актрисы и танцовщицы не съ большими дарованіями и во время своихъ бенефисовъ, всегда привозятъ къ нимъ на домъ билеты, съ атласными аффишами. Театральному ареопагу, Театръ приходится въ годъ не очень дешево, но что-же это значить для чловѣка, бросающаго деньги, не жалья ихъ на всякіе пустяки. Арсопаги театральные, вознаграждаются за то особеннымъ вниманіемъ капельдинеровъ, подающихъ имъ при входѣ огромныя зрительныя трубки, кресла ихъ всегда свободны, гордо идутъ они на свои мѣста, во время начатаго уже представленія, и нерѣдко въ виду всей публики, заставляють какого нибудь пѣхотнаго офицера очистить для себя

кресло, въ которое тотъ усьлся изъ задняго ряда, вопреки совѣту капельдинера; они сидятъ между людьми порядочными; артисты во время игры, имъ потихоньку кланяются, артистки посылаютъ также миленькія улыбочки; танцовщицы, сдѣлавши отчаянный пируэтъ и, присѣдая передъ зрителями, строятъ имъ особенные глазки; замѣчательная публика, иногда все это видитъ, самолюбіе ареопага удовлетворено, а чего не дадутъ люди, чтобъ удовлетворить своему самолюбію? следовательно, можно ли ареопагамъ жалеть своихъ расходовъ на Театры!

Когда играютъ въ большомъ Театрѣ, то во время антрактовъ въ коридорахъ верхнихъ ложъ, происходятъ шумныя и хохотливыя прогулки посьтителей и посьтительницъ, занимающихъ тѣ ложи. Часто дамы, если не сопровождаются кавалерами, встрѣчая знакомыхъ мужчинъ, (приходящихъ изъ креселъ, нарочно потолкаться въ этихъ коридорахъ) пристають къ нимъ, и просятъ поподчивать яблоками или виноградомъ. Тутъ бывають иногда, маленькія объясненія въ любви, вознаграждаемыя изъявленіемъ согласія, чтобъ проводили изъ Театра домой или угостили ужиномъ у *Печкина*.

ЦЕХОВЫЕ, МАГАЗИНЫ.

Если, кто обратитъ вниманіе, тотъ легко увидитъ, какъ непрерывно умножаются въ Москвѣ магазины; какъ самая ничтожная лавочка, быстро, съ каждымъ годомъ, приходитъ въ лучшій порядокъ; то явится красивая вывѣска, то свѣтлыя стекла, наконецъ самая внутренняя отдѣлка, начинается мало по малу принимать видъ роскоши. Въ лавочкѣ, гдѣ за пять лѣтъ предъ симъ, проглядывали въ окнахъ, для приманки покупателей четверки жуковского табаку, глиняныя трубки и сѣрыя спички, вы увидите теперь, пирамидами разставленные фарфоровыя баночки съ помадою, щегольскія склянки съ духами, богатыя палочки, узорныя помочи, фуляры, галстуки и прочія бездѣлки, которыя, своею чистотою и отдѣлкою

кидаются вамъ въ глаза, приказываютъ купить себя, безъ всякой надобности. Вотъ ясное доказательство, что народная дѣятельность города, съ каждымъ годомъ увеличивается, а съ нею видимо увеличиваются и потребности жизни. Съ умноженіемъ въ Москвѣ магазиновъ, они отиудъ не приходятъ въ упадокъ, напротивъ совершенствуются съ каждымъ годомъ, слѣдовательно, имѣютъ покупателей. Сожалѣя однакожъ, долженъ я признаться, что большая часть лучшихъ, процвѣтающихъ магазиновъ, такъ сказать, пріучившихъ къ себѣ покупателей, принадлежатъ иностранцамъ. Причинъ тому множество, изъ нихъ—главнѣйшія:

- 1-е, Весьма рѣдко найдете вы лавку иностранца, въ которой бы вамъ можно было торговаться; товары продаются по назначенной цѣнѣ, слѣдовательно вы обезпечены, что не передадите лишняго, противъ своего товарища, за одну и ту же вещь.
2. Самая наружность и внутренняя чистота лавки, образованное обхожденіе хозяина а въ особенности хозяюшки, приманиваютъ покупателя, въ чемъ преимущество должно отдать иностранцамъ.
3. Выборъ мѣста много значить. Напримѣръ: Нѣмецъ и Французъ спѣшатъ поселиться въ центрѣ города—на Тверской или Кузнецкомъ мосту, а Русскій охотно скребется на Покровку, за Москву рѣку, въ Лафетово,

гдѣ ближе вода, или живетъ его тѣща, но за то гдѣ жители не такъ роскошны и куда нескоро попадетъ человекъ легко бросающій деньги. Иностранецъ, предпринимая торговлю, отрекается отъ всѣхъ удобствъ жизни, если онъ мыслятъ его предпріятію и съ самоотверженіемъ, самонадьянностію опѣшить на свой промыслъ; онъ заложитъ душу, но блеснетъ съ перваго раза, бросится вамъ въ глаза, чего уже довольно для публики.

Благоудѣтельными распоряженіями знаменитаго Московскаго Градоначальника, устройство цеховъ постепенно приходитъ въ должный порядокъ, но говоря справедливо, нельзя не сказать, что лучшіе цеховые мастера, еще до сего времени — иностранцы. Есть старая Русская пословица: по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ; возьмемъ въ примѣръ портнаго: это важное существо въ отношеніи къ человеку, разсматриваемому въ частной его жизни. Портной можетъ изъ васъ сдѣлать *bon genre* и *manvais genre* по своему капризу; онъ можетъ сотворить изъ васъ счастливаго любовника, льва общества; онъ же злодѣй, можетъ сдѣлать, что вы будете шуткомъ у начальника, уродливы въ глазахъ друга; чрезъ него вы можете быть просто — чучеломъ, васъ разлюбятъ

любовница, отъ васъ откажется невеста, вамъ не дать проходу злая насмѣшница! Вы мнѣ не вѣрите? Право-же говорю я вамъ, одежда много значить для челоуѣка. Франтъ ли вы, левъ ли общества, докторъ или судья, женихъ или отецъ семейства, только повѣрьте себя внимательнѣе, не помните ли, какое дѣлало на васъ впечатлѣніе, новое платье, сшитое дурно, которое противъ желанія вашего, неудовлетворяло прихотямъ моды, было такъ узко, что гдѣ нибудь беспокоило, или такъ широко, что васъ можно было назвать мѣшкомъ? Я увѣренъ, что въ тотъ день вы были капризны, чѣмъ обыкновенно и менѣе довольны собою чѣмъ всегда. — Вотъ видите-ли, что значить портной, имѣющій даже вліяніе на счастіе вашей жизни, потому, что можетъ сравниться съ покоемъ души? И такъ этотъ-то классъ цеховыхъ, преимущественно отсталъ въ Москвѣ, между Русскими отъ иностранцевъ. Если вы въ Москвѣ, пріѣзжій челоуѣкъ и вамъ надобно сшить себѣ платье, то умоляю васъ именемъ челоуѣчества, не закажите его на Покровъ, за Москвой рѣкой, въ Лафертовъ, въ Грузинахъ; вы погибнете, падете, какъ ключъ ко дну; вамъ сошьютъ платье по модѣ, никогда не существовавшей, вы будете одѣты хуже, чѣмъ пріѣхавши изъ провинціи. Спѣшите на

Тверскую или Кузнецкій мостъ, адресуйтесь къ *Занфтлебену, Сатиасу, Рено, Отто, Миллеру, Тепферу, Люке*, если вы военный, то къ Русскимъ: *Плещееву и Розомову*; они люди сострадательные и со вкусомъ, при томъ вамъ сдѣлаютъ платье къ сроку, возьмутъ быть можетъ немного и дороже, но помните пословицу: дорого да мило! Знаете ли, что очень часто, какъ одежда рекомендуетъ человѣка, такъ точно вывѣска рекомендуетъ мастера; бѣгите, какъ чумы, магазиновъ съ страшными вывѣсками, на которыхъ нарисованы франты въ странныхъ аттитюдахъ, съ надписями: *новѣйшій портной иностранецъ изъ Крезберга* и т. п. ищите благородныхъ, простыхъ ножницъ; онѣ украсятъ вашу юность, скроютъ тѣлесные недостатки, если вы ихъ имѣете, сдѣлаютъ, что на васъ будутъ останавливаться взоры прекраснаго пола! Хотите ли сапоги, заказанные льтомъ, получить къ Рождеству, спѣшите къ Русскому сапожнику; не смотрите, что у него на вывѣскѣ исполинскаго размѣра сапогъ съ надписью: *награжденъ за отличіе*; онъ васъ за то наградитъ большими мо-
золями, и сдѣлаетъ, что ваши ноги, дѣйствительно
будутъ отличаться своимъ безобразіемъ въ обще-
ствѣ. Если желаете имѣть хорошо обутую ногу,
идите на Кузнецкій мостъ къ *Брюно, Пиронету*,

на Дмитровку къ *Такке*; какой бы вы не были пьшеходъ, три пары ихъ сапоговъ на годъ, будетъ достаточно. Не покупайте шляпы у кого нибудь безъ разбора, она вамъ натретъ лобъ, оставя красную полосу на цѣлую недѣлю; она такъ тяжела, какъ глиняный горшокъ и портится отъ дождя; ступайте за шляпою къ *Тилу*, *Вандрагу*, *Юнкеру*, *Зауеру* и *Шолету*. Не покупайте бѣлья и манишекъ въ табачныхъ лавкахъ; спышите на Кузнецкій мостъ, тамъ найдете вы все нужное у *Вандрага*, *Ліюка*, *Шолета*, *Монизетти* и у другихъ. Закаазывайте мебель у *Фреймана* на Арбатъ, *Цинна* и *Пика* на Петровскомъ бульваръ, отнюдь не въ лавкахъ у Каменнаго моста или на Стратенкѣ, выключая мебели самой простой. Если желаете купить экипажъ, адресуйтесь въ Каретномъ ряду къ *Маркову*, *Млжишеву*, на Покровкѣ къ *Арбатскому*; не заказывайте что называется сладить экипажъ мелкимъ кузнецамъ, которые занимаются ковкою лошадей; онъ разсыпется въ дребезги о булыжную Московскую мостовую. Вотъ вамъ краткое наставленіе челоука безпристрастнаго, который долго жилъ въ Москвѣ и все что здѣсь пишеть или видѣлъ самъ, или испыталъ на опытъ.

КОНДИТЕРСКІЯ, ГОСТИНИНИЦЫ, ТРАКТИРЫ.

Двадцать лѣтъ назадъ, въ Москвѣ было не больше десяти кондитерскихъ лавокъ; теперь, если включить разные лавки съ надписями: *превосходное кондитерское сахарное производство*, или лавки съ вывѣсками, на которыхъ изображенъ рогъ изобилія сыплющій конфекты, ихъ можно насчитать доста. Лучшія изъ нихъ: бывшая *Педотти, а la reputation*, *Дубле, Пера* и *Люке*; послѣдняя роскошна и даже великопѣнна. Въ настоящее время также прибавилось множество гостиницъ, имѣющихъ спокойныя, удобныя и можно сказать, барскія помѣщенія. Въ нѣкоторыхъ Московскихъ гостиницахъ, ничто такъ не беспокоитъ постояльцевъ, какъ гитара коридорщика, который если не хранишь, то постоянно наигрываетъ на ней: вальсъ-козакъ, барыню или романсъ: *Чижики, чижики, гдѣ ты*

были! какъ будто спрашивая своею пьснею у
 постояльца: откуда это вы изволили пожаловать
 къ намъ въ столицу? Иногда же цѣлый день и цѣ-
 лую ночь, мучить онъ васъ импровизаціею, на
 своей разохшей гитарѣ, дѣлая такіе странные и
 дикіе акорды, что вы поневоле скажете: *Чтобъ,*
хоть треснутъ тебѣ, окаянный! Извѣстнѣйшія го-
 стинницы, находятся: на Тверской, въ Охотномъ
 ряду и на Кузнецкомъ мосту, какъ-то: *Дрезденъ,*
Европа, Лондонъ, Лейпцигъ, Шевальдшесга, Лейба,
Шевалье, Будье—бывшая Яра и *Петкина*. Есть но-
 мера отъ 2 до 50 руб. въ день. Гостинницы Будье
 и Шевалье, посѣщаются исключительно людьми
 высшаго тона, здѣсь обыкновенно обѣдаютъ Мо-
 сковскіе лъвы, столичные франты и русскіе Па-
 трижане; въ этихъ гостинницахъ, въ особенности
 у Шевалье, вы не услышите ни одного Русскаго
 слова; карты обѣда, ужина и вина предлагаются
 только на одномъ Французскомъ языкѣ. Тутъ
 можно сказать все не Русское: порціи такъ ми-
 ніатюрны, что полный обѣдъ едва-ли въ состояніи
 насытить Москвича, еще не пріучившаго свой здо-
 ровый желудокъ къ Французской кухнѣ; здѣсь, вы
 недопроситесь ни кислыхъ щей, ни черного хлѣба,
 а когда подаютъ водку, которую такъ любятъ
 употреблять въ Москвѣ передъ обѣдомъ, для аппе-

тита и сваренія желудка, то рюмочки ставить величиною съ наперстокъ. Цѣны на всѣ вещи, сравнительно съ прочими гостинницами—предорогія; но за все это, вы обѣдаете въ роскошно-убранныхъ комнатахъ, на богатомъ сервизѣ, въ лучшемъ обществѣ, слышите и видите, какъ Русскіе корчатъ иностранцевъ, кушаете вкусныя блюда, отпускаемыя вамъ самою хозяйкою Француженкою, да еще прехорошенькою, которую можете даже видѣть, въ замочную щелочку на двери, въ то время, когда она распорядается въ буфетѣ.

Трактиры и рестораціи, разсыпаны во всѣхъ концахъ города, но лучшіе изъ нихъ сосредоточены близъ присутственныхъ мѣстъ, Кремлевскаго сада и на Ильинкѣ, гдѣ находится знаменитый *Троицкій* трактиръ, посѣщаемый всѣми сословіями города и имѣющій всегда огромное число посетителей.—Во время великаго поста, люди высшаго общества, не стыдятся пріѣзжать сюда обѣдать, потому что здѣсь вы найдете лучшую рыбу, свѣжую икру и все, что только можете вздумать роскошнаго, для постаго Русскаго стола. Здѣсь также, за парами чаевъ, постоянно собираются Московскіе купцы и рышаютъ часто свои торговые обороты на многія тысячи, ударяя, какъ

говорится по рукамъ, и спрыскивая свои сдѣлки, какъ они выражаются *настолицами*, т. е. шампанскимъ. Здѣсь приказныхъ угощаютъ просители; иногородные помѣщики, изнуренные покупками въ городѣ и въ присутственныхъ мѣстахъ, заходятъ сюда отдохнуть и позавтракать. За Троицкимъ, слѣдуетъ *Московский* трактиръ—находящійся противъ присутственныхъ мѣстъ, известный также множествомъ посѣтителей и превосходною машиною, которая безпрестанно играетъ разныя новомодныя штуки. Тутъ половые, имѣютъ какую-то особенную расторопность и услужливость; закуски къ водкѣ подаютъ столько, что при безденежьѣ можно, выпивши нѣсколько рюмокъ, утолить голодъ одною закускою и быть, понимаете, такъ сказать навесель, не тратя много денегъ; притомъ съ постоянныхъ посѣтителей, ничего не берется за табакъ. Это настоящее, любимое мѣсто-пробываніе всѣхъ приказныхъ чиновниковъ; сверхъ того въ Московскій трактиръ обыкновенно ходятъ обѣдать: праздные, которые не такъ зажиточны, иностранцы еще не пріискавшіе себя въ Москвѣ центра, стряпчіе, члены земской полиціи, пріѣзжающіе изъ уѣздовъ по дѣламъ службы, купцы и студенты. Здѣсь получаютъ всѣ Русскіе журналы и предлагаются для чтенія похождения Чи-

чикова.—Вечера въ Московскомъ трактирѣ отличаются своею веселостію: машина или какіе нибудь, странствующие музыканты, играютъ безъ утомона, посѣтители ужинають и балагурять до появленія *Отелло*! Но это не Отелло Шекспира, а Московскій; — такъ прозывается человекъ, обязанный въ полночь класть все на замки и гасить свѣчи въ трактирѣ. Въ Москвѣ есть классъ людей, которыхъ можно назвать: *Меломано-гастрономы*; они привыкли кушать непременно подь музыку, и когда въ Московскомъ, машина отъ своей дѣтельной жизни занемогаетъ, и поправляетъ разстроенное на службѣ здоровье у Бругера, то въ это время, многіе постоянные посѣтители, именно Меломано-гастрономы, разсыпаются по другимъ трактирамъ.

ЖЕНЩИНЫ.

Барышни, милостивыя государины, ищущія
любви, ничего не дѣлающія, занимающіяся
чѣмъ нибудь.

Кто жѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолви: тамъ остановись!

Кто сердцу мной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнься?

ПРИМЕРЪ.

Изъ этого рода женщинъ, нѣкоторыя занимаютъ
ся портнымъ мастерствомъ, многія изъ нихъ но-
сятъ названія швей, золотшвей, цвѣточницъ, кор-
сетницъ, иныя занимаются паяльцами, приискивані-
емъ себѣ мѣстъ въ экономки, компаніонки, а иныя
ничего не дѣлаютъ, ничего не дѣлаютъ, но всѣ онѣ
живутъ и не умираютъ съ голода въ Столицѣ. Это
дочери мельчайшихъ приказныхъ, вдовы, жены
отсутствующія отъ мужей, вольно-отпущенныя,
мѣщанки, солдатки, питомки и горничныя дѣвуш-

ки съ прокормленными видами. Всѣхъ ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе роды: *она живетъ сама по себѣ и она гоститъ, у нее есть салонъ и у нее нѣтъ салона, у нее есть кухарка и у нее нѣтъ кухарки.*

Иногда молодая неопытная дѣвушка, брошенная судьбою въ огромный городъ, безъ родныхъ и друзей, безъ надзора и пристанища, терпитъ большую нужду и бываетъ оставлена совершенно на волю случая. Какая нибудь дальняя тѣтка, у которой она живетъ изъ милости, нисколько не заботится о ней, а цвѣточница—слабая уже отъ природы, не долго защищается отъ порыва бурныхъ страстей и крошечныхъ страстишекъ, нерѣдко бросаясь въ ихъ пучину, также легко, какъ маленькую щепку, уносить бурный, дождевой потокъ. — Часто, въ нѣсколько дней, бѣдственная участь ея измѣняется и она достигаетъ возможности сшить себѣ порядочный салонъ. Вамъ покажется удивительнымъ, что салонъ, играетъ тутъ, такую важную роль, но надобно наблюдать, чтобъ увѣриться, съ какими безотчетнымъ стремленіемъ, хлопочетъ описываемая мною женщина, сшить себѣ бурнусъ къ Светлому празднику, или теплый салонъ къ Рождеству; тутъ ее понуждаетъ и необходимость одѣянія и свойственное каждой женщи-

нѣ кокетство и желаніе блеснуть предъ своею сестрой. Для салона она готова забыть дружбу, отречься отъ отца и матери, поспорить съ подругою, находить милымъ постылаго, погубить свою душу; для нее салонъ тоже, что для нѣжнаго любовника, первый страстный поцѣлуй его не вѣсты, что для вѣчнаго Титулярнаго Совѣтника не изъ дворянъ, вожделѣнный чинъ Коллежскаго Ассесора! — Когда вы идете по улицѣ, или ѣдете важно въ своей покойной каретѣ и встрѣтите молодую дѣвушку въ новомъ щегольскомъ салонѣ, прошу васъ, не забрызгайте его; вспомните сколько онъ ей стоитъ горючихъ слезъ и огорченій, сколько ночей провела она безъ сна, мечтая о томъ, что теперь составляетъ все ея богатство! — Когда дѣвушка пріодѣнется, тутъ является у нее мысль, быть независимой хозяйкой, промѣнять ситцевое платье на шелковое и завестись кухаркой, которую она обыкновенно приводитъ съ площади. Кухарка, положимъ — вещь весьма обыкновенная для васъ, но для дѣвушки въ салонѣ, она великое дѣло! Она будетъ называть ее барыней, станетъ величать сударыней, начнетъ крахмалить ея юбки, переносить маленькія капризы, которые непременно явятся при этой роскоши. Всегда, ничего не дѣлая сама, она получитъ право бранить

за лѣнь свою Василису, и посылать ее повелительно къ своему кредитному, съ универсальнымъ эпитетомъ: „Милый другъ! пришли мне денегъ, я отикна издарова!“

Когда маленькое хозяйство обзаведено, и милый другъ не отказываетъ въ присылкѣ денегъ на записки, тогда начинается мелькать мысль о роскоши; она меломанша: у ней гитара, сперва безъ квинты, потомъ со всѣмъ акордомъ, потомъ старинныя клавикорды въ 3 октавы съ половиною, наконецъ фортепіано, которое красавица купила на рынкѣ у Сухаревой башни. Василиса начинаетъ благоговѣть предъ роскошною жизнію своей барышни; ея уваженіе къ ней, съ каждымъ днемъ возрастаетъ, а капризы барышни съ каждымъ днемъ увеличиваются: квартира ей тѣсна, внизу жить и холодно и сыро; мебель безпокойна, дрожки извозчика тряски. При улыбкѣ судьбы, цвѣточница, скоро достигаетъ исполненія своихъ прихотей: у ней порядочная квартира, съ двумя необходимыми для нее входами, гоститъ подруга для компаніи, куплено турецкій диванъ и полуторная постель, уже въ лавкахъ у Каменнаго моста; въ ея гостиной, стоитъ новинскій коимодъ, окрашенный подъ красное дерево; въ немъ сохра-

няются: лучшая часть гардероба, денжѣнки, различные посланія знакомыхъ, стишки, румяны и записочки кредитнаго; на коммодѣ стоятъ фарфоровыя чайныя чашки съ позолотою, алебастровыя бюсты: Пушкина, Наполеона и попугая, а иногда кошки съ кивающею головою. На стѣнахъ висятъ картинки: портретъ самой хозяйки въ утреннемъ дезабильѣ и съ пріятною улыбочкою, — написанный масляными красками на полотнѣ; подъ нимъ склуетъ какого-то мушкетера, — вырванный изъ черной бумаги, а по бокамъ, въ бумажныхъ рамочкахъ, четыре времени года, да еще купленные въ квасномъ ряду: какая-то женщина съ слишкомъ открытыми формами, надѣвающая чулокъ, съ подписью внизу:—*le matin*, и другая, также въ нескромномъ ниглеме, сидящая съ мушкетеромъ подъ деревомъ, съ подписью—*Voilà comme vous m'avez arrangé!*... Гардеробъ красавицы, значительно усиленъ: у ней шляпка съ перьями, мармотка съ цвѣтами; она является въ театрѣ уже въ креслахъ, и смотритъ въ зажиленную у своего друга зрительную трубочку; она ѣдетъ на гулянье, не для того, чтобы гулять, но чтобы кататься въ запряжкѣ *Саварскаго* и, изъ франтовской коляски, щурить глазки; закрывается зонтикомъ отъ разныхъ своихъ знакомыхъ, притворяется будто не

слышать нескромныхъ привѣтствій шумной молодежи, гордо смотреть на прежнихъ своихъ по-другъ, которымъ еще не улыбнулась фортуна; ей мигаютъ и цеховой Московскій волокита, и богатый купеческій сынокъ, давая знать пантомимною, что-моль прїедемъ съ гулянья и приведемъ гостинца.

Честолюбивые замыслы цвѣточницы, въ блестящее время ея жизни, не ограничиваются однимъ желаніемъ посѣщать гулянья и театры; она хочетъ пофрантить на балъ. Въ такомъ предположеніи, посылаетъ она съ Васильсою къ своему душенькѣ посланіе, слѣдующаго содержанія: *„Ваша благородія и ангелы мой Сашуровъ! доставьте намъ Касатурки съ Дашей прїятнось патансовать концы въ Нилецкомъ Клопи, а отъ туда заезжай кнамъ душѣка, биледы ни забуть и денникъ. Твоа пагронъ. NN.*

Получа отвѣтъ отъ посланной, что приказали кланяться и приказали, дискать, сказать, чтобъ были готовы, дымъ коромысломъ остановится въ маленькомъ домъ; барышня при деньгахъ, летить на лихачъ-извозчикъ на Кузнецкій мостъ, къ мадамъ Шарпантьѣ, и беретъ тамъ самый дорогой и безвкусный костюмъ, а при тянкомъ безденежьи, но при дородности тѣла, она надѣваетъ сарафанъ

кормилицы; при поджарой же худобѣ, ограничивается сочиненіемъ наскоро, простой амазонки: она тайно похищаетъ шляпу своего хозяина, а старую свою зеленую тряпку, превращаетъ въ вуаль; помадится мусатовскою помадою *Rosé*, и съ самодовольствіемъ, обрѣзавъ подбородокъ бѣлой маски, оставляя ротъ для ужина, пришиваетъ къ ней черные шнуры. Тысячи разъ предъ своимъ невѣрнымъ *ruché*, она примѣриваетъ костюмъ, и схвата въ кулаки кланы своей юбки, прыгаетъ передъ зеркаломъ въ странныхъ аттитюдахъ, спрашивая какова она, у своей льстивой Василисы, которая отъ усталости, ужъ словами не хвалитъ, а только одобрительно головой киваетъ. Гдѣ же этаго рода особы, выучились танцовать? спросите вы. На это я скажу вамъ, что свойственная Русскому народу переимчивость, въ нихъ замѣтна въ высшей степени, а иногда имъ помогаютъ на дому, своими совѣтами: театральные статисты, гезеля изъ аптекъ, купцы и мелкіе чиновники. Конечно изъ этого, вы постигаете о граціозности ихъ танцовъ; но что же, кому какое дѣло, онѣ довольны собою, пускай ихъ танцуютъ на здоровье!

Описываемыя мною дамы, днемъ хоть и лѣнны, но обыкновенно занимаются своимъ мастерствомъ,

или какъ онѣ часто говорятъ: *рукомясло*; дѣлають цвѣты, шляпки, корсеты, чистять блонды, шьютъ платья, бѣлье, подѣ вечерамъ же, непременно гуляютъ на Тверскомъ бульварѣ, или въ Кремлевскомъ саду.

Красавица во время прогулки, желая иногда показать публикѣ, что она степенная особа, имѣетъ обыкновеніе, безпрестанно поправлять свою мантилію или тюлевый шарфъ, будто бы для того, чтобъ скрыть отъ слишкомъ вольныхъ взглядовъ молодежи, свои часто роскошныя формы; но въ самое это время она умышленно, съ большимъ искусствомъ открываетъ свою полную, бѣлоснѣжную грудь. Съ особеннымъ удовольствіемъ идетъ она противъ вѣтра, такъ живописно волнующаго ея широкую блузу, и при малѣйшемъ сомнѣніи въ мокротѣ на дорожкѣ, она очень граціозно приподнимаетъ свое платье, выказывая руло и хорошенькую ножку, обутую въ башмачекъ изъ лавки *Хоролева*. Если же случайно, ленточка у башмачка ея развяжется, что впрочемъ случается довольно часто, тогда она ставитъ свою хорошенькую ножку на зеленую лавочку, интересно завязываетъ ленточку, съ похвальною женскою стыдливостію, открывая въ это время, свои эластическія подвязки и тѣ любопытныя части ножекъ, которыя скры-

ваетъ это глупо-строгое длинное женское платье. Желая, какъ можно больше походить на барышню или благородную даму, цвѣточница приказываетъ иногда во время своей прогулки, провожать себя Василемъ или лакею въ треугольной шляпѣ, котораго она нанимаетъ для этаго по часамъ, заставляя его слѣдить за собою, какъ можно ближе, и оказывать ей всевозможное лакейское вниманіе, какое обыкновенно благовоспитанный лакей оказываетъ своей барынь. Но часто этотъ лакей, ведеть себя не хорошо: онъ всегда почти бываетъ уже порядочно кутнувшій; идя за госпожею, обыкновенно грызетъ орѣхи, то слишкомъ отстаётъ отъ нее, то безпрестанно наступаетъ ей на хвостъ, а иногда, когда ему очень надоестъ слоняться изъ одного конца аллеи въ другой, то онъ преспокойно оставляетъ свою барыню и отдыхаетъ на лавочкѣ.

Цвѣточницы, желая быть еще болѣе интересными, имѣють обыкновеніе, хватать гдѣ ни попало у своихъ знакомыхъ, часто даже безъ спроса родителей, маленъкихъ дѣтей, для украшенія которыхъ, онъ держать у себя постоянно, красиво-вышитые шнурками, казимировые ридикюли; и этихъ бѣдныхъ малютокъ, онъ таскають съ собою на гуляньяхъ, до совер-

шеннаго изнеможенія, стараясь впрочемъ, наружно показывать нѣжныя попеченія матери, утирая батистъ-декосовымъ платочкомъ потъ, съ измученнаго лица ихъ. Часто упрямый ребенокъ кричитъ и рвется домой, просясь къ настоящей своей матери, но попечительница его, увлеченная житейскими удовольствіями, не внимаетъ ему, задобриваетъ его миндальными печеньями, купленными въ кофейной и возвращается домой уже при поздней лунной ночи, въ сопровожденіи въжливаго кавалера.

Корсетницы, цвѣточницы и золотошвей почти всѣ знакомы между собою, но знакомства ихъ не прочны и непродолжительны; часто самый ничтожный случай, бываетъ достаточною причиною непримиримой вражды. Онѣ обыкновенно ссорятся, иногда дерутся: изъ ревности, зависти, а часто для страшной, вѣчной непріязни достаточно, чтобъ одна у другой заносила шелковыя перчатки, зажилила платокъ, отданный надѣть, сманила кухарку или перебила квартиру.

Но недолго наслаждается жизнію прихотливая цвѣточница! Часто она бываетъ, съ позволенія сказать, самая необстоятельная женщина въ мірѣ; занимаясь болѣе франтовствомъ чѣмъ матерствомъ, она допускаетъ свой магазинъ до со-

вершеннаго упадка, и приходитъ время, что ей никто уже ничего не заказываетъ. Красота ея вянетъ съ кандымъ днемъ, отъ безтолковой жизни — исполненной тревоженій; пройдетъ нѣсколько лѣтъ и она сама не узнаетъ себя: прекрасныя формы лица опустились, сверкающіе глаза поблекли, она или безобразно похудѣетъ или потолстѣетъ не деликатно, и предосудительно распухнетъ; милый другъ охладѣетъ, начнетъ несказываться дома. Тогда цвѣточница обыкновенно пойдетъ закладывать разныя вещички, фортепіано, наконецъ свой любимый салопъ, и все это пропадаетъ за безцѣнокъ у неумолимой проценщицы. Иногда цвѣточница, рѣшается еще разъ обратиться къ своему другу; она пишетъ: *милый попка! Вальдемарръ!!! я паразстроилася сдаровьемъ и нахажуся на лѣкарствѣ, пріезжай ка мнѣ а коли не можешь то пришли за мной карету, а коли карету ни можешь то пришли денегъ, остаюсь твоя вислолужная по гробъ NN.* — Но охоложенный другъ, кидаетъ записку въ печку и говоритъ: *нѣтъ, погожур!...* Тогда паденіе красавицы, бываетъ быстрее ея возвышенія; она беретъ опять маленькую сырую квартиру, въ какомъ нибудь глухомъ переулкѣ у попа; переезжаетъ на хлѣбъ къ своей пріятельницѣ, но уживается не долго; при дракахъ и ссо-

рахъ онъ расходятся. Наконецъ цвѣточница уничтожаетъ свою вывѣску, и уже всѣмъ подругамъ ея дѣлается извѣстно, что она *прогорѣла!*—Прежде —полновластная хозяйка, теперь — она не въ силахъ держать при себѣ Василису, которая пьетъ, огрызается, да еще требуетъ отъ нее безпрестанно чаю и жалованья; она ее сгоняетъ, а сама переселяется въ каморку на Трубу.—Спусти нѣсколько времени, она — пьяная баба въ лохмотьяхъ, не посящающая хорошаго общества, и обращается въ неприличныхъ званію своему, поступкахъ. . . .

ИНГОРОДНЫЕ ПОМЪЩИКИ, ПРОВИНЦІАЛКИ, ПРІ- ВЪЖАЮЩІЕ НА ВРЕМЯ, ВЪ МОСКВУ.

Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Талашней, бархатною и дымкой,
Словечка въ простотѣ не снѣхнутъ все
съ утѣхой.
ГЛАВНОЕ.

Часто, ходя по Москвѣ, встрѣчаешь странные
экипажи, какъ то: брыки, тарантасы 17 столѣтія,
огромныя полинялыя кареты на высокихъ рессо-
рахъ и возки въ родѣ курятниковъ; въ этихъ-то
ковчегѣхъ, вваливаются въ Москву ингородные
помѣщики, обыкновенно появляющіеся въ Столицу
по первому зимнему пути, для залога и перезалога
своихъ имѣній, для взноса процентовъ, для отдачи
въ ученіе дѣтей и людей, для присканія мамзелей
и гувернѣровъ, для закупки вина въ деревню у

Дюлу и *Копосова*, для окопированія себя и своихъ взрослыхъ дочекъ и для вывоза ихъ, какъ они выражаются, въ большой свѣтъ. Вотъ причины, заставляющія ихъ въ такомъ множествѣ, наводнять Столицу, и по которымъ Москву, можно уподобить нѣсколькимъ провинціальнымъ городамъ, изъ разныхъ концовъ Россіи сколоченнымъ вмѣстѣ; вотъ причины, по которымъ, при трехъ-сучемъ 30-ти градусномъ морозѣ Москвы, часто поражаютъ ваше вниманіе, страшныя енотовыя и медвѣжьи шубы, гороховаго и свѣтло-сѣраго цвѣта, защищающія отъ холода нашихъ столбовыхъ. Тутъ вы встрѣчаете на безрессорныхъ запяткахъ странной кареты, удивительныя гербовыя ливреи и ветхія треугольныя шляпы, надетыя поперегъ дороги на плешивые затылки старыхъ и грязныя лакеевъ; въ окнахъ каретъ, видите круглыя, свѣжія, румяныя лица красавицъ внутреннихъ губерній, передъ которыми природныя Московскія щеголихи, гордятся своею интересною блѣдностію, называя ихъ здоровый цвѣтъ лица, *couleur du mauvais genre*; между тѣмъ какъ эти хорошенькія гостыя здоровы совсѣмъ не отъ того, что онѣ — *mauvais genre*, но отъ того, что въ тихой, семейной жизни, подъ попечительнымъ крыломъ родителей-пеликановъ, занимающихся шести-польнымъ хо-

зйствомъ, солодовнями и винокурнями, до нихъ не коснулось еще заразительное дыханіе страстей, и дѣтскія мечты ихъ еще не взбуровлены ни страшными грѣзами, ни чтеніемъ соблазнительныхъ романовъ, ни слишкомъ вольнымъ волокитствомъ Московскихъ Европейцевъ, которые говоря, часто неопытной дѣвушкѣ, пошлыми глупости, выбранныя изъ безирравственншихъ повѣстей, иногда увлекаютъ ее, сбиваютъ съ толку, приучаютъ вѣрить, что онъ и она самые несчастные страдалцы въ этомъ мірѣ, тогда какъ и тѣнь несчастія, еще не коснулась ихъ; отъ того, что деревенская дѣвушка не проводитъ безсонныхъ ночей на балѣ и не злится безъ памяти, когда ей откажутъ въ обновкѣ, или не поедутъ въ театръ, что часто дѣлаетъ Московская Европейка.

Удивительное затрудненіе находятъ въ Москвѣ, пріѣзжіе семейные помѣщики, въ пріисканіи себѣ по-мѣсячно квартиръ съ мебелью; хозяева обыкновенно прижимаютъ ихъ, и они часто платятъ страшныя деньги, въ сравненіи съ постоянными жителями Столицы; но какъ бы то ни было, проживъ нѣсколько дней въ гостиницѣ Шора, Шевалдышева, Лейба, иные по бѣднѣе и по расчетливѣе—на подворьяхъ за Москвой рѣкой, они наконецъ устанавливаются и такимъ образомъ, окон-

чивъ свою *солжиреску* принимаются за *жуиреску*. Дѣлають визиты знакомымъ, отправляются въ Ряды, на Кузнецкій мостъ, покупають, мотають, иногда не-хотя, чтобъ не отстать отъ столичныхъ; рыскають по конторамъ, толкутся въ Опекунскомъ Совѣтъ, въ Гражданской Палатѣ, смотрять звѣрей, оптическія путешествія по комнатамъ, посѣщаютъ театръ, и наконецъ побывавъ на хорахъ Россійскаго Благороднаго Собранія, и высмотрѣвъ тамъ одѣянія Московскихъ красавицъ, они послѣ тщательныхъ совѣщаній въ своей семьѣ, рѣшаются наконецъ вывезти дочекъ. Войдя въ залу Собранія, несмотря на всѣ попеченія нѣжныхъ родителей и мадамовъ Кузнецкаго моста, вы всегда узнаете провинціалокъ, по необыкновенной пестротѣ наряда, по какой то принужденности въ манерахъ, по безобразно-сшитому фракку или по странному, давно-минувшихъ лѣтъ мундиру почтеннаго батюшки, который толпится около своей дочки, въ то время, когда она танцуетъ контръ-дансы съ Московскимъ студентомъ. Московская дѣвушка въ Благородномъ Собраніи, въ маскарадѣ или на балѣ, считаетъ что она у себя дома; ей знакомо все общество, она развязна и непринужденна, а о своемъ туалетѣ заботится столько, сколько требуетъ женское кокетство. Но прибывшее дитя

Юга, смотреть на вечеръ Благороднаго Собранія въ Москвѣ, какъ на что-то чудное, высокое; объ этомъ вечерѣ она мечтала нѣсколько лѣтъ, и вы мнѣ не повѣрите, что спускаясь со ступенекъ въ залу, она дрожить, колѣни ея подгибаются. Ей кажется, что всѣ глаза устремлены на нее одну, что всякой угадываетъ ея мысли, подстерегаетъ каждое движеніе. Если она мила собою, то еще получаетъ нѣкоторую бодрость свойственную всѣмъ хорошенькимъ; но если — просто незамѣтная блондинка, съ неопредѣленнымъ цвѣтомъ глазъ и лица, если она чувствуетъ преимущество другихъ надъ собою, то очарованіе ея бываетъ скоро разрушено. Она видитъ ясно, какъ ловкій Гвардеецъ, спѣшитъ поймать улыбку Московской красавицы, которая ему привѣтливо махнула своимъ вѣеромъ, и какъ онъ пробираясь въ тѣснотѣ, мимо пріѣзжей изъ провинціи, неосторожно мнетъ ея цвѣты и гирлянды, купленные иногда съ такими упреками, расчетливой маменькой. Но вотъ гремитъ на хорахъ живой вальсъ! Московская львица, легкая какъ пухъ, перелетаетъ отъ одного юноши, къ другому; то вихремъ несется она съ ловкимъ гвардейскимъ Кирасиромъ, въ огромныхъ ботфортахъ, то небрежно облакачивается на плечо молоденькаго Камеръюнкера, у котораго

весь мундиръ облить золотомъ, между тѣмъ какъ къ уѣздной барышнѣ, охорашиваясь, пробирается пѣхотный офицеръ, или какой нибудь чинovníкъ, въ пестромъ жилетѣ, протягиваетъ свою руку въ широкую и повычищенную хлѣбомъ, перчатку. Она идетъ съ нимъ вальсировать, но этотъ чиновникъ танцуетъ плохо, не описывая въ своемъ флегматическомъ вальсѣ, обставленнаго злыми наблюдателями круга, неловко проводить онъ по немъ только хорду, и не добравшись до мѣста, кончаетъ свой туръ, сбитый почти съ ногъ, локтемъ бойкаго кавалериста, который въ это время пропѣлся мимо него стрѣлою. Уѣздная дѣвушка, постигаетъ преимущества дѣвицъ, имѣющихъ большое знакомство отъ постоянной жизни въ городѣ, отъ обѣдовъ и баловъ ихъ родителей,—видитъ, какъ она убита, часто одними мнимыми преимуществами и возвращается домой, мало довольная собою. Но какъ бы то ни было, она видѣла Собраніе, слышала плохую оперу; возвратясь въ свой родной уголокъ, она тамъ будетъ львицею; тамъ въ свою очередь она блеснетъ передъ дочерью Исправника и Городничаго. Эти то мечты немного убаюкиваютъ ея обиженное самолюбіе и придаютъ душѣ твердость, переносить тяжкую участь *непримѣнной* въ огромномъ столичномъ обществѣ.

При наступленіи великаго поста, помѣщики, окончивши маленькія дѣла свои, побывавши вездѣ, гдѣ только требовали и нужды и любопытство, осмотрѣвши Грановитую Палату и большой Ивановскій колоколь, кондитерскую лавку Люке и магазины Майкова и Доброхотова, посятивши клубы, ученыхъ блохъ, многія панорамы, діорамы и косморамы; посмотрѣвшись на опыты черной магіи, *кормленіе вилъ* и на разныя метаморфозы, которыми Москва постоянно изобилуетъ, они уѣзжаютъ восвояси, крехтя отъ издержекъ, зывая отъ пустоты, оставшейся на сердцахъ. Но не всегда эта пустота остается въ сердцахъ ихъ молоденькихъ дочекъ, и кто знаетъ, быть можетъ какъ часто, уѣздная красавица вертится въ постель и плачетъ тихонько по ночамъ, о томъ что она на вѣки разлучена съ хорошенькимъ студентомъ, или съ какимъ нибудь армейскимъ поручикомъ, который танцевалъ съ ней зимою, и рассказывалъ о трудностяхъ своей службы, между прочимъ дѣлалъ глазки, и иногда строилъ удивительныя куры!

ГОСПОДСТВУЮЩІЙ ЯЗЫКЪ.

На сѣздахъ на большахъ, по праздниканъ
приходенихъ,
Господствуютъ еще сѣшенье дамковъ
Французскаго съ Нижегородскихъ?
господств.

Господствующій языкъ въ Москвѣ, Русскій;
но въ высшемъ обществѣ, говорятъ преимущественно правильнымъ Французскимъ языкомъ,
а необычайная страсть, подражать во всемъ людямъ
высшаго полета, существующая между людьми
средняго круга, заставляетъ ихъ въ своемъ
обществѣ, выражаться иногда, какимъ то страннымъ,
Французскимъ языкомъ. Побывайте въ
пышныхъ гостиныхъ Московскаго вельможи и въ
скромной квартирѣ, съ перегородками, семейнаго
чиновника, живущаго въ казенномъ домѣ; на балѣ
у Сенатора и у богача купца, торгующаго таба-

комъ, на свадьбѣ у Камергера и у армейскаго поручика въ казармахъ; во всѣхъ этихъ обществахъ, вы услышите нынче Французскій языкъ, но какъ онъ разнообразенъ, вы мнѣ не повѣрите, и одно только строгое, внимательное наблюдение, можетъ васъ убѣдить въ истинѣ моихъ словъ. Знаете ли, что жена какого нибудь незначительнаго лекаря, очень часто не пойметъ ни слова изъ разговора львицы — аристократки, тогда какъ лекарша думаетъ про себя, что она сама порядочно французить. Неужели вамъ никогда не приходилось слышать, какъ иной господинъ, разговаривая съ Московскимъ денди, жившимъ долго въ чужихъ краяхъ, и желая быть ему удобопонятнымъ на Французскомъ языкъ, поретъ иногда такую дичь, въ которой вы никакъ не доберетесь до настоящей мысли разскащика? Нигдѣ страшная разница, разговорнаго Французскаго языка въ Московскихъ обществахъ, не проявляется такъ рѣзко, какъ на большихъ званныхъ обѣдахъ и вечерахъ; какъ любопытенъ, и какою пищею для злаго пасмышника, бываетъ часто Московскій юноша, одѣтый по послѣдней модѣ, когда онъ случайно залетитъ въ гостиную аристократа, гдѣ образованная, милая дочь хозяина, желая поддержать, новаго, невѣдо-

Очер. Мос. жиз. 11

маго никѣмъ пришлеца, и снасти отъ тяжкаго невниманія другихъ, закидаетъ его, самыми милыми привѣтствіями, обыкновенными, но умными вопросами, давая ему возможность говорить; а этотъ пришлецъ, не понявъ почти ни слова, изъ ея бойкой Французской рѣчи и отвѣчаетъ на удачу, *oui да поп*, или *же-не-се-па*; а потомъ, пускаясь по немногу въ даль, пойдетъ объясняться о погоду и о послѣднемъ вторникъ Благороднаго Собранія, города ошибку на ошибку! Знаете ли, какъ онъ въ это время, тирански—тиранить милую дѣвушку, которая при дѣтской веселости, свойственной ея лѣтамъ, при ироническихъ взглядахъ своихъ пріятельницъ, должна удерживаться отъ смѣха, видя предъ собою существо нелпое, жалкое, желающее быть не тѣмъ, что оно есть, —говорящее одни пошлыя, зазубренные фразы, съ страшно — раздражающими уши, ошибками. Иногда отъ натуги говорить, такого юношу ударяетъ въ потъ, и даже хохоль его развивается, но оставляя салоны аристократа, долго хвастаетъ онъ пріятелямъ, о своемъ новомъ знакомствѣ съ магнатомъ.

Если будете спускаться ниже и ниже, то увидите, что Французскій языкъ, глубоко пустилъ свои корни; множество купеческихъ дѣтей въ

Москвѣ, уже говорятъ бойкимъ Французскимъ языкомъ; даже купцы, уводящаго поколѣнія, позволяютъ себѣ нѣкоторые Французскія выраженія, наприимѣръ: иной рассказывая въ Марьиной рощѣ своему пріятелю, какъ онъ нализался, наканунѣ, прибавляетъ, что вчера было: *бюве боку*; другой при поклонахъ не говоритъ какъ бывало: наше почтеніе, а употребляетъ: *комань-ву-порте?* или, говоря о превратностяхъ этаго міра, увѣряетъ что: *летань-кулень-сансиблемань* (le temps coule insensiblement). Швей величаетъ своего друга: *моншерь*, приказный, толкнувъ кого нибудь, на гуляньи, говоритъ *пардонь*, а ругаясь съ товарищемъ называетъ его *кошонь*, словомъ: нынче въ Москвѣ, по Французски если не говорятъ, то по крайней мѣрѣ, сильно порываются говорить, актеры и актрисы, лекаря, модистки, гарнизонные офицеры, приказные и квартальные надзиратели; но разговоры ихъ ограничиваются еще одними не связанными періодами, коротенькими вопросами и отвѣтами. Однакожъ, если распространеніе Французскаго языка пойдетъ нѣсколько льтъ, въ такой градаціи, какъ это дѣлается теперь, то со временемъ кто нибудь напишетъ, что господствующій языкъ въ Москвѣ Французскій и отчасти Русскій!

ПОЛИЦІЯ, ПОЖАРНАЯ КОМАНДА.

Неусыпными попеченіями Свѣтлѣйшаго Градоначальника, устройство полиціи доведено до совершенства. Наружная дѣятельность ея, нигдѣ такъ не проявляется, какъ на публичныхъ гульбищахъ и пожарахъ. Увидавъ полицію, на большихъ гуляньяхъ, вы скажете что она разсыяна на нихъ, только для парада, потому что заведены строгій порядокъ и неминуемое взимскіе съ кучеровъ, за малѣйшее нарушеніе, распоряженій полиціи, обвѣщаемыхъ, всегда заблаговременно, внятыми объявленіями; и отъ того въ Москвѣ экипажное гулянье, разбросанное на нѣсколькихъ верстахъ, идетъ всегда въ такомъ порядкѣ, какъ будтобы ему дѣлалась репетиція. Всѣ полицейскіе чиновники вѣжливы, услужливы;

при малѣйшей въ нихъ надобности обывателя, спѣшать немедленно оказывать, всякое съ своей стороны, содѣйствіе. Само собою разумѣется, такіа качества—причиною, что полиція пользуется отъ жителей, тѣмъ уваженіемъ, которое свойственно, этой большой отрасли внутренняго благосостоянія Столицы. Во время пожара, пожарная команда, находящаяся въ Москвѣ, въ удивительномъ устройствѣ, поражаетъ васъ быстротою своихъ дѣйствій и тѣмъ самоотверженіемъ, какое—показываютъ заслуженный начальникъ и простой солдатъ. Пожарный съ удивительнымъ, свойственнымъ Русскому, безкорыстіемъ, воспламеняемый примѣромъ своихъ старшихъ, спасаетъ ваше имущество и лѣзетъ за васъ въ огонь, не требуя никакой благодарности; ему, одобрителный привѣтъ начальника: спасибо братцы! вознаграждаетъ всю опасности. Несмотря на огромное пространство Столицы, съ первымъ появленіемъ пожарнаго сигнала на Московскомъ Депо, нѣсколько частей, сообразно сдѣланнымъ распоряженіямъ, уже находится на пожаръ, какъ будто онъ его предвидѣли. При звонѣ колокола, употребляемомъ только въ случаѣ тревоги, днемъ ли то или въ глубокую полночь, пожарные въ совершенной тишинѣ бѣгутъ, сохраняя перенумерованный между собою порядокъ,

отворяють конюшни, запрягаютъ не болѣе, какъ въ 3 минуты, тѣмъ же затверженнымъ порядкомъ, лошадей и вихремъ несутся на пожаръ. Ревность каждой части, — прежде всѣхъ, прискакать на мѣсто, достойна похвалы и благодарности всѣхъ жителей Москвы.

Столица роскошно освѣщается во время ночи, съ 1 Сентября по 1 Апрѣля, не только по большимъ улицамъ, но даже по самымъ малымъ переулкамъ, и тѣ изъ фельетонистовъ, которые пишутъ намъ, что въ Москвѣ нѣтъ возможности издѣть по ночамъ за темнотою, пишутъ совершенную несправедливость.

ЦЫГАНЫ.

Если вы, катаясь по Москвѣ, заѣдете въ Грузины и Садовую, то въ маленькихъ, неопрятныхъ домахъ, увидите расположенные таборы цыганъ. Они среди шумнаго, образованнаго города, ведутъ ту-же дикую буйную жизнь степей; обманы лошадыми, гаданья, музыка и пѣсни, вотъ ихъ занятія. Любопытно видѣть, когда ночью молодежь, преимущественно изъ купцовъ, подѣхавши въ несколькихъ экипажахъ къ маленькому домику, начинаетъ стучать въ калитку. Въ тоже мгновеніе, огоньки, метеорами начинаютъ блеснуть въ окнахъ и смуглая, курчавая голова цыгана, выглядываетъ изъ калитки. На слова кучеровъ: встрѣчай, господа пріѣхали! цыганъ съ хитрою, довольною улыбкою, отворяетъ ворота и, величая всѣхъ поименно, произноситъ иногда имена на-удачу, желая тѣмъ

показать свое вниманіе къ посѣтителямъ. Вы вошли въ комнаты, и уже слышите акорды гитары, видите съ какою живостію, цыганки набрасываютъ на себя капоты, блузы и пестрые платки; тамъ подъ печкою, цыганъ ищетъ свои сапоги; въ одномъ углу разбуженный цыганенокъ, вскочивъ, спѣшитъ поднять своихъ собратьевъ, а въ другомъ старая цыганка, прикрывъ люльку, собираетъ изломанные стулья для хора, и въ пять минутъ весь таборъ поетъ, стройный, веселый, живой, какъ будто никогда не предавался обычному отдохновенію тихой ночи. Разгульные пѣсни цыганъ, можно назвать смѣшеніемъ стихій; это дождь, вѣтеръ, пыль и огонь все вмѣстѣ! прибавьте къ тому: сверкающіе глаза смуглыхъ цыганокъ, ихъ полу-прикрытыя, часто роскошныя формы, энергическое движеніе всѣхъ членовъ удалаго цыгана, который поетъ, пляшетъ, управляетъ хоромъ, улыбается посѣтителямъ, прихлѣбываетъ вино, бряцать на гитарѣ и бѣснуясь кричить во все горло, *сага баба, ай люли!*—Ничто не располагаетъ такъ къ оргіи, какъ ихъ буйныя напѣвы; если горе лежитъ у васъ камнемъ на сердцѣ, но это сердце, еще не совсѣмъ охладѣло къ впечатлѣніямъ жизни, то свободная пѣснь цыганъ, разсѣетъ хоть на минуту, тоску вашу.

По Середамъ и Воскресеньямъ, на Конной площади, цыганъ совершенно другой, чьмъ въ таборъ. Мысль, какъ бы сбыть вамъ хромоногую лошадь или по цыгански *лангалу*, занимаетъ весь организмъ его; онъ какъ угорьлый кидается къ каждому и нагло предлагаетъ свою фальшивую услугу. При словахъ покупателя: ты мнѣ не нуженъ, у меня есть знакомый; онъ, не зная о комъ говорить, съ досадою отвѣчаетъ стокато: «барынь, вы по все-конна не найдете такого мошенника, а вотъ бросьте хафку, дамъ лошадку, създа не будетъ!» и если вы съ нимъ свяжетесь, то поздравляю васъ! вы непременно въ *просакъ*. Цыганъ, нисколько не смутится, если по несчастной покупкѣ, вы тотчасъ увидите, что приобрѣли себѣ старую лангалу; онъ вамъ прехладнокровно отвѣчаетъ: «а чортъ ее знаетъ; это *рыба* настоящая, кто въ нее вльзетъ, не хотите ли другую лошадку, ужъ за эту отвѣтствую.» Вотъ вамъ истинно — цыганское утѣшеніе при неудачѣ! Цыганъ, въ лѣсу съ гитарой и своимъ таборомъ въжливъ и искателенъ; — льтомъ главное ихъ пребываніе въ Марьиной рощѣ; тамъ съ утра до вечера, бродятъ они съ постоянными просьбами: цыганки требуютъ, чтобъ имъ купили апельсинчиковъ, а цыганы предлагаютъ угостить чайкомъ; часто какого ни-

будь купца, они насильно тащатъ слушать ихъ пѣсни, а въ это время, старая цыганка, обхватя его руками и, ругая всю свою сзиту, говоритъ купцу, будто принимая въ немъ участіе: *«да брось илиз что-нибудь собакамъ, отелжись отъ нихъ!»*

Горе волокитъ, бросившему свои замыслы, на пріобрѣтеніе расположенія цыганки; при всемъ ихъ разгуль, онъ сохранили какое-то странное отчужденіе, отъ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ ихъ племени, и цыганка, развратная среди своего табора, цѣломудренна и неприступна для чужаго. Бывали примѣры, что прихотливые люди, большею частію купеческіе дѣтки, тратили огромныя суммы, чтобъ пріобрѣсти цыганскую любовь; — но таборъ пожирая ихъ деньги, готовъ былъ всегда пожрать и ту, которая бы осмѣлилась склониться на требованія неопытнаго юноши; — дѣло обыкновенно кончается тѣмъ, что волокиту порядочно *полажутъ*; онъ останется безъ цыганской любви и безъ Русскихъ денегъ.

ИЗВОЩИКИ.

Когда я иду по улицъ, и взгляну случайно на извозчика, котораго здѣсь можно встрѣтить на всякомъ шагу, мнѣ какъ-то всегда приходитъ мысль, что за чудный человекъ извозчикъ? Мнѣ кажется, онъ непременно, по неволѣ, долженъ быть большой наблюдатель нравовъ, а необходимость принаравливаться ежедневно къ новымъ характерамъ, какого нибудь десятка людей, дѣлаетъ нечувствительно изъ него, смѣтливаго и тонкаго человека. И если вникнуть хорошенько, то что за странная жизнь, и что за тяжелое ремесло этаго извозчика, пропускаемаго ежедневно каждымъ изъ насъ, безъ всякаго вниманія, между тѣмъ, какъ онъ почти для каждаго изъ насъ болѣе или менѣе необходимъ. Возьмите, въ чемъ проходитъ его день: выхавъ

съ постоялаго двора, приклеённый къ своимъ дрожкамъ, онъ смотритъ на всѣ стороны огромнаго города, не зная гдѣ приведется ему, на своемъ разбитомъ рысакѣ, гранить Московскую мостовую; вдругъ очутится онъ подъ Донскимъ или въ Лафетовъ, на Зацѣпъ или на Воробьевыхъ горахъ. То везетъ угрюмаго сутягу, не говорящаго съ нимъ ни слова, толстаго какъ бочку и шибко вредящаго его рессорамъ; то катается съ забубѣннымъ кутилою, требующимъ отъ его клячи лихой взды; то везетъ капризную старуху, досаждующую на то, что дрожки толкаютъ ее по ухабамъ, то ѣдетъ съ пьянымъ шишиморою который ни за что ни прочто, сильно беспокоитъ его подъ бока и даетъ подзатыльники за то только, что онъ не предостерегъ отъ паденія его шляпу, находившуюся на бекрень.

При началъ своего поприща, когда онъ назывался *санькой*, съдоки его были большею частію, кухарки, экономки, приказные—не франты, а вздоки по необходимости, иногда наши мужички, которыхъ онъ возилъ въ крещенскіе морозы, проводя за гривенникъ, длинную діоганаль по городу; изрядка нанималъ его какой нибудь франтъ, выходившій прогуляться пышкомъ, и случайно встрѣ-

чавшій надобность быть скорѣе дома; но Фронтъ, садился въ его сани съ видимымъ презрѣнiемъ, которое ванька давно привыкъ сносить отъ чужихъ и отъ своего брата извозчика. Бывало, наскочить лихачъ, да отломаетъ своею здоровою оглоблею, некрѣпкій задокъ его саней и еще разругаетъ, какъ обыкновенно ругаются извозчики; бывало лошадёнка его, ни съ того ни съ другаго, начнетъ дурить и загородить дорогу въ какомъ нибудь тѣсномъ мѣстѣ, а тутъ несется карета, которая того и гляди уничтожить и бѣднаго ивана и его родимаго коня; или нападетъ будочникъ, да начнетъ тузить, за то, что сталъ неловко — видишь очень близко къ тротуару; также случалось, что найметъ его какой нибудь негодяй, гоняетъ цѣлый день по городу, и прѣхавъ въ Ряды или въ какой нибудь казенный домъ съ сквозными воротами, оставляетъ не заплатя денегъ. Словомъ, много горя въ жизни, надобно перенести ванькѣ-извозчику! — Но вотъ онъ работаетъ свою трудную работу, уже десятокъ лѣтъ, скопилъ кой-какія деньжѣнки, уладилъ по немногу запряжку и наконецъ дѣлается лихачемъ. У него окладистая борода, онъ толстѣетъ отъ пива, у него бархатная малиновая или голубая шапка, кучерской армякъ, перетянутый ловко богатымъ кушакомъ;

сани ореховыя съ медвежьей полостью и лапками, а льтомъ пролетки; онъ самъ теперь гордится передъ ванькою, ухомъ не ведѣть при угрозахъ будочника, да и самъ будочникъ какъ-то заискиваетъ его пріятнаго знакомства. Онъ катаетъ теперь франтовски-одѣтыхъ барышень, возить Московскаго щеголя и купеческаго сына, часто услуживаетъ имъ, справляя ихъ маленькія комиссіи, и получаетъ перьдко, по рублю серебромъ на водку; или ѣздитъ, съ какимъ нибудь отчаяннымъ гусаромъ, недавно произведеннымъ въ офицеры, который приказывая пристянуть пристяжку, велить носится *адомя* по улицамъ. Въ это время, извозчикъ, надясь на защиту своего съдока, передъ которымъ вытягиваются въ струнку, идущіе по улицъ солдаты, а часовые дѣлаютъ на караулъ, не боится даже и квартальнаго комиссара; онъ всегда старается его обогнать на дорогъ, думая про себя, *что дискать, знай нашихъ калынинскихъ!* Конечно жизнь его теперь лучше, прежней, но все должностъ его имѣетъ свои тягости: часто щеголь, во время трескучаго мороза, запропаститъ въ какомъ нибудь глухомъ переулкѣ, гдѣ ему очень тепло, а извознику прикажетъ стоять на углу, цѣлую ночь; или иногда, на какомъ нибудь публичномъ балѣ, когда гусарь, выпля-

сывасть мазурки весь въ испаринь, у бѣднаго извозчика, костеньютъ члѣкы отъ страшнаго холода и онъ сидитъ, какъ истуканъ, ожидая ежеминутно крика: эй прошка подавай! Словомъ, посмотришь какъ странно созданы люди; съ удовольствіемъ одного, сопряжено непременно иго или вредъ другому! — Наконецъ лихой извозчикъ начинаетъ старѣть, рысакъ его совсѣмъ разбить ногами, а денегъ нѣтъ, потому что лихачи — извозчики живутъ роскошно, пропивая очень много на чаяхъ и винъ. Онъ бросаетъ свое заведеніе и идетъ въ работники; ему даютъ опять плохую запряжку, и вотъ, опять однообразная колея его жизни, — приклеённой къ передку саней или дрожекъ, безъ всякой отдаленной цѣли, жизнь — въ произвольномъ движеніи, вмѣстѣ съ своею лошадыю и экипажемъ, составившими, какъ бы одно съ нимъ существованіе; безъ собственной воли и безъ надежды на пѣшеходную прогулку! Одѣтый въ вѣчно-синемъ армякъ, съ мѣдною на спинѣ дощечкою, — свидѣтельствующею о номерѣ, подъ которымъ извѣстна въ Думѣ его особа, покорный капризу, часто наикапризнейшихъ съдоковъ, вознаграждаемый отмораживаніемъ членовъ и нерѣдко напрасными боями буяновъ, идетъ онъ своимъ терновымъ путемъ къ сырой могилѣ

—единственному мѣсту, куда не онъ, а его уже повезутъ люди.

На всѣхъ площадяхъ и почти на каждомъ большомъ перекресткѣ, устроены въ Москвѣ биржи для извозчиковъ; тутъ вы найдете калиберные дрожки, обыкновенные рессорные и пролѣтки,—запряженные въ одну лошадь. Если кто имѣетъ надобность въ парь или четверкъ, тотъ долженъ посылать на постоянные дворы, гдѣ живутъ извозчики. Средняя цѣна извозчика на день: простые дрожки 5 руб. пролѣтки 10 р. фэтонъ парю 10 р. коляска и карета четверкою 15 р. ассигнаціями. Въ Москвѣ есть извозчики, которые содержатъ огромныя заведенія, славятся красотою экипажей и богатыми конями; они отпускаютъ свои запряжки на свадебныя церемоніи, равно на мѣста по-дневно и по-мѣсячно, но берутъ страшныя деньги; обыкновенный же ямской фэтонъ съ парю лошадей, стоитъ въ мѣсяць 300 р. ассигнаціями. Такъ какъ при огромности города, почти всякому, безпрестанно встрѣчается надобность въ ѣздѣ, то по дороговизнѣ извозчиковъ, большая часть обывателей, мало-мальски имѣющихъ способы, заводятъ своихъ лошадей. Московскій извозчикъ, удивительно какъ расторопечъ, хитѣрь и услужливъ, если ожидаетъ, что ему прибавятъ

или дадутъ на водку; онъ—большая помощь, приѣз-
 жимъ при отысканіи домовъ, и глухихъ переулковъ.
 Зимой, появляется въ Москвѣ, извозчиковъ до 12,000;
 у нихъ плохія запряжки, но за то, они не доро-
 жатся и очень удобны для бѣдныхъ людей.—При
 наймѣ лошадей по-мѣсячно, если вы не оградите
 себя, различными условіями съ хозяиномъ, то
 потеряете всякое терпѣніе; на примѣръ: вы под-
 рядите порядочный фаятонъ, а зимою хорошія
 сани, съ парой лошадей и кучеромъ, прилич-
 но одѣтымъ. Первые дни, вы все это будете
 имѣть въ исправности; спустя-же нѣсколько вре-
 мени, увидите, что львую, дышловую лошадь,
 вамъ запрягли безъ хвоста и безъ гривы, тощую,
 какъ скелетъ или такую, на какихъ прежде во-
 зили актрисы; она на цѣлую четверть или выше
 или ниже правой лошади. Зачѣмъ такая гадкая
 лошадь? спрашиваете вы; вамъ кучеръ отвѣча-
 етъ: хорошую заковали, но что завтра будетъ
 непременно другая; и дѣйствительно, завтра
 даютъ другую, перемѣняя не дурную, а хо-
 рошую, которая оставалась и колесницу вашу
 уже тащутъ два полумертвыхъ автомата; а гдѣ
 же другая порядочная лошадь? спрашиваете вы;
 она съ этою не годится, отвѣчаетъ кучеръ,
 очень сударь велика, да и въ дышло плохо

Очер. Мос. жиз.

ходить, забиваетъ. Потомъ извозчикъ докладываетъ вамъ, что у вашей коляски лопнула рессора, а хозяинъ его, присылаетъ такой тряскій рыдванъ, въ которомъ, поѣздивъ нѣсколько дней, вы разломаете себѣ всѣ кости. Зимой, у кучера вмѣсто порядочной шапки, явится вдругъ такой ужасный колпакъ, такого страннаго, полинялаго цвѣта, что первобытнаго его колера вы никакъ не отгадаете. Гдѣ же твоя шапка? кучеръ отвѣчаетъ, украли! Но вы этому не вѣрьте; коляска, поряженная вами не ломалась, шапки никто не кралъ и лошадь не хромаетъ; все это ѣздить съ другимъ сѣдокомъ, отъ котораго также отнимется, если онъ дастъ впередъ денегъ, или хозяинъ увидитъ, что баринъ безпеченъ и на чемъ бы не ѣхать, ему и горя мало. Бываетъ, что молодые люди, по какимъ нибудь неблагопріятнымъ случаямъ, ѣздить съ ямщикомъ въ долгъ и онъ имѣетъ въ нихъ маленькое *сумлѣніе*; тогда ямщикъ просто ужасенъ: онъ объявляетъ, что корма вздорожали и требуетъ двойной цѣны; запрягаетъ уже просто безъ церемоніи не лошадей, а какихъ-то кошекъ, кучеръ въ это время бываетъ одѣтъ въ лахмотьяхъ, сохраняемыхъ кажется нарочно для тѣхъ, кто ѣздить въ долгъ; коляска, обыкновенно — съ одного бока зеленая, а съ другаго желтая,

сукно внутри—похожее на одъяло, сшитое изъ разныхъ лоскуточковъ. Что-же дѣлаетъ баринъ? Не привыкши ходить пѣшкомъ, онъ посердится, разругаетъ ругательски ямщика, и садится съ горемъ по поламъ, въ свою скудную колесницу терпѣнія! Такого рода издоки, обогащаютъ извозчиковъ; они при полученіи денегъ, обыкновенно съ ними честно расплачиваются, забывая весь ихъ немилосердый прижимки, но иногда и надуваютъ. Бываетъ—утромъ прѣдетъ къ барину его красивый фаятонъ, а оставшійся слуга объявляетъ, что господинъ его *ее* ноги изволили ухъать въ деревню; тутъ часто и поминай какъ звали!

РАЗНОЩИКИ.

Безчисленное множество разнощиковъ, всякаго рода, наполняютъ Московскія улицы; одни изъ нихъ, разодѣтые въ синихъ халатахъ, продаютъ дорогой товаръ; другіе—въ сѣрыхъ халатахъ, торгуютъ товаромъ средней цѣны; наконецъ мальчишки и бабы — разносятъ самыя дешёвыя лакомства. При появленіи весны, Московскій разнощикъ обыкновенно предлагаетъ свѣжія яйца; затѣмъ они кричатъ: апельсины, лимоны, кондитерскія печенья, арбузы моздокскіе хорошіе и дыни канталупки, игрушки дѣтскія, яблоки моченныя и сливы соленныя, *шпанскія* вишни, сахарное-мороженое, всевозможныя ягоды, пряники, коврижки, спаржа, огурцы и рѣдька поровая, алебастровыя фигуры, калужское тѣсто, куры и молодые цыплята, медовый макъ, патака съ инбиремъ, горохъ, бобы,

груши и яблоки сушеные на палочкахъ , гречневика, съ масломъ гороховый кисель, бѣлуга и осетрина малосольная, свѣжая икра, живые раки, соты медовые, клюквенный квасъ и молодецкое: *по ягоду по клюкву!* Это особенный родъ разнощиковъ; они обыкновенно бываютъ старики и продаютъ ягоду въ лукошкахъ , накладывая изъ нихъ въ чашечки, и помазывая наложенную порцію, медомъ. Продажа всегда сопровождается, слѣдующею пѣсней: «по ягоду по клюкву, Володимірская клюква, приходила клюква изъ далека, просить мѣди пятака, а вы дѣтушки поплакивайте, у матушекъ грошекъ попрашивайте, ахъ по ягоду по клюкву, *кrrrrунная* Володимірская клюква!»... Разнощикъ-спекуляторъ, обыкновенно надѣваетъ шапку на бокъ и старается смѣшить публику, которая собирается около него изъ мальчишекъ , проходящихъ по улицѣ мужиковъ и бабъ ; онъ часто успѣваетъ въ своей продѣлкѣ и, если бываетъ забавенъ, то съ нимъ почти не торгуются и дешевый товаръ его продается славно, принося на обрабатывающійся въ торговлю капиталъ процентовъ, гораздо больше, чѣмъ выигрываютъ въ косметикахъ на галантерейныхъ товарахъ.

Московскія улицы, оглашаются еще крикомъ другихъ людей, которые не продаютъ, но поку-

нають все, что вамъ угодно, только бы оно было старое и дешевое; часто вы встрѣтите ихъ на большихъ улицахъ и услышите: старья голенища продать, нѣтъ-ли бутылокъ, штофовъ, всякаго старья, тряпья и стараго заячьяго мѣха продать? Кажется московскія собаки, имѣють о людяхъ этого рода, самое дурное мнѣніе и нерѣдко принимаютъ ихъ за воровъ, потому что бросаются на нихъ, съ величайшимъ остервененіемъ, чего никогда не дѣлають при видѣ другихъ разношниковъ.

МАЛЬЧИКИ.

Отъ взора наблюдателя, не можетъ ускользнуть множество мальчиковъ, встречаемыхъ на всѣхъ Московскихъ улицахъ; это дѣти крѣпостныхъ людей, отданные въ ученіе помѣщиками къ различнымъ мастеровымъ, дѣти церковнослужителей и мѣщанъ, школьники уѣздныхъ и приходскихъ училищъ.—Лѣтомъ, даже на многихъ большихъ улицахъ, они играютъ въ бабки, а на тумбахъ тротуара, держатъ пари съ мальчикомъ-разнощикомъ, ломая объ лотокъ пряники, на условленные части, или на этихъ-же тумбахъ, упражняются въ гимнастическомъ искусствѣ и подражаютъ акробатамъ. Въ ясную, но вѣтреную погоду, пускаютъ змѣи, а при дождѣ, запружаютъ воду въ канавахъ, или прогоняя ее палочками, пускаютъ въ неизвѣстный

путь, свои бумажные кораблики; часто пристають къ проходящимъ, въ особенности—къ женщинамъ, дергая ихъ за платки. Съ наступленіемъ осени, при морозномъ утрѣ, гоняють на площадяхъ, и бульварахъ кубари, а зимою играютъ въ снѣжки, или сгребая снѣгъ съ тротуара, катаются на привязанныхъ къ подошвамъ, желѣзныхъ конькахъ, дѣлая такимъ образомъ скользкую полосу. Иногда, неосмотрительный пѣшеходъ, поскользнувшись падаетъ со всѣхъ ногъ, а мальчики забавляются его паденіемъ и дѣлають ему разныя насмѣшки. Мальчикъ на посылкѣ, обыкновенно старается помѣститься на запяткахъ, проѣзжающаго экипажа, и часто щеголь, въ своемъ красивомъ фѣтонѣ, желая блеснуть мимо оконъ, обожанной имъ особы, бываетъ какъ-то смѣшонъ съ своею самодовольною фізіономією, когда шалунъ въ ризахъ нищеты, сгорбясь торчитъ на запяткахъ его богатаго экипажа. Если экипажъ ѣдетъ тихо, то приткнувшійся на запяткахъ, встрѣчая товарищей, часто предлагаетъ раздѣлить съ нимъ удовольствіе попутной ѣзды, и нерѣдко встрѣчаются фѣтоны, у которыхъ на запяткахъ бываетъ по три, незванныхъ попутчика. Когда кучеръ или господинъ случайно примѣтитъ шалуновъ, то мальчики съ быстротою серны, соскакиваютъ на землю и, дѣлая, отъ досады на неудачу, разныя

гримасы, обыкновенно бранять господина *стригу-*
листомъ.—Вообще Московскій мальчикъ: своево-
ленъ, лукавъ, задоренъ между товарищами и по-
чти всегда, имѣетъ страсть къ голубямъ; смотря
на ихъ проказы, нельзя не пожалѣть, что эти
по видимому, ничтожныя дурачества, имѣютъ
большое вліяніе на ихъ будущій характеръ, при-
учая въ первой молодости къ своевольству и по-
зорной лѣни.

НАЕМНЫЕ ЛЮДИ, КУЧЕРА, ЛАКЕИ.

. Ахъ, отъ господъ податѣй,
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовы.
Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь!
Григорьевъ.

Въ Москвѣ, гдѣ живутъ широко, почти въ каждомъ домѣ, бываетъ потребность въ наемныхъ людяхъ. Несмотря, что мы живемъ въ такое время, когда почти всякій сжимается въ комокъ какъ ёжъ, въ Столицѣ есть дома, гдѣ нанимаются люди, единственно для посылокъ съ вопросами: о добромъ здоровьи, о спокойно проведенной ночи, о томъ, поѣдете ли вы въ театръ или на Кузнецкій мостъ, и какое намъ рѣшенье надѣть сего дня платье? Страсть посылать, существуетъ между прекраснымъ поломъ, до такой степени, что кра-

савица, проснувшись и, не получивъ подобныхъ посланій отъ своихъ пріятельницъ, часто бываетъ скучна; по этой-то причинѣ въ Москвѣ, при множествѣ крѣпостныхъ людей, порядочный семьянинъ, почти всегда имѣетъ надобность въ наемныхъ людяхъ и по этому-то случаю, толпы людей, съ прокормежными видами наполняютъ Столицу. Нельзя не догадаться, какъ бываетъ испорчена нравственность этихъ людей, частию отъ праздной и лѣнливой жизни ихъ при мѣстѣ, а преимущественно при пріисканіи его, когда какой нибудь, отосланный отъ своего барина человекъ, получа паспортъ, слоняясь, ищетъ себѣ мѣста. Въ это время, жарчевни и кабаки, ему — дневное убѣжище, ночью же брѣнное тѣло его, отдыхаетъ въ темныхъ подвалахъ, гдѣ эти люди получаютъ ночлегъ, за ничтожную плату, у проживающихъ тамъ, разныхъ мелочныхъ промышленниковъ. Страсть посѣщать грязныя убѣжища Бахуса, до того укореняется въ нихъ, что какая нибудь Московская красавица, посылая *un billet doux* къ своей кузинѣ, никакъ не воображаетъ, что письмо изъ ея миленькихъ ручекъ, побываетъ въ кабацѣ, прежде чѣмъ дойдетъ до роскошнаго будуара, и часто сальное пятно грубой закуски, безобразитъ изящность милаго посланія. Когда вы

станете нанимать въ услуженіе чловѣка, и если на вопросъ, пьешь ли ты вино? будущій вассаль вашъ, охорашиваясь отвѣтитъ: „*пить пьемъ, а пьлаго не увидите;*“ бѣгите отъ него, какъ отъ чумнаго, потому что вы его дѣйствительно не увидите; онъ будетъ пить въ кабакъ, а протрезвляться въ полиціи.

Если будете наблюдать за образомъ мыслей и поведеніемъ людей, находящихся въ услуженіи въ разныхъ домахъ, то увидите рѣзкія противоположности въ лакеѣ Московскаго магната съ лакеемъ, какаго нибудь мелкаго помѣщика, страшную разницу между кучеромъ Сенатора и кучеромъ протолиста. Люди, сообразуясь съ званіемъ и преимуществами господъ своихъ, играютъ между собою, такне свои роли: лакей магната, едва удостоивается наклоненіемъ головы лакея мелкаго чиновника, а кучеръ секретаря, съ особеннымъ уваженіемъ смотритъ на кучера Сенатора и часто гордится, если удостоится его почтеннаго знакомства. Лакеи стараются подражать привычкамъ господъ своихъ, напримѣръ: они, встрѣчаясь между собою, такне пожимаютъ другъ другу руки и спрашиваютъ о здоровьѣ; получа отвѣтъ: слава Богу, они обыкновенно говорятъ, что слава Богу

—лучше всего; это равняется нашимъ форменнымъ привѣтствіямъ, дѣлаемымъ на Французскомъ языкѣ; на вопросъ же, гдѣ вы вчера были-съ? люди отвѣчаютъ: въ Сенатъ, въ Клубъ, въ Театръ въ Собраніи и т. п., смотря по тому гдѣ было угодно побывать вашей особѣ, и гдѣ по этому разсудилось вамъ, оставить въ передней ваше средство.

Войдя въ переднюю незнакомаго вамъ, богатаго челоѣка или вельможи, вы всегда можете смѣкнуть привѣтливъ или гордъ хозяинъ. Когда хозяинъ привѣтливъ, добръ и справедливый челоѣкъ на службѣ, то если вы и не носите на себѣ отпечатка богатства и чиновъ, люди встанутъ при вашемъ появленіи и вѣжливо скажутъ, когда вы можете видѣть ихъ барина. Если же, войдя въ переднюю, увидите, что одинъ изъ людей крапить на ларъ, другіе двое играютъ преспокойно въ шашки, не обращая на васъ вниманія, а четвертый лежить на спинѣ, задравши къ верху ноги, ни сколько не думая снять съ васъ шинели; — говорите смѣло, что хозяинъ этой передней, дерѣтъ часто голову передъ тѣми, кто его ниже, и сгибается въ три погибели передъ тѣмъ, кто его повыше; что бѣдняка онъ не обласкаетъ, и если вы ищете покровительства, то пріѣмъ его,

при раздражительности вашихъ нервовъ, будетъ иногда вамъ очень горекъ.

Если войдете просителемъ, въ переднюю небольшого должностнаго чловѣка и увидите, что слуга васъ принялъ вѣжливо, пошелъ обыкновеннымъ образомъ доложить барину; можете надеяться, что чиновникъ этотъ, выслушаетъ ваше правое дѣло и сдѣлаетъ, что должно, по закону. Если-же въ этой передней, встрѣтитъ васъ чловѣкъ неопытно-пасмурный, хладнокровно дующій въ самоварную трубу, въ то время, когда вы съ нимъ говорите; или такой черезъ-чуръ вѣжливый, что побѣжитъ, сломя голову, извѣщать о васъ барина, а провожая станетъ просить на чай, за то что доложилъ; знайте, что этотъ чиновникъ, хоть и предобрый и прелюбезный, но ужъ иногда черезъ-чуръ любить *благодарность!*

Проходя мимо какого нибудь барскаго дома въ Москвѣ, по людямъ вы всегда узнаете, когда баринъ ухалъ въ гости или не на долго въ деревню; тогда обыкновенно у крыльца, праздный чловѣкъ, брянчить на гитаръ или балалайкѣ, горничная дѣвушка, въ черномъ передникѣ съ кармашками и съточкою на голову, грызетъ орѣшки

и смѣется надъ комплиментами другаго лакея-меломана, который, дѣлая ей глазки, поетъ съ присвистомъ подъ музыку своего товарища, какую-то смѣшную и не совсѣмъ скромную пѣсню. Вечеромъ, мальчишки, одѣтые казачками, возятся у воротъ, таская другъ друга за волосы; на дворѣ большіе лакеи и кучеръ въ поддѣвкѣ, стоятъ кучкою и скалятъ зубы или играютъ въ орлянку; поварѣнки ѣздятъ верхомъ другъ на другѣ, дѣвушки, одѣтыя съ большимъ стараніемъ, рѣзвятся въ горьлки, пищатъ и хохочутъ, какъ обыкновенно хохочутъ горничныя, не отъ чего либо смѣшнаго, а отъ радости, что господа уѣхали.

Въ каждомъ сословіи, есть непременно свой любимый предметъ, для разговора: приказный толкуетъ о дѣлахъ даже и тогда, когда ему *изъ глазъ лезутъ мальчишки*; армейскій капитанъ, строитъ комплименты барышнѣ, а самъ такъ и наровитъ поговорить что нибудь о своемъ полковникѣ; отъявленный франтъ умѣетъ всякій разговоръ окончить сужденіемъ о какомъ нибудь модномъ фракѣ или плащѣ; игрокъ, довольно молчаливый въ обществѣ, всегда краснорѣчивъ, когда говорить объ игрѣ; праздный волокита, ни о чемъ больше не бредитъ, какъ о своихъ часто сомнительныхъ по-

бѣдахъ; помѣщикъ толкуетъ объ урожаѣ, инимый аристократъ о политикѣ, брюзгливая старуха всегда сплетничаетъ, запоздалая невѣста всѣхъ злословить, докторъ съ женою, толкують о практикѣ; мелкій писатель поретъ дичь о литературѣ, стараясь обратить разговоръ на свое пустое сочиненіе; дамы и дѣвушки всѣхъ возможныхъ круговъ, смотря по обстоятельствамъ говорятъ, о политикѣ и о наукахъ, о театрѣ и о балѣ, о музыкѣ и о погодѣ, о башмакахъ и о муштинахъ, нерѣдко объ ихъ ногахъ, носкахъ и даже панталолахъ; словомъ, въ обществѣ бываетъ рѣдкость, когда столкнутся нѣсколько человѣкъ и примутъ общее, нелицемѣрное участіе въ разговорѣ, потому что каждыя и каждую занимаютъ совершенно разные предметы; но общество господскихъ людей, лишено этаго неудобства; у нихъ у всѣхъ—одинъ общій, любимый разговоръ о господахъ. Когда люди между собою знакомятся, то они не тратятъ по пустому время въ бесѣдахъ о погодѣ, напротивъ спѣшатъ узнать другъ отъ друга хороши или худы у нихъ господа.

По разумѣнію Московскаго лакея, баринъ его бываетъ добрымъ господиномъ, когда онъ, видя усердную службу, любитъ своего слугу, награж-

даеть за вѣрность и не преслѣдуетъ за какую нибудь маленькую вину, какъ существо, которое будто не должно уже имѣть никакихъ слабостей; когда онъ его не колотитъ по скуламъ за всякую бездѣлицу, отъ того только, что возвратился сердитый изъ Клуба, гдѣ продулся въ пухъ, или поссорился съ актрисой, у которой неожиданно, засталъ незнакомыхъ ему гостей. Горничная любитъ свою барыню, когда она не таскаетъ ее за косу, не ломаетъ ея гребенокъ и не бьетъ по напрасну, за тѣ только, что дѣвушка красивѣе своей госпожи и баринъ иногда за нею шибко приволакиваетъ. Она обыкновенно называетъ барыню ангеломъ, когда удачно справляетъ ея маленькія комиссіи и имѣетъ общіе съ нею секреты отъ барина. Человѣкъ говоритъ худо о своемъ господинѣ, когда помѣщикъ не понимаетъ вѣрной службы, и чтобы слуга не сдѣлалъ добраго, онъ все смотритъ на него, какъ на Хамово сѣмя; когда баринъ плохо кормитъ лакея и только что не говоритъ, ты хоть воруй куръ у сосѣда, а не смѣй просить у меня харчей и обуви. Слуга особенно ругаетъ такого господина, который подъ веселый часъ, шутить слишкомъ фамиліарно съ человѣкомъ, а потомъ вдругъ задастъ ему славную таску, безъ всякой причины; иногда-же человѣкъ не любитъ барина

за то, что онъ ему не позволяетъ воровать, наряжаться въ господское платье, ходить въ кабакъ и распивочную лавку, гдѣ часто собирается очень пріятное общество для Московскаго слуги. Горничная обыкновенно называетъ свою барыню *схидною*, когда та придирается къ ней за всякіе пустяки, не пускаетъ погулять въ праздники, злится что у дѣвушки хорошенькая талія, слишкомъ полная грудь, и запрещаетъ носить такую прическу, какая нравится горничной; когда злая барыня, изъ одного каприза, не выдаетъ ее замужъ за лакея-меломана, и когда коварная помѣщица, разлучая нѣжно-любящіеся сердца, между тѣмъ безпрестанно подсматриваетъ за ними, и чуть замѣтитъ какія нибудь шуры-муры, то какъ-разъ меломана упечётъ въ солдаты а дѣвушку острижетъ, да отдастъ за мужъ за деревенскаго мужика. Чѣмъ лакей образованнѣе, тѣмъ сильнѣе ненавидитъ ливрею, объявляющую всѣмъ и каждому, что онъ ничто иное, какъ *человѣкъ*. Онъ обыкновенно старается занять такую должность, которая бы давала возможность ходить безъ галуновъ; нерѣдко лакей чуть не плачетъ, когда по фантазіи Московскаго щеголя, ему приходится носить какіе нибудь малиновые панталоны съ золотою лампасою; въ это время онъ обыкновенно подвергается насмѣшкамъ гор-

ничныхъ и задорныхъ мальчиковъ, которые его при всякомъ удобномъ случаѣ, ругаютъ халуемъ.

Въ Охотномъ ряду есть трактиръ, куда по раннимъ утрамъ стекаются толпы поваровъ и господскихъ людей разнаго рода. Причина тому слѣдующая: всякій мясникъ или продавецъ овощей, спешить задобрить управителя и повара, покупающихъ у него провизію, и для этого, въ особенности при расплатѣ, считаетъ непременною обязанностію, ихъ порядочно угостить; въ этотъ-же трактиръ, уходятъ обыкновенно лакеи съ шубами своихъ господъ, въ то время, когда они блистаютъ въ Театръ или въ залъ Благороднаго Собранія. Тутъ иногда, при обильномъ распиваніи чаевъ, поглощеніи блиновъ, рассказываютъ люди другъ другу о домашней жизни богатыхъ и бѣдныхъ своихъ господъ и, какъ говорится, порядочно ихъ судачать; много открывается здѣсь тайнъ изъ частной жизни празднаго, дѣльца, ученаго, игрока, красавицы, безобразной, вельможи, маленькаго человѣчка, и по неволь подивившись безразсудству людей, часто ввѣряющихъ случаю, честь и спокойствіе своего семейства, полагаясь на скромность болтливой горничной или неуклюжаго лакея, думая что маленькія тайны ихъ, умираютъ вмѣстѣ съ ихъ маленькими преступленіями.

ВОРОВСТВО, ПЬЯНСТВО, ПОРОКИ ВООБЩЕ.

Въ Москвѣ, гдѣ зоркое око Правительства блюдетъ неусыпно, за сохраненіемъ правъ личности и собственности каждаго гражданина, вы рѣдко слышите о важныхъ преступленіяхъ. Убійство здѣсь почти неслыханно, грабежи рѣдки и почти невозможны; но какъ при такомъ огромномъ населеніи Москвы, трудно, чтобъ не было людей порочныхъ, то изъ числа всѣхъ преступленій, всего чаще представляются, воровство и пьянство. Главныя, побудительныя причины воровства—страсть къ приобрѣтенію и нужда; пьяница ремесленникъ, сперва пропиваетъ свои деньги, потомъ одежду и наконецъ воруетъ. Нельзя не упомянуть съ какимъ рвеніемъ, полиція открываетъ преступника и почти цѣль примѣра, чтобъ воров-

ство, какое бы то ни было, большое или малое, осталось необнаруженным; дѣятельность и бдительность полиціи, въ этомъ случаѣ неимоверна; мелкіе исполнители ея власти, имѣютъ какое-то чутьѣ къ поличному, и воръ не успѣетъ еще спрятать и сбыть похищеннаго, какъ уже оно бываетъ отнято у него рукою правосудія.

Сколько съ одной стороны, воровство преследуется, столько съ другой, порокъ изощряется въ выдумкахъ на незаконное пріобрѣтеніе. Мелкіе воры или, такъ называемые, карманники, составляютъ въ Москвѣ между собою маленькую компанію и помогаютъ другъ другу по знакомству, единственно изъ одолженія, не требуя части изъ добычи, но только равномѣрной услуги при случаѣ. Такимъ образомъ очень часто, гдѣ нибудь на перекресткѣ или на площади, притворяясь пьяными, они заводятъ между собою ссору, а иногда маленькую драку; въ пять минутъ, ихъ окружаетъ толпа праздныхъ зѣвакъ и пока ожидаютъ прибытія городского, ссоряющіеся помиряются и разойдутся. Между тѣмъ любопытные прозвали, кто носовой платокъ, кто табакерку, а иногда часы и кошелекъ. Бываетъ, что мошенникъ, пойманный и уличенный въ воровствѣ, успѣваетъ скрыть-

ся отъ наказанія, при помощи своихъ товарищей, которые обыкновенно въ это время, въ виду народа, бьютъ вора и, постепенно окруживъ его, отнимаютъ такимъ образомъ у толпы; потомъ, показывая себя ожесточенными мстителями воровства, они принимаютъ на себя обязанность, отвести вора въ будку, и отойдя съ нимъ нѣсколько шаговъ, даютъ ему свободу. Вообще воровство производится карманниками въ тѣснотѣ; часто, капишонъ щеголя, отрезанный на-скоро негодяемъ, продается на толкучемъ рынкѣ и идетъ на фуражки; шаль богомольной купчихи, лишается своего лучшаго украшенія — углового букета, который мошенникомъ, уступается за безцѣнокъ знакомой торговкѣ, или отдается даромъ въ полливной, красавицѣ, въ кубовомъ платочкѣ.

Иногда, при неудачѣ въ воровствѣ, мошенники поднимаются на хитрости; они сочиняютъ фальшивую тревогу, крича жалобнымъ, разрывающимъ душу голосомъ: батюшки, держите, держите, обокрали, ограбили!... Со слезами увѣряетъ иной, что у него похитили платокъ, съ завязанными въ немъ деньгами, которыя онъ пріобрѣлъ въ кровавомъ потѣ и несъ для уплаты податей или оброка. Притворяющійся, падаетъ въ ноги и вынуждаетъ ча-

сто оказывать ему пособіе, отойдя же нѣсколько шаговъ, радостно смѣется онъ надъ легковѣрнымъ благотворителемъ, дѣлать деньги съ товарищами и скрывается въ харчевню, гдѣ обыкновенно ихъ весь пропиваетъ. Вообще пьянство и другіе пороки существуютъ болѣе между людьми, живущими на фабрикахъ и между мастеровыми, слабо управляемыми отъ своихъ хозяевъ. Эта жизнь бываетъ источникомъ появленія между ними разныхъ болѣзней.

КЛИМАТЪ, БОЛѢЗНИ.

Климатъ въ Москвѣ умеренный. Зимніе морозы достигаютъ до 30°, но продолжаются не долго; лѣтніе жары рѣдко превышаютъ 28°, осень преимущественно бываетъ сухая и здоровая, весна—почти всегда непостоянна, но рѣдко сопряжена съ какими нибудь повѣтріями и болѣзнями. Грозы въ теченіи лѣта не свирѣпствуютъ, среднее число ихъ въ году 11. Почти всегда благорастворенный воздухъ, исключая нѣсколькихъ удушливыхъ дней во время лѣта, причиною весьма малой смертности въ Москвѣ; среднее число, умирающихъ въ день, 15 человекъ.

Главныя, господствующія болѣзни въ Москвѣ: горячка, дихорадка, апоплексія или параличъ, подагра, водяная, сухотка, чахотка, цынготная, зубная, насморкъ, глазная, кашель, обыкновенные простудные припадки, ревматизмъ, кок-

люшъ, золотуха, геморой, скарлатина, корь, оспа, лишаи, ломота и сифилитическая.—Болезни, развиваются преимущественно въ нисшемъ классѣ между ремесленниками и фабричными; распространенію ихъ способствуютъ, безнравственность, неопрятность и часто невозможность лечиться, за недостаткомъ средствъ; къ тому же невѣжды, скрывая первоначальное появленіе недуга отъ нераднїя, даютъ ему развиваться въ высшей степени, предаваясь обычной неумѣренности въ питьѣ и пищѣ. Когда же они достигаютъ до совершеннаго изнеможенія, то по невѣжеству, не прибѣгаютъ къ докторамъ, а лечатся у какихъ-то бабъ, мужиковъ и отставныхъ фельдшеровъ, которые такъ сказать, замазываютъ наружные признаки болѣзни, давая ей полный разгулъ въ больномъ тѣлѣ; спустя нѣсколько времени она и открывается въ немъ еще съ большею силою; тогда только больные обращаются къ совѣту докторовъ, но въ это время, часто исцѣленіе уже невозможно. Впрочемъ, люди, не имѣющіе права лечить медицинскими средствами, строго преслѣдуются медицинскою полиціею, а хозяевамъ и содержателямъ фабрикъ, строго внушается имѣть неослабный надзоръ за поведеніемъ и опрятностію фабричныхъ, какъ за двумя главными источниками ихъ здоровья.

ЛЕКАРЯ.

Я не буду распространяться здѣсь, о доблестныхъ сановникахъ, оказывающихъ великія пользы наукъ и страдающему человечеству. За чѣмъ хвалить мужей добра и славы; кому неизвѣстно, что каждый день жизни ихъ, знаменуется благотвореніемъ ближнему? Они, среди трудныхъ заботъ своихъ, въ больницахъ, призирающихъ убогихъ страдальцевъ, и въ смрадной хижинѣ, умирающаго бѣдняка, спѣшатъ подать благотворительную руку помощи несчастному, и отдалить это страшное для чловѣка, разставаніе души съ тѣломъ; они облегчаютъ тяжкія страданія вдовицы и изувѣченнаго воина, первые приближаются къ зараженному язвами и дыханіемъ губительной эпидеміи. Своими глазами видѣли мы этихъ знаменитыхъ сановниковъ, съ

самоотверженіемъ спѣшившихъ на помощь, къ гибнущимъ собратамъ; смѣло ратоборствовали они противъ грознаго недуга, исторгая изъ объятій смерти отца семейства, оставлявшаго по себѣ безутѣшныхъ дѣтей, и врачуя тѣло больного, врачевали его душу, удерживая неимущаго отъ отчаянія и ропота, своими священными благотвореніями. Бывъ сами нѣжными отцами семействъ, они забывали все, что имъ было такъ дорого на свѣтъ, и увлеченные сладостью благотворенія, неустрашимо выходили они на бой съ смертію, не требуя ни изды, ни благодарности, потому что въ благородной душѣ ихъ, было лучшее для нихъ воздаяніе — добро, ими сдѣланное и радостное чувство его сознанія. Но перейдемте отъ людей необыкновенныхъ, добродѣтельныхъ — богатыхъ не мелочною, торговою славою, а великою, свѣтлою славою Христіанина-благотворителя, къ людямъ обыкновеннымъ, какихъ большая часть насъ грѣшныхъ, явившихся на короткое время погулять по Божію міру, полюбоваться Его звѣзднымъ небомъ, посмотреть на птицъ, летающихъ по воздуху, покушать и употребить на свою пользу различныхъ животныхъ, и наконецъ познакомиться съ подобными себѣ, съ тѣми, которыхъ мы застали уже здѣсь, явившимися для того только, чтобъ принять

насъ и угостить и съ тѣми, которые пришли сюда послѣ насъ, единственно за тѣмъ, чтобъ въ свою очередь проводить по пріятельски домой, на нашу скромную, не совсѣмъ просторную, но спокойную квартиру, куда кто пибудь изъ насъ, каждый день отправляется нехотя; гдѣ мы живемъ уже дружно, не ссоримся, не плачемъ, не кричимъ, какъ это часто дѣлаемъ здѣсь, совершенно по пустому, а разрушаясь въ ничтожество, гордо лежимъ на своихъ холодныхъ постеляхъ, безъ желаній, безъ страстей, уже не гоняясь, какъ угорьные за обманчивыми призраками счастія. Перейдемте, говорю къ мелчайшимъ лекарямъ, которыхъ слава еще не начиналась и можетъ быть никогда не начнетъ; къ людямъ, составляющимъ одну непримѣтную песчику Божьяго созданія, получившимъ въ удѣлъ одну скромную *неизвѣстность*; къ людямъ которые, предохраняя насъ отъ смерти, наконецъ умрутъ и сами, не оставя по себѣ слѣда существованія, какъ не оставляетъ по себѣ никакого слѣда струя въ канавѣ, проведенная во время проливнаго дождя, палочкою празднаго мальчика.

Знаете ли, что теперешній вольнопрактикующій лекарь въ Москвѣ, и тотъ, котораго вы знавали лѣтъ двадцать-пять назадъ, — большая разница;

старинный лекарь, тогда васъ посѣщавшій, одѣвался часто слишкомъ некрасиво. Онъ ходилъ въ узкихъ, предосудительно-короткихъ панталонахъ безъ ремешковъ; только слава, что на немъ висѣлъ фракъ, но этотъ фракъ, застегнутый небрежно на одну верхнюю пуговицу, былъ поношеніе всѣмъ фракамъ; у него была старая пуховая шляпа, съ обломанными полями, совсѣмъ безъ ворса, а зимою, какой-то странный картузь съ большими ушами; голова не причесана, шея его обматывалась бѣлою, поношеною косынкою съ грубо-вышитыми уголками, на которыхъ бывали искусственные и самородныя дырочки; серебряныя часы его походили на луковицу. Подходя къ больному, онъ нерѣдко, безъ всякой церемоніи бралъ его за обѣ скулы, такъ, что тотъ невольно высовывалъ языкъ; щупая пульсъ, иногда такъ сильно жалъ руку пациента, что съ больнымъ дѣлалась истерика; при малѣйшей сомнительности болѣзни, онъ дѣлалъ важную мину и говорилъ: Гмъ, да, опасно! не боясь ни сколько огорчить больного. Прописывалъ такія гадости, въ такихъ аллопатическихъ пріемахъ, что отъ его лекарства буровились всѣ кишки; онъ гладилъ животъ вамъ, щупалъ прочія части тѣла, и потомъ, безъ всякихъ околичностей, лѣзь съ необмытыми руками въ вашъ ротъ, а про-

щаясь и, получая за визитъ, обыкновенно раскланивался приговаривая: Богъ милостивъ, *отъ л васъ поочищу и все пройдетъ*. Но вмѣстѣ, съ быстро разлившимся просвѣщеніемъ, не тотъ уже сталъ теперь и самый мелкій лекаръ въ Москвѣ; онъ танцуетъ въ Благородномъ Собраніи, волочитъ за хорошенъкими паціенточками, играетъ по большой игрѣ въ Клубъ; у него фракъ сшитъ по послѣдней модѣ; онъ является къ больному съ благородною, веселою фізіономіею, въ золотыхъ очкахъ, щегольскихъ перчаткахъ, развлекаетъ больного и прибаутками и анекдотцами; онъ внимателенъ къ нему и предусмотрителенъ, какъ нѣжный отецъ, заботящійся о своемъ дѣтищѣ; говоритъ съ удивительною въжливостію: откройте ротикъ, покажите вашъ язычекъ или язычокъ, прищурьте глазки, протяните ножку, позвольте мнѣ посмотреть *“вотъ эту раночку, въ которую, иногда можно уложить цѣлый кулакъ; щупаетъ пульсъ осторожно, двумя пальчиками, какъ будто, боясь измять вашу ручку, прописываетъ превкусные лекарства, въ хорошенъкой коробочкѣ и золотой оберточкѣ. У васъ смерть на носу, а онъ говоритъ это ничего, завтра же будете молодцомъ, и успокоиваетъ васъ иногда, одною холодною водою. Прощаясь, онъ не протягиваетъ руки,*

а бѣжить изъ комнаты, забывая, что ему надобно получить, за визитъ и, заставляя догонять себя уже въ передней. Когда больной умретъ, то нынѣшній врачъ не спрячется отъ своего субъекта, а какъ человекъ съ чистою совѣстью, горько плачетъ о немъ, вмѣстѣ съ его семействомъ. Онъ ба-ринъ у себя дома: у его подъѣзда колокольчикъ, квартира прекрасно меблирована, въ его кабинетъ анатомическіе препараты и дорогія галантерейныя вещи, подаренныя въ знакъ вѣчной памяти; онъ сидитъ въ халатъ на соболяхъ и читаетъ медицинскіе журналы, слѣдя современные успѣхи Онеопатіи, Гидропатіи и Литературы; иногда самъ пишетъ стихами и прозою; словомъ онъ чудесный человекъ въ обществѣ и золотой женихъ.

Московскій лекаръ, имѣющій большую практику, обыкновенно ѣздитъ въ фѣтонъ, запряженномъ парой лошадей или въ маленькой кареткѣ, и сидя въ экипажѣ, почти всегда читаетъ какую нибудь книгу; лекаръ безъ практики, обыкновенно путешествуетъ по городу на плохомъ извозчикѣ или по образу пѣшаго хожденія. Предразсудки такъ сильны, что въ Москвѣ — множество людей, ни за что не повѣрятъ себя лечить самому искуснѣйшему врачу, если онъ пріѣдетъ къ нимъ безъ

крестовъ, на ванькѣ; даже есть и такіе, которые сомнѣваются въ искуствѣ доктора, если онъ не носить золотыхъ очковъ, и надобно согласиться, что врачу предстоитъ много труда и терпѣнія, чтобъ пріобрѣсть себѣ единодушную славу, въ своенравной публикѣ.

Оканчивая эту статью, я могу съ удовольствіемъ, безпристрастно сказать, что весь вообще Московскіе врачи, всегда отличались и отличаются страданіемъ къ ближнему. Видя безпрестанно предъ собою примѣры достойныхъ наставниковъ, уже стяжавшихъ громкую славу не въ одной Москвѣ, они по первому призыву, спѣшатъ оказывать пособіе неимущему и не было случая, чтобъ въ Москвѣ врачъ, отказался навѣстить безпріютнаго сиrotу-горемыку, прибѣгнувшаго къ его помощи.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ МОСКВЫ.

Въ числѣ 350,000 жителей, составляющихъ народонаселеніе Москвы, и состоящихъ преимущественно изъ природныхъ Москвитей, помѣщиковъ и купцовъ другихъ губерній, пріѣзжающихъ въ Москву для временнаго пребыванія по дѣламъ своимъ, находятся иностранцы разныхъ націй, а именно: Нѣмцы, Французы, Англичане, Италіянцы, Шведы, Греки, Армяне, Турки, Персіане, Татары, Бухарцы и Жиды; послѣднимъ дозволено токмо кратковременное пребываніе въ городѣ, по производимымъ ими торговымъ промысламъ. Всѣхъ иностранцевъ обоюго пола, проживающихъ: исповѣдующихъ Римско-Католическую вѣру, 1500 чело-
вѣкъ, Евангелико-Лютеранскую 2000, Реформат-

скую 500, Армяно-Грегорианскую 610, Магометанскую 390. Вся они, согласно съ законами Россійскаго Государства, пользуются правами природныхъ жителей, въ отношеніи личности и собственности, имѣя полную свободу въ отправленіи Богослуженія, и все вмѣстѣ, на разныхъ языкахъ, каждый по вѣрѣ своихъ праотцевъ, славятъ они Всемогущаго и Единого Бога въ Первопрестольной нашей Столицѣ, моля Его о ниспосланіи всѣхъ благъ ея Державному Хозяину и всему Царствующему Дому Его.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Читать:

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>		
4	7	нѣсколько	нѣсколько
71	5	незамѣчаемую	незамѣчаемою,
72	8	не принужденно	непринужденно
75	1	углуга	услуга
75	9	вѣромъ	вѣромъ
77	12	не приспупны	неприспупны
78	12	поспины	поспины
89	5	не слыханныя	неслыханныя
103	4	никаго	никакого
125	26	не.	
125	5	пируеть	пируеть
145	16	неглиже	неглиже
161	5	услушните	услушните
192	11	пантодонахъ	панталонахъ.

